

Аля Файнари

18+

ФРЕЙЯ

Ведущая
ВОЛКОВ

Она проживет три жизни.
И лишь в одной обретет свободу.

Young Adult. Сказания Диких Земель

Аля Файпари

Фрейя. Ведущая волков

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аля Файпари

Фрейя. Ведущая волков / Аля Файпари — «Эксмо»,
2024 — (Young Adult. Сказания Диких Земель)

ISBN 978-5-04-193923-6

В Диких Землях нет никого страшнее, чем клан дикарей Кезро... Фрейе было семнадцать, когда этот злой рок обрушился на ее деревню, оставив после себя лишь холмы пепла. Дикари сожгли все вокруг дотла. Лишенная дома, потерявшая всех, кого любила, девушка была вынуждена выживать в диких лесах, прибившись к волчьей стае. Однако едва суровые метели сменились мягкими ветрами, ее настиг новый кошмар. Кезро взяли девушку в плен, но Фрейю выторговал суровый незнакомец. Его намерения чисты. Вот только железный браслет на предплечье говорит о нем больше, чем кажущаяся искренность зеленых глаз. Как можно верить тому, кто заключил союз с извергами? Фрейя ни перед кем не преклонит колен. Она подавит боль и будет ждать часа расплаты. Но, пережив суровые испытания, кровь и жестокость сражений, обретет ли она путь к свободе?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-193923-6

© Аля Файпари, 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Пролог	7
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	64
Глава 9	70
Глава 10	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Аля Файпари Фрейя. Ведущая волков

Посвящается моей прабабушке

Вере (1933–2017).

Твоя вера в меня подобна посоху, опираясь на который, как и на память о тебе, я продолжаю свой путь.

Мне не хватает тебя. И я всегда буду сожалеть, что у нас было так мало времени.

Греедом

© Аля Файпари, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Плейлист

Loic Nottet feat. Raphaella – «Wolves»
The Wolf Song – Nordic Lullaby – «Vargsangen»
AURORA – «Running with the Wolves»
First Aid Kit – «Wolf»
Kodaline – «Brother Stripped Back»
Ashes Remain – «Right Here»
Rihanna – «Towards The Sun»
Natasha Blume – «Journey»
Alex & Sierra – «Little Do You Know»
Peyton Parrish – «Oh My Son»
Peyton Parrish – «Valhalla Calling»
Peyton Parrish – «For Honor»

Peyton Parrish – «Skol»
Two Steps From Hell – «Star Sky Vocal Theme»
UNSECRET, Neoni – «Fallout»
James Young – «Infinity»
Фидель – «Не буду бояться»

Пролог Фрейя

Шесть месяцев назад

Я медленно продвигалась вперед под тенью деревьев, наложив стрелу на тетиву лука. Бока Ветра часто раздувались подо мной, позволяя прочувствовать всю силу нетерпения коня. От его крупа исходили волны жара, а мышцы подрагивали в возбуждении. Уши стояли торчком и нервно дергались из стороны в сторону. Я мягко покачивалась на его спине – наслаждалась единым ритмом биения наших сердец. Мои светлые кудри и длинная вороная грива коня развеивались от изредка налетавшего осеннего ветра. Скользящая после недавно прошедшего дождя листва заглушала стук копыт, а густые кроны отражали лучи заходящего солнца и скрывали нас от глаз добычи.

Мы находились в нескольких километрах от деревни, и синева неба, медленно сменявшаяся алыми красками, напоминала о необходимости скорого возвращения домой. Но я не хотела пускаться в обратный путь с пустыми руками.

Едва впереди показалась наша цель, я сделала легкое движение ногой. Конь моментально повиновался и замер на месте, тихонько пофыркивая. Я медленно подняла оружие и натянула тетиву, направив наконечник стрелы в грудь небольшой самки вепря, которая мерно пощипывала редкую травку у каменной гряды и довольно похрюкивала, не подозревая о нависшей над ней опасности. Мои губы едва касались слегка подрагивающих от напряжения пальцев, дыхание колыхало пестрые перья.

Я бесшумно выпустила воздух из груди, приготовившись спустить стрелу, как вдруг Ветер вскинул голову и сбил мне прицел. Жеребец принялся лихорадочно перебирать копытами, с громким ржанием взмахивать гривой, и жертва воспользовалась ситуацией: визгливо вопя, стремительно скрылась среди деревьев.

Я раздраженно опустила лук и сжала колени, пытаюсь удержаться на взбесившейся лошади.

– Прекрати! Эй! В чем дело, мальчик?

Он панически завизжал, так громко, что у меня заложило уши. И рванулся вперед, сделав несколько длинных прыжков в сторону дома. Я ухватила за веревку, повязанную вокруг его шеи, откинулась назад и прижала ноги к бокам коня, заставляя успокоиться. Кроме этого импровизированного тонкого поводка на нем не было никакой амуниции. В ней не было нужды. Вместо стягивающих морду ремней я использовала доверие, обретенное за многие годы.

– Да что с тоб...

В этот момент сквозь крону высокого дуба я заметила тусклую дымовую завесу, которая поднималась на горизонте. Там, где находилась наша деревня. Я не раздумывала ни одного мгновения. Легонько пришпорила Ветра, и он безропотно подчинился, рванув к дому. Однако мы были слишком далеко, чтобы успеть вовремя.

Скользкие по водянистой грязи копыта жеребца поднимали брызги и комья земли. Зажав гриву в кулаке, я прижималась к его шее и время от времени подгоняла вперед, поддерживала за повод, когда он спотыкался на неровной почве. Я прекрасно осознавала, что он отдает все свои силы на движение, но страх с ужасающей скоростью сковывал нутро, ведь расстояние сокращалось слишком медленно.

Лес превратился в неразличимое пятно, и спустя, казалось бы, вечность я начала узнавать родную местность. Ветер тяжело дышал, но не сбавлял темпа. Пена собралась вокруг его рта и летела мне в лицо, когда конь дергал опущенной к земле головой. Чем ближе мы подходили,

тем плотнее дым заполнял небо. Горечь проникла в мой рот, глаза защипало. Содрогаясь от кашля, я попыталась протереть их рукавом, но это было бесполезно.

Вскоре темнота совсем поглотила нас, и разглядеть дорогу стало почти невозможно. Именно тогда я услышала звуки, от которых все внутри перевернулось. Дикие подвывания и прерывистые вскрики, имитирующие животных, прорезали тишину. От охватившего меня ужаса я едва не свалилась с лошади. Кровь бешено застучала в висках, в глазах потемнело.

Во всех землях, которые можно было увидеть с гребня самой высокой горы, существовали лишь одни существа, способные издавать такие звуки.

Воины клана Кезро.

Сущие демоны, никогда не знавшие пощады. Чудовища, легендами о которых юнцы запугивали девушек у костра, смеясь, дабы не выдать собственную дрожь. Никто точно не знает, откуда они пришли. Но забредавшие к нам путники рассказывали о тени разрушений, что легли на территории некоторых южных кланов. Вот только Кезро не останавливались на достигнутом, продвигаясь все дальше. И когда дикари захватили скромные поселения за нашими лесами, а после затихли, мы выдохнули, решив, что враг получил желаемое. Однако мы недооценили его. В этом мире Кезро жаждали стать единственными властителями. Но еще больше их привлекала жестокость. И кровопролитие.

Если верить рассказам старших мужчин, после набегов дикарей не оставалось ничего живого. Если верить их рассказам... у нашей маленькой деревушки не было никаких шансов.

Мы вырвались из зарослей, и кошмар воплотился в явь. Ветер испуганно отпрянул от жара пламени, которое по высоте могло посоревноваться с окружающими равнину деревьями. Я судорожно вцепилась в веревку и огляделась вокруг, чувствуя, как сердце порывается выскочить из груди. От треска горевших хижин закладывало уши, а в нос проникал запах паленого мяса, от которого в горле встал тугой ком.

Загорелые, мускулистые дикари скакали на поджарых пегих лошадях меж полыхающих домов. Рыжие блики играли на потных полуобнаженных телах демонов и подкрашивали алым выпученные глаза их взмысленных коней.

Отовсюду раздавались отчаянные предсмертные вопли. Кезро хладнокровно бросали подожженные факелы у порогов хижин и в пробегающих мимо людей моего клана. Оставшихся в живых косили, точно скот, острыми копьями с шипами или сбивали с ног тяжелой пращой. Мужчины с беспомощным ревом бросались на защиту своих семей, но их попытки скорее напоминали то, как мыши защищаются от стаи голодных ворон, разорвавших их гнездо.

Не отдавая отчета в своих действиях, я пустила коня в сторону родного дома. Ветер проворно огибал горящие балки, что скрывали нас от глаз чудовищ, и шараялся от объятых пламенем фигур. Оставалось всего несколько метров до нужного места, когда я на ходу слетела со спины лошади и рванула к полыхающей двери.

– Мама! Мама!

Прикрыв предплечьем лицо, я схватилась за уже обгоревшую ручку и распахнула дверь. По пальцам скользнул обжигающий огонек, но я не почувствовала боли, ошеломленно уставившись в проем. Каждый уголок привычных мне с рождения комнат рушился под натиском красного зверя.

– Мама! – в отчаянии позвала я охрипшим голосом. Но как ни вслушивалась, сквозь рев огня и хруст дерева не доносилось ни звука. Некому было мне отвечать.

Вниз полетела обугленная балка, заваливая дверной проем, отчего я прикрыла голову руками и инстинктивно отскочила назад. Я не сразу поняла, что рыдания и крики, разрывавшие округу наряду с воплями боли, принадлежали мне. От удушливого смрада слезы тут же высыхали на щеках. В грудь больше не поступал воздух. Я хватала ртом один лишь едкий дым и, как в тумане, начала оседать на почерневшую от пепла землю.

Сквозь помутневшее сознание я услышала громкое ржание и сопровождающие его резкие, насмешливые подвывания. Я медленно обернулась, увидев, что трое дикарей на пятнистых жеребцах окружили Ветра и набросили на его шею тугие петли. Мой конь отчаянно сопротивлялся, но силы, которые были почти истрачены на дорогу сюда, уже покидали его. Наши взгляды встретились. Пламя отражалось в расширенных глазах сражавшегося за жизнь друга, и от немого предупреждения в них сердце мое замедлилось в груди, грозясь остановиться.

Будто со стороны я увидела, как мои ноги выпрямились и быстро двинулись к лошади. Но не успела я сделать и несколько шагов, как кто-то схватил меня сзади и приставил к горлу грязное, покрытое свежей кровью лезвие. Потный мужчина, измазанный какой-то субстанцией, прижался ко мне всем телом и начал что-то вкрадчиво приговаривать на своем мерзком языке.

Я слотнула ком тошноты и постаралась подавить инстинктивный порыв забиться в его руки, словно жертва, как только его чресла красноречиво коснулись моей поясницы. Не обращая внимания на нож у глотки, я без колебаний дернула запястьем, и в ладонь привычно скользнула резная рукоять. Я быстро отвела руку назад и ощутила легкое сопротивление, когда кинжал пронзил живот чудовища.

Дикарь глухо вскрикнул. Грубые шершавые пальцы на моей шее конвульсивно сжались.

Воспользовавшись заминкой, я присела и вырвалась из его плена, только чтобы угодить в руки сразу двум подоспевшим Кезро. Один из них скрутил мне плечи, а другой накиннул на шею веревку с явным намерением сделать из меня пленницу. Они что-то коротко прорычали и усилили хватку, когда я начала вырываться, но против этих рослых чудовищ я была бессильна.

Вдруг прямо перед моими глазами возникло покрытое шрамами и черной краской лицо одного из мужчин; на его губах играла леденящая кровь улыбка. Он выглядел на удивление молодо, но из-за разрисованной кожи нельзя было точно определить его возраст. На лоб Кезро спадали крашенные в разные цвета пряди с вдетыми в них перьями, делая его нездорово кровавый взгляд еще более иступленным. Бедра были прикрыты отороченной мехом плотной повязкой, из-под которой выглядывали мощные ноги. На голой, забрызганной алыми каплями шее на шнурке висели фаланги пальцев и человеческие зубы. От каждого движения они злое покачивались и отбивали холодящий жилы ритм.

Незаметно приняв запах той странной зеленоватой субстанции, которая была тщательно нанесена практически на все тело Кезро. Он был терпким и наверняка использовался для отвлечения хищников или собак.

«Вот как они смогли незаметно пробраться в деревню».

Дикарь что-то процедил.

Я ударила его в лоб своим. Он с шипением отпрянул и, наступив на горящий сук, неуклюже повалился на землю, разражаясь, судя по интонации, ругательствами. Он свирепо указал пальцем в мою сторону, и второй дикарь поспешил потащить меня к одной из лошадей. Однако я умудрилась извернуться и угодила пяткой ему между ног. Тот ожидаемо согнулся и лишь немного ослабил хватку, в то время как другой ударил меня рукоятью копья по виску.

Перед глазами все поплыло. С большим трудом мне удалось остаться в сознании, однако продолжать сопротивление я не стала. Вместо этого побежденно обмякла и закрыла глаза.

Мне было страшно, но это чувство не шло ни в какое сравнение с давившей на сердце болью от осознания того, что случилось сегодня вечером. Весь мой мир перевернулся, разбившись вдребезги, точно бутылка, с которой играл ребенок. Я чувствовала себя отколовшимся кусочком стекла, отлетевшим в пыль под старую скамью. И не знала, что мне делать дальше. Ради чего бороться.

Бесцеремонно волоча меня за собой, дикари с обыденной веселостью перебрасывались друг с другом непонятными фразами, пока животные возгласы их собратьев разрывали наполненный треском воздух. Предсмертные крики моих соплеменников стихли, и я с содроганием

поняла, что осталась совсем одна. Но сознание отчаянно не желало принимать правду, и в голове набатом звучало: *«Не может быть... этого не может быть...»*

Когда до лошади оставалось всего несколько шагов, буря в моей душе стала достаточно яростной, чтобы выплеснуться наружу. Я осторожно нащупала спрятанный кинжал и выждала время, чтобы убедиться, что Кезро больше не ожидают от меня сопротивления.

Дикарь даже не успел среагировать, когда я стремительно развернулась в его руках и полоснула лезвием по голому торсу. Едва ощутив долгожданную свободу, я отскочила от копья второго Кезро, резким движением разрезала веревку, стянутую вокруг моей шеи, и со всех ног бросилась в лес.

Я позволила себе оглянуться лишь единожды, чтобы в последний раз взглянуть на Ветра, который долгие годы был для меня самым верным товарищем. Я не представляла себя без него. Никогда не думала, что могу когда-нибудь потерять его. *Потерять кого-то из них.*

Слезы брызнули из глаз, но я не стала смахивать их, разрешая горю разжигать во мне гнев.

Позади раздались топот и разъяренные голоса дикарей.

В крови забурлило. Из последних сил я заставляла себя как можно чаще переставлять ноги. Вскоре заросли сомкнулись за спиной, и я нырнула в свою стихию. Через десяток метров снова уловила стук копыт и ускорила шаг. Свернула на юг, побежала вдоль реки, лихорадочно продумывая следующие действия.

У них были лошади, но я тоже не была обделена преимуществами. Они вторглись в мой дом, это был *мой* лес, и не существовало на свете существа – будь то человек или демон, который смог бы поймать меня в родных землях. Эти мысли придали мне решимости.

Я мчалась как никогда прежде, перепрыгивая через валуны и поваленные деревья. Но как бы ни старалась, дикари неотвратимо настигали меня. Они улюлюкали. Я уворачивалась от запущенных с пугающей меткостью копий лишь чудом. Острые наконечники по середине древка входили в сырую землю по обе стороны от меня.

Я пыталась концентрироваться на беге, чтобы не сбавлять скорости и твердо ступать на землю, но та была слишком влажной и сильно затрудняла движение. Стоило раз оглянуться, и мужество почти отказало мне. Я увидела, что ко мне приближается тот самый дикарь, которого ударила головой. Его лицо приобрело истинно зверское выражение предвкушения. Судя по всему, он был их вожаком. И, очевидно, уже во всех красках представлял, как испробует на мне изощренные пытки Кезро.

Вот только у меня на этот счет было свое мнение.

Где-то в отдалении послышался монотонный гул водопада.

Сердце бешено колотилось в груди, пока я настраивала себя на то, что собираюсь сделать дальше. В мою сторону полетел нож, но, различив в воздухе свист его полета, я с готовностью увернулась. Главарь подбирался все ближе, но я не удалялась от воды, петляя меж деревьями, путая его коня, который не успевал маневрировать на такой скорости.

Наконец, впереди показался обрыв. Он мог стать моей гибелью, как и принести свободу.

Втягивая в горящие легкие воздух, я измученно продолжала держать темп. Мягкая почва под ногами сменилась каменной крошкой и скалистой поверхностью, покрытой скользким мхом. Река становилась все уже, и при желании ее можно было бы перепрыгнуть. Будто вторя моему настроению, вода бурным потоком неслась рядом. Когда на пути ее попадались гладкие валуны, она с шумом разбивалась в столпы пенистых брызг, словно подбадривала меня.

Дикари позади начали взволнованно перекрикиваться, не понимая, почему я бегу к самому краю. Но их вожак не замедлился. Грохот копыт послышался совсем рядом, и тогда я сделала последний рывок.

Все звуки исчезли. В ушах отдавался лишь бешеный стук моего сердца. Я набрала в грудь воздух, оттолкнулась от земли и прыгнула в пустоту. Рокот бурлящих волн молотами бил по голове, ледяные капли кололи голую кожу, а тело безвольно крутилось в воздухе.

Но страха не было.

Я летела спиной вниз, в неизвестность, устремив взгляд в небо. Вот только видела не его. Не черный дым, что набрасывался на облака подобно барибалу¹, который охотится на серебристого лосося. Перед моим взором снова и снова вставал образ матери. Ее голубые глаза, весело смотрящие на меня; ласковый голос, успокаивающий в холодные ночи; мягкие, волнистые светлые волосы, в которые я утыкалась и чувствовала себя в безопасности.

Болезненные воспоминания разлетелись, точно осколки, оставив после себя глухую пустоту, когда я ударилась о поверхность воды. Кости затрещали, от леденящего холода тело свело судорогой, но я отказывалась всплывать, несмотря на жгучее желание сделать вдох, – дикари все еще могли пустить в меня стрелы. Только когда почувствовала, что начинаю терять сознание, я всплыла на поверхность. Шумно хватая ртом благословенный воздух, посмотрела вверх, где грозно нависали над обрывом четыре тени, во главе которых стояло чудовище, отнявшее у меня все, что я любила.

Я не помнила, как добралась до берега. Возможно, я и не плыла вовсе, а мое тело просто выбросило течением, но сил подняться не было. На лес к тому времени опустилась крошечная тьма, что принесла с собой осеннюю прохладу. Насквозь промокшая, я билась в конвульсиях и дрожала, зубы отбивали ритмичную дробь. Темнота то накатывала, то отступала, лишая меня сознания и потом издевательски возвращая его. Не осталось никаких мыслей, чувств. Я стала безликой оболочкой, свернувшейся в грязи на берегу бурлящей реки.

Казалось, я пролежала там несколько дней, а может, прошло лишь мгновение. Тело ооченело от холода, и больше всего мне хотелось остаться здесь – наполовину в воде, на стылой земле с острыми камнями. Эти болезненные ощущения указывали на то, что в груди по-прежнему билось сердце.

Наконец, я заставила себя разлепить веки. На ресницах застыли капельки влаги, а дыхание вырывалось из груди вместе с паром. *«Когда успело так похолодать?»*

Я приподняла едва отзывавшуюся руку и занемевшими пальцами нащупала рукоять своего единственного оружия. Последней вещи, что напоминала мне о доме. С трудом зажав ее в кулаке, я оперлась на локти и заставила дрожащее тело двигаться.

Мучительно медленно я взбиралась вверх по склону. Снова и снова скатывалась обратно и стискивала зубы, впиваясь пальцами в осыпавшуюся каменную крошку. И приветствовала боль, лишь бы отвлечься от мыслей и страшных образов прошедшего вечера.

Спустя, казалось бы, вечность я достигла корней деревьев, обхватила ствол руками и подтянулась, оставляя на коре дуба несколько капель крови. Почувствовав под ногами землю, я вынудила себя встать.

В темноте было трудно различить местность, но я почему-то не сомневалась, что прежде не забредала в эту часть земель. Звуки ночного леса сопровождали каждый мой неловкий шаг. Меня шатало так сильно, как не шатало мужчин во время празднеств после десятка бочек выпитого. Звучно крикнул филин и вспорхнул с ветки прямо над моей головой, издав такой

¹ Черный североамериканский медведь небольшого размера.

шум, с которым мог продирается сквозь заросли медведь, но я даже не вздрогнула. Продолжала брести вперед, не разбирая дороги и часто спотыкаясь. Другого пути для меня не существовало. Как и возможности вернуться назад. Мой дом и близкие люди стали лишь кучкой пепла, а земли теперь принадлежали демонам.

Прошло некоторое время, прежде чем я боковым зрением начала замечать движущиеся тени. Сердце предательски дрогнуло, и страх вернулся, пока я вглядывалась в темноту, готовясь увидеть лица чудовищ. Но мне удалось подавить панику и двинуться дальше, теперь внимательно прислушиваясь. Слева раздался едва слышный треск ветки. Я резко повернулась, но никого не увидела во мраке. Через пару шагов точно такой же звук послышался справа, и я замерла. Опустила голову, исподлобья наблюдая за тенями.

Спустя мгновение безмолвие нарушилось. Тени ответили мне шумным дыханием. Слишком частым, слишком рваным, чтобы быть человеческим. Между деревьями сверкнули голодные янтарные глаза. Хищники больше не скрывали свое присутствие, осознав, что жертва раскрыла их.

Волки.

Внезапно мной вновь овладело безразличие. Я продолжила путь неровным шагом, с трудом удерживая веки открытыми. Холод стал частью меня. Капли стекали по одежде, падали к ногам, охлаждая ступни. Пройдя еще немного, я почувствовала, как подгибаются колени, и упала на землю около старого дерева. На этот короткий путь от реки ушли все мои силы. Я знала, что больше не смогу подняться, и поэтому прислонилась спиной к сухой коре, устало прикрыв глаза в ожидании.

Стая разразилась ликующим пофыркиванием.

Я ощутила их приближение и вяло разлепила ресницы, чтобы тут же встретиться со взглядом голубых глаз, сверкающих во тьме. Светло-серая волчица оскалилась с тихим рычанием, и серебро лунного света очертило ее большие острые клыки. С пасти стекала струйка слюны. *«Никогда не смотри им в глаза»*, – предупреждал меня в детстве брат. Но сейчас я делала ровно противоположное.

Голод. Ярость. Отчаяние. Вот что я видела в них.

Волчица пристально изучала мое слабое, дрожащее тело и безучастное выражение лица. А я продолжала вызывающе смотреть на нее, не мешая ей принимать решение, забирать мою жизнь или нет. Позади волчицы возник огромный черный волк, за которым с неспешным предвкушением собиралась стая не менее чем из пятнадцати особей. Страх инстинктивно забрезжил внутри, но я не предприняла никаких попыток подняться.

Оскаленная пасть приблизилась вплотную к моему носу. Волчица чуть сместилась, и ее клыки коснулись моего горла. Я подняла взгляд к небу, обнажая для нее шею, чтобы найти звезду, за которой следовала каждый раз на охоте. Этой ночью, как и во все предыдущие, она сияла ярче остальных. Улыбка тронула мои губы. Шею опалило дыхание зверя, мускусный запах которого, на удивление, не казался мне неприятным.

Внезапно все закончилось: жар исчез, рычание стихло. Моргнув, я посмотрела на волчицу, стоявшую теперь в нескольких шагах от меня. Опустив голову, она мгновение изучала меня, затем громко фыркнула, вильнула пушистым хвостом, и волки с ворчанием скрылись в тенях. Рядом с ней остался лишь большой черный самец, хотя я усомнилась в увиденном, потому что его силуэт сливался с ночной темнотой.

Вскоре поляна опустела. Удивляться не осталось сил. Возможно, это было просто видение.

Последнее, что я увидела, прежде чем потерять сознание, – ясный взгляд голубых глаз зверя, который смотрел на меня из глубины леса с человеческим пониманием.

Следующий день я провела в лихорадке под тем же деревом. Еще один мучительный день, еще одна холодная ночь.

«Тео найдет меня. Он вернется, и мы вместе придумаем, что делать дальше». Я утешала себя, как только могла, хоть и понимала, что брат еще не скоро вернется с гор, а искать его среди нескончаемых пиков казалось бессмысленным. Теперь я была сама по себе.

На третье утро я обнаружила рядом кроличью тушку и смотрела на нее, пока солнце не достигло наивысшей точки. Потом моя рука потянулась к серому комочку быстрее, чем я сумела подумать. Но едва маленький кусочек сырого мяса был жадно проглочен, как я склонилась над землей и отдалась во власть выворачивающегося наизнанку желудка. Тем же вечером я нашла в себе силы пройти до соседнего дерева и подобрать несколько сучков и три небольших камня. Вернувшись обратно, я трясущимися руками разожгла крохотный костерок и держала над ним нанизанную на ветку костлявую лапку кролика.

«Я должна выжить».

«Я должна выжить».

«Я должна выжить».

Эти слова стали моей мантрой. Словно заговоренная, я повторяла их снова и снова, чувствуя, как пустота внутри сменяется жаждой мести.

В ту ночь я впервые спала в тепле. Но не костер, потухший слишком быстро, был тому причиной, а прижавшееся ко мне горячее тело волчицы. Я вслушивалась в ее ровное дыхание и погружалась в сон, думая о том, что обрела вторую жизнь и шанс изменить то, что еще было мне подвластно.

Глава 1 Фрейя

Слегка пригнувшись, я бесшумно кралась меж деревьями. Рыхлая почва приятно холодила босые ступни, редкая трава нежно касалась моих щиколоток. Легенда шла по правую сторону от меня. Стоило мне замереть, и волчица вторила движению, словно моя тень, а затем мы одновременно двигались дальше. Силуэты Лидера и остальных членов стаи время от времени показывались рядом, но так же внезапно исчезали среди густых темных зарослей.

Лесные птицы совершенно не пугались длинной волчьей процессии, и их громкое, залихватистое щебетание скрывало наши едва слышные шаги. Редкие лучи весеннего солнца скользили по земле и зеленым листьям, а ветерок игриво нырял под одежду, отчего по моим рукам и животу бегали мурашки. На мне были лишь тонкая, порванная во многих местах рубашка и такие же обшарпанные штаны. То, во что я была одета жуткой ночью полгода назад.

Несмотря на прохладную погоду, я оставила меховую накидку и сапоги в дупле недалеко от нашего последнего привала. Волки не любили задерживаться на одном месте, поэтому мне приходилось уводить их все дальше и дальше, осторожно выбирая новые территории для охоты.

Из кустов выскочил Лай, заставив нас остановиться. Его приподнятая холка и возбужденно вываленный из пасти язык подсказали мне, что добыча уже близко. Я с удовлетворенной улыбкой потрепала почти взрослого волчонка за ухом.

– Молодец.

Легенда тут же ревниво перехватила мою руку и обиженно твякнула.

– Да-да, и ты тоже, девочка, – негромко рассмеялась я.

Мы в молчании продолжили путь, рысцой углубляясь в чащу и с еще большим усердием прислушиваясь к окружающим нас звукам и принимаясь к запахам.

Волки внезапно замерли. Я мгновенно последовала их примеру: пригнулась ниже к земле и дернула запястьем, чтобы клинок скользнул в ладонь. Осторожно выглянув из-за кустов, я осмотрела зеленую поляну. Чуть ниже по склону, в густых зарослях дикой малины, крупная лосиха блаженно грызла кору молодой ивы. Волки бесшумно перебирали лапами в предвкушении погони. Их уши встали торчком, носы смешно дергались, а из приоткрытых пастей вырывалось тихое, неровное дыхание.

Мы разделились, чтобы подкрасться к животному ближе. Я отсчитала несколько ударов сердца, рыкнула, подавая сигнал, и стоя тут же сорвалась с места. Скрываться больше не было

надобности. Я без труда нагнала их, чувствуя, как овладевший волками азарт охоты передается мне.

Лосиха с грозным ревом стремглав побежала в чащу – слишком прытко для столь грузного животного, – и мы помчались вслед за ней, обгоняя сам ветер.

За долгие месяцы подобной жизни мне пришлось научиться бегать быстрее всех, кого знала раньше. Я сомневалась, что такие ощущения вообще были знакомы хоть кому-то. Ведь в них не было ничего человеческого. Когда я мчалась с волками по освещенному солнцем лесу, когда мои ноги проваливались в мягкую землю, а в лицо хлестал ветер, человек – последнее, кем я себя ощущала. Уже давно я была частью чего-то иного, того, что вдохнуло в меня жизнь и вернуло мне силу. Я боялась даже думать о том, что могу потерять еще и это. Стая заменила мне клан. Люди уступили место волкам. Я утратила понимание того, кем являюсь, но пока у меня была цель, и этого хватало, чтобы двигаться дальше.

Я коротко щелкнула языком, и несколько волков послушно ускорили темп, разбежавшись, чтобы обступить жертву. Она уже успела выдохнуться, в то время как мы были полны сил. Сегодня пищи хватит на всех.

Стоило мне замахнуться, чтобы метнуть кинжал, как позади послышался отчетливый шум. Волки были поглощены охотой; только Легенда с Лидером одновременно со мной почувяли неладное и грозно зарычали. А после раздался звук, который преследовал меня в кошмарах все последние месяцы. Я ощутила, как волосы на теле встают дыбом, и оглянулась.

Рослые всадники на пятнистых лошадях огибали стволы деревьев, окружая нас со всех сторон. Это пугающе напомнило то, как мы сами брали в кольцо нашу добычу. А во главе них...

«Нет. Только не это. Нет. Это невозможно».

– Вперед, – рявкнула я, взволновав стаю паникой в своем голосе, которую не сумела подавить.

Мы помчались быстрее. Вот только я знала, что все было бесполезно, потому что они всегда брали свое. В этот раз мне не сбежать. Но я могла попытаться защитить волков.

Я неистово переставляла ноги, буквально паря над землей. Мышцы гудели от напряжения, пот стекал на глаза, а сердце билось где-то в горле. Воздух едва успевал попадать в легкие и с хрипом выходить из них. Я так сосредоточилась, пытаясь оторваться от преследователей, что совсем перестала обращать внимание на дорогу, и теперь острые сучья впивались в мои ничем не прикрытые ступни.

– Бегите! Бегите! – без конца подгоняла волков, которые уже и сами позабыли о лосихе, слаженно несясь по лесу.

Охотники стали добычей.

Кезро перекидывались короткими фразами, но ветер уносил неизвестные мне слова.

Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из дикарей переместил вес на лошади, достал стрелу с белым оперением и натянул тетиву лука, направив ее куда-то в сторону от меня.

– Нет! – вырвался из моей груди хриплый крик. Я на бегу оттолкнула Лидера, и в то же мгновение взор заволкло красной пеленой, когда с громким, шипящим свистом наконечник стрелы пробил мое плечо насквозь и теплая кровь заструилась по груди и спине.

Я открыла рот, чтобы закричать, но от всепоглощающей боли не смогла проронить ни звука. Я споткнулась о мелкий бугор в земле и кувырком покатила вперед. От удара у меня вышибло дух, но отчетливей всего остального я ощутила, как ломается передняя часть древка стрелы, нещадно терзая свежую рану. Пролетев еще несколько метров, оглушенная, я распростерлась на траве.

Всадники подъехали ближе. Тот же дикарь положил новую стрелу на тетиву и направил ее на Легенду, которая остановилась рядом со мной, жалобно поскуливая. Не раздумывая, я бросилась к ней и придавила к земле своим телом, замерла в ожидании новой порции боли.

Однако чудовища просто обменялись резкими словами и приблизились к нам с победными воплями. Их лошади кружили вокруг меня, тяжелые копыта топтали землю.

Вожак спрыгнул с седла. Мерзкое чудовище, забравшее все, что было мне дорого. Черный волк с устрашающим оскалом рванул к нам, но тот поднял руку, и в Лидера тут же полетела вторая стрела.

Я могла лишь беспомощно провожать ее взглядом, зажмурившись, когда оглушительный визг боли прокатился по поляне. Мне казалось, что под тяжестью рухнувшего тела завибрировала земля. А затем наступила тишина. Остальные волки испуганно замерли поодаль.

– Не трогай их, – с трудом прохрипела я, из последних сил пытаюсь избавиться от двоящихся силуэтов в глазах.

С лошадей спрыгнуло еще с десятков воинов. Я снова обратила внимание на субстанцию, которая покрывала их тела. Та же, которую они использовали для сокрытия запаха при нападении на мою деревню. Вот почему волки почуяли их слишком поздно. Дикари с довольными ухмылками потрясали своими копьями.

Верхом осталось двое. Рослые молодые мужчины в черных кожаных доспехах застыли на гнедой и рыжей лошадях.

Я пристально, насколько это было возможно, присмотрелась к ним и быстро заморгала.

Это явно были не Кезро.

Я знала не так много кланов, чтобы понять, кем были эти люди. Моя сгоревшая крохотная деревушка находилась слишком далеко от земель, на которые Кезро посягнуть не смели. Оттого мы почти не слышали о ком-то, кроме дикарей, за границами наших владений.

Помутневшее зрение не давало рассмотреть чужаков как следует, поэтому я перестала даже пытаться и вместо этого гневно уставилась на демона.

– Отпусти их, и я сдамся! – прорычала, показывая заостренные клыки.

Это зрелище в самом деле заставило некоторых дикарей заколебаться, но зловещие ухмылки быстро вернулись на их разукрашенные лица, и мужчины разразились отвратительным хохотом. Двое из них сразу схватили меня, и когда они задели пульсирующее плечо, я не смогла сдержать крик.

Легенда бросилась мне на помощь, но третий дикарь с равнодушным видом ударил ее древком копья по морде.

Напрасно.

Из меня вырвался неистовый рык, и я рванула в сторону, чтобы с размаху впечатать левый кулак в скулу одного из мужчин. Не теряя ни мгновения, повернулась к другому и воткнула кинжал ему в предплечье. Он закричал и замахнулся, но я поднырнула под его руку и со всей силы ударила под колено. Мужчина пошатнулся, но сумел устоять на ногах. Я воспользовалась его заминкой и повернулась к волкам, выкрикнув:

– Уходите!

Они неуверенно потоптались на месте и впервые не подчинились приказу. Но даже такая большая стая не смогла бы выстоять против десятка здоровых мужчин с целым арсеналом оружия и обученными лошадьми.

– Я сказала, убирайтесь отсюда!

Легенда, замершая около сотрясавшегося в конвульсиях Лидера, посмотрела на меня взглядом, полным ужаса и боли.

– Беги, – с мольбой прошептала я, чувствуя, как по щекам катятся слезы.

Она послушалась. Ради блага стаи, ради своего будущего потомства, которое уже стремительно росло у нее в животе. Волчица дала знак остальным и начала медленно отдаляться, не сводя глаз с лежавшего на земле Лидера.

Волк никогда не бросал свою пару. Вот и Легенда лишь отошла на безопасное расстояние. Я знала: она ждет, когда все закончится, чтобы проводить любимого в последний путь.

Я подавила рыдания, не желая проявлять слабость перед теми, кому поклялась отомстить.

Мощный удар по лицу сбил меня с ног, и я ощутила привкус крови во рту. Следом последовал второй. Третий. Четвертый. Удары приходились по лицу и ребрам. Твердый ботинок снова и снова вонзался в мое тело, подбрасывая, выбивая воздух из легких. Я вяло отбивалась, но мне больше не позволяли вредить кому-то. Оставалось только зажимать руками раненое плечо и смотреть, глотая слезы, как скрываются между деревьями волки, заменившие мне семью.

– Довольно! – прогремел над лесом низкий мужской голос. Затем раздался глухой звук удара, и пинавший меня дикарь с шипением отпрянул назад, вытирая кровь с разбитой губы. Он с ненавистью посмотрел куда-то вверх.

Я устало приподняла голову и прищурилась от ударивших в глаза солнечных лучей, не позволявших разглядеть лицо говорящего. Он немного сдвинулся, и я встретила со взглядом светлых зеленых глаз, окаймленных черными ресницами.

Сердце отчего-то пропустило удар.

Я не моргая изучала высокого молодого мужчину, который навис надо мной, так же внимательно разглядывая. На красивое лицо падали темные локоны, выбившиеся из небрежно завязанного пучка на затылке. На лбу с правой стороны виднелся небольшой шрам. Его брови были недовольно нахмурены, зубы стиснуты так, что высокие, широкие скулы и волевой шетинистый подбородок выделялись еще сильнее. Из-под грубых доспехов, судя по рубцам переживших не одно сражение, выглядывала шерстяная рубаха. На поясе блестело множество кинжалов, а на спине висели лук и стрелы с черным оперением. Особенно приковывал взгляд огромной величины черный топор, за который мужчина будто неосознанно держался.

Он отвел взгляд первым и яростно обратился к демону:

– Объясни, что здесь происходит.

И тут случилось нечто еще более странное – дикарь ответил. Он говорил с небольшим акцентом, медлил, чтобы подобрать слова, но язык мой знал.

– Ты ударил моего воина, – прорычал тот.

– И сделаю это снова, если посчитаю нужным. А теперь я хотел бы услышать ответ на свой вопрос, – холодно ответил мужчина. – Ты пригласил меня на охоту, но не предупредил, что мы будем охотиться на людей.

Дикарь опасно ухмыльнулся.

– Ты очень много думаешь о себе, сын Аяна, – вкрадчиво произнес он. – Да, я хотел развлечь тебя охотой на зверей, но так уж вышло, что мы наткнулись на ту, кого я ищу вот уже два сезона.

Незнакомец посмотрел на меня.

– Кто она?

– Не твое дело, – процедил демон. – Отойди.

Но мужчина даже не подумал послушаться. Он встал перед дикарем, возвышаясь почти на полголовы, и четко повторил:

– Довольно.

Глаза дикаря опасно сверкнули.

– Ты здесь ничего не решаешь, Николас. Ты – гость и будешь подчиняться моим приказам.

Мужчина смерил его взглядом и глубоким голосом проговорил:

– Я никому не подчиняюсь. А ты только что избил девчонку, даже не потрудившись объяснить.

Дикарь насмешливо фыркнул.

– Это лишь начало. Ее ждут гораздо более неприятные вещи. – Он перевел на меня взгляд, в котором я увидела обещание медленной, мучительной смерти. – Я слышан о тебе, Николас. Это правда, что ты никогда не был с женщиной? Тогда тебе, очевидно, не понять моего интереса, – вдруг с ухмылкой произнес дикарь, не отводя от меня глаз.

Уголок рта мужчины приподнялся в ответ.

– Слухи о тебе кажутся более правдивыми. Будешь отрицать, что сменяешь рабынь изо дня в день, истязая их различными способами? – На его лице проступило отвращение. – В моем клане другие законы, и если ты не хочешь разорвать перемирие, сделаешь, как я сказал.

Он медленно развернулся и, не выпуская дрожащего от злости дикаря из виду, легко вскочил на лошадь. И лишь безразлично скользнул по мне взглядом.

– Лучше бы ты сам опасался нарушения перемирия, Ник, – тихо процедил дикарь.

Незнакомец будто ничего не услышал. Уверенный, что победил в этом споре, он расслабленно обратился ко второму всаднику. Он был чуть ниже и уже в плечах. Глаза были настолько темными, что едва можно было различить зрачки, а длинные, черные с рыжеватым отливом волосы, сбритые по бокам, спускались ниже лопаток. Мужчина смотрел на меня с интересом и жалостью, от которой я с отвращением отвернулась.

Меня резко подняли с земли и грубо связали руки. Волны боли с новой силой прокатились от плеча по всему телу. Я стиснула зубы и в панике огляделась, пытаюсь вспомнить, куда отбросила кинжал.

– Не это ищешь? – раздался над головой ненавистный мне голос. Держа мой клинок в руке, дикарь наклонился ближе и обдал лицо теплом несвежего дыхания. Я разъяренно дернулась и оскалилась. Где-то далеко позади предупреждающе зарычала Легенда. – Вот я и нашел тебя. Можешь сколько угодно молиться своим никчемным Богам, легче не станет. Твоя жизнь наконец-то принадлежит мне. – Его черные глаза лихорадочно сверкнули.словно он был болен. Или, скорее... безумен. – Унесите ее.

Не успела я ответить, как меня забросили на взбрыкнувшего пегого жеребца и привязали к седлу.

– Волка тоже.

Я замерла. И отчаянно забилась в седле, пытаюсь вырваться из плена веревок.

– Нет! Не надо!

Но дикарь, которому я недавно проткнула руку, уже с предвкушением занес копьё над головой Лидера. Кровь стекала по предплечью, но рана, казалось, совсем не беспокоила его. Лошадь подо мной заржала и взволнованно дергалась, пока я безуспешно попыталась скатиться на землю, вот только тугие узлы держали намертво.

– НЕТ! – всхлипнула я, не сдержавшись.

Копьё описало в воздухе дугу, но на полпути к шее животного внезапно выскочило из руки мужчины, сбитое увесистым топором. Дикарь застыл на месте, его изумленный взгляд был прикован к пустым рукам.

– Я же сказал, хватит. Ты не станешь убивать волка. Он и без того уже мертвец, – приказал спокойный низкий голос.

Я даже не обернулась на зеленоглазого мужчину, все еще со страхом наблюдая за дрожащим Лидером и отчаянно желая хоть чем-то ему помочь. Мне казалось, что демон сейчас воспламенится от ярости. Он что-то произнес на своем языке, а затем громче, вкрадчиво обратился к незнакомцу:

– Пусть так.

К моему ужасу, он вскочил на лошадь, к которой привязали меня, и прижался ко мне всем своим туловищем. В нос ударил запах пота и той самой странной субстанции, и к горлу подступила тошнота. Я с трудом слотнула.

– Топор, – властно произнесли справа от меня.

Дикарь по-прежнему стоял рядом с Лидером. Он как одеревенелый сдвинулся с места, явно недовольный тоном, но пререкаться не стал. Выдернул брошенное в него оружие из земли и протянул незнакомцу, после чего залез в седло бело-рыжей кобылы, шипя от боли.

– Выдвигаемся обратно. Прощу прощения, дорогие гости, – ехидным тоном обратился демон позади меня к чужакам, – но охота отменяется из-за... – Он задумчиво провел языком по зубам, тщательно подбирая слова, и медленно, но не менее язвительно закончил: – Непредвиденных обстоятельств.

Он выкрикнул что-то нечленораздельное, и лошади сорвались с места. Я обернулась в руках дикаря и смотрела, как стая волков собирается вместе, испуганно провожая меня взглядом. Как Легенда робко выходит из своего укрытия и со всех ног мчится к Лидеру.

Лидер. Вечно спокойный и верный спутник, который ни на шаг не отходил от своей пары. Но больше молодую волчицу некому будет оберегать. Она нежно зарылась мордой в его мех и осторожно прилегла рядом. Потом подняла голову и встретилась со мной взглядом, полным глубокой скорби.

– Повернись! – рявкнул демон. Он грубо прижал меня к себе, задев торчащую из плеча стрелу, отчего потемнело в глазах.

Никогда раньше я не получала настолько серьезных ран. Каждое движение коня сопровождалось скрежетом моих зубов. Тело демона, бьющееся об меня на ходу, лишь добавляло страданий, и я вкладывала все свои силы, чтобы не отключиться.

Но было кое-что похуже боли. К шее вдруг бесстыдно прижались горячие губы, а шершавые ладони принялись бродить по телу. Я задрожала и с трудом проглотила вставший в горле ком омерзения. Однако страх придал мне сил. Слегка повернув голову, чтобы незаметно оглядеть седло коня в поисках какого-либо оружия, я увидела торчащую из-под пояса дикаря рукоять ножа и нервно закусила щеку.

Что-то сподвигло меня посмотреть выше, и я неожиданно встретилась взглядом с незнакомцем, от которого не укрылись мои, казалось бы, неуловимые движения.

Он уверенно держался в седле на своем гнедом жеребце, чуть откинувшись назад, и смотрел мне в глаза. Я гневно уставилась в ответ. С каждым проходящим мгновением во мне росла уверенность, что он окликнет остальных и выдаст мои намерения. Но я ошибалась.

Я заметила промелькнувшее в глазах отвращение, когда мужчина перевел взгляд на дикаря, который продолжал свои бесстыдные действия. Затем посмотрел на меня. На нож. И снова на меня. Предупреждающе прищурился, слегка качнул головой и... отвернулся, пока я продолжала недоуменно таращиться на него. Чужак ясно дал мне понять, что не станет вмешиваться. Что я была вольна сделать свой собственный выбор.

Наконец, я решилась, потому что не могла больше выносить губы и руки убийцы на своем теле. Коротко вдохнула и, не дав себе времени на раздумья, молниеносно отвела связанные кисти вправо, чтобы выдернуть рукоять ножа и воткнуть его в бок дикаря. Клинок вошел не так глубоко, как мне хотелось бы. Демон удивленно зашипел, прижал ладонь к свежей ране, а затем что-то свирепо гаркнул, и все Кезро, как один, остановили лошадей. И лишь два незнакомца, не зная языка дикарей, немного проехали вперед.

Цедя проклятия, демон резкими движениями разрезал путы, которые удерживали меня в седле, схватил меня за плечи и грубо толкнул с лошади. Я охнула от сильного удара о землю, и раненое плечо прострелило болью. Окинув меня бешеным взглядом, Кезро бросил через плечо несколько фраз, и один из дикарей тут же спешил. Он снял с седла длинную веревку, подошел ко мне и привязал ее к моим скованным рукам, затягивая узел так туго, что у меня заныли кости.

– Раз такая смелая, побежишь за лошадьми, – процедил демон.

Я внезапно посмотрела на зеленоглазого мужчину, желая хоть чьей-нибудь поддержки. Но быстро одернула себя и притворилась, что мой взгляд предназначенся Кезро. *«Я все еще одна. То, что он два раза встал на мою сторону, еще ничего не значит».*

Лошади рысью двинулись вперед, и я, не успев даже подняться с земли, покатила следом. Рывок подвязанной к седлу веревки едва не вывернул мне оба плеча, но я сдержала крик. Молча проглотила рыдания, подскочила на ноги и побежала вслед за процессией. Мне оставалось только следить за тем, как бы не споткнуться. И бежать дальше.

Это я умела делать лучше всего. Но не тогда, когда истекала кровью. Когда боль затмевала все мысли, а перед глазами стоял туман. Однако я поклялась не показывать слабости. Последние полгода я собирала себя по кусочкам, становясь той, кем должна, чтобы суметь дать отпор. И не намерена сдаваться в первый же день. Пусть Кезро знают, с кем столкнулись.

«Я должна выжить. Меня им не сломить».

Вот только тело было со мной несогласно. На какие бы невыносимые вещи себя ни настраивала, я была обычной девушкой, что выбилась из сил и была с ног до головы покрыта собственной кровью. Моя человеческая природа была слишком слаба, чтобы сделать что-то большее. Я почувствовала, как разум затуманился, подобно дымовой завесе, заволакивающей небо, и оступилась. Ноги подогнулись. Я упала наземь, прокатившись немного вперед.

Резкий свист – и лошади перешли на шаг. Демон подъехал ко мне и, пригнувшись, оскалится:

– Помни, где отныне твое место.

Он пришпорил коня, и оставшийся путь мы проделали шагом: мужчины верхом, а я плелась по земле, ведя изнурительное сражение с обмороком.

Мы шли, казалось, целую вечность. Я старалась лишней раз не двигать рукой, чтобы не сделать хуже. Левый глаз у меня окончательно заплыл, губа распухла, а побитые ребра болезненно ныли. Но я упрямо продолжала идти вперед.

Лес затих. Стихия, в которой я всегда находила убежище, стала моей ловушкой и теперь будто провожала в скорбном молчании.

Я сразу поняла, когда мы прибыли на место. К тому времени солнце уже клонилось к закату, а небо окрасили кровавые полосы. На ровной, расчищенной площадке располагалось огромное количество деревянных хижин, чьи крыши, покрытые сучьями и соломой, сужались кверху. Над дверьми висели черепа различных животных и... людей. Отовсюду звучал мужской смех. Десятки полуголых, разукрашенных тел Кезро мелькали перед глазами.

К редким деревьям, окружавшим поляну, были привязаны пегие и крапчатые лошади. Дикие, норовистые, сильные. Точное отражение своих владельцев.

Кезро остановились. Всадники ловко спешили, и большинство тут же присоединилось к всеобщему гомону. С разъяренным лицом и неизменной мерзкой ухмылкой на губах демон направился ко мне, зажимая ладонью раненый бок, что я отметила с удовлетворением. Он отвязал от седла веревку и кинул ее одному из тех, кто избивал меня в лесу. Дикарь грубо дернул повод и молча пошел за главарем, который пробирался сквозь расступающуюся перед ним толпу.

На ногах меня удерживало одно лишь упрямство. Я ловила на себе похотливые взгляды, и моя верхняя губа невольно поднималась в оскале. Один из смельчаков даже рискнул протянуть руки к моему телу, но я утробно зарычала, и следом в челюсть мужчины полетел кулак моего

проводящего. В этом жесте не было ничего от доброты или милосердия – он просто пытался сберечь игрушку своего вожака и заодно спасти себя самого от гнева.

Позади послышались шаги, и мне пришлось приложить усилие, чтобы обернуться. За нами следовали два незнакомца, на их лицах застыло холодное выражение, а плечи были уверенно расправлены. Зеленоглазый мужчина взглянул на меня, но я быстро отвернулась.

– Ник!

К нам подбежали двое лучезарно улыбающихся молодых мужчин в обычных белых рубашках и подпоясанных темно-коричневых штанах, заправленных в черные воинские сапоги. У них были черные как смоль волосы до плеч и стройные мускулистые тела. Вокруг плеча одного из них была закреплена кожаная пластина, за которую маленькими коготками цеплялся сокол. Его голова резкими, отрывистыми движениями дергалась из стороны в сторону, а черные, широко раскрытые глаза-бусинки обводили озаренную кострами поляну хищным взором.

Приглядевшись к молодым мужчинам, я поняла, что они были не просто похожи.

Они – близнецы.

Я не заметила реакции Николаса. Зато увидела, как парни одновременно посмотрели на меня, на мои связанные руки, перевели взгляд на шагающего впереди демона и нахмурились. Все их движения были настолько синхронны, что я бы даже улыбнулась – при более приятных обстоятельствах.

Однако мысли мои бесследно испарились, как только перед нами показался огромный шатер. Он был освещен изнутри факелами, в свете которых замершие по бокам два дикаря казались темными, обезличенными тенями. Кезро опасно склонили головы перед демоном и оставались в таком положении, пока тот не скрылся за пологом шатра.

Меня подтолкнули было внутрь, но я уперлась ногами в землю. Внутреннее чутье буквально вопило об опасности. Это придало мне сил, которых так не хватало по пути сюда, и я начала отчаянно вырываться. Дикарь крепче ухватил меня за ворот рубашки, но я тут же с рычанием впилась в его руку заточенными клыками. Кезро коротко вскрикнул, а затем ударил меня по виску. В глазах резко потемнело, колени подогнулись, однако каким-то чудом я продолжала оставаться в сознании. Мужчина схватил меня и бесцеремонно швырнул прямо в плотную ткань, что прикрывала вход в шатер. Грубая холстина хлестнула по лицу, прежде чем я ввалилась внутрь и растянулась на земле.

Разговоры моментально стихли. Я медленно приподнялась на локтях, чувствуя, как волны боли прокатились по всему телу и перехватило дыхание. Меня дернули вверх и поставили на ноги, поддерживая за заднюю часть шеи. С перекошенным от злости лицом вождь отвернулся от меня и уселся на кривую скамью рядом с худым, загорелым Кезро.

Я не сразу разглядела его сквозь кровавую пелену перед глазами. Черты его лица слишком напоминали черты дикаря со шрамами, чтобы считаться простым совпадением. У него были такие же черные волосы, но пряди – выкрашены лишь в белый цвет. Темные глаза на морщинистом лице заинтересованно заблестели, когда он увидел меня.

Несмотря на внешнюю худобу, этот Кезро выглядел устрашающе и явно пользовался здесь уважением. Видимо, их вождем был он, а не демон, привезший меня сюда, как я думала изначально. А еще я подозревала, что он был отцом этого чудовища. И от этого прониклась к нему ненавистью не меньшей силы.

В шатре было тесно. По центру громоздился большой деревянный стол, вокруг которого расселись пятеро мужчин. Перед ними стояли наполненные до краев кубки, но пойло перестало привлекать их с того момента, как появилась я. Располагавшиеся в углах небольшие жаровни отбрасывали длинные тени на их лица, и я внимательно присмотрелась к каждому.

Рядом с вождем и его сыном сидел огромный дикарь. Выглядел он жутковато. Длинные, неаккуратные шрамы испещряли его бритую голову и, не прерываясь, спускались на смуглое лицо с огромным носом. Он смотрел на меня с непередаваемой враждебностью, и до меня

вдруг дошло, что эти ужасные следы – не так давно зажившие ожоги. Я почувствовала удовольствие от осознания того, что в тот день пострадал не только мой клан.

Напротив него, словно статуя, застыл в тени не менее крупный бородатый воин, а возле него расположился немолодой широкоплечий мужчина. Темные волосы с редкой сединой были заплетены в небрежные косы, а нижняя половина лица – скрыта густой бородой. Он поднял взгляд своих светло-зеленых глаз, и я все поняла еще до того, как он обратился к только что вошедшим незнакомцам:

– Сын. Фабиан. Присаживайтесь.

Николас вместе с черноволосым воином обошел меня и прошагал к скамье рядом с отцом. Лицо по-прежнему было непроницаемым, и только ходящие от гнева желваки и крепко стиснутые зубы выдавали его эмоции. Вся эта ситуация явно выводила его из себя. На меня он даже не взглянул.

– Итак, – хриплым голосом протянул вождь, поднявшись на ноги. – Кого ты привел к нам, Истэк?

Акцент его был столь же незаметен, как и у сына. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы снова принять тот факт, что эти чудовища знали мой язык. Это было сравнимо с тем, как если бы со мной заговорил бешеный медведь или иной опасный дикий зверь. И пугало меня гораздо сильнее, чем я готова была признаться.

Демон поднялся со скамьи. *Истэк*. Почему-то никогда прежде не приходило в голову, что у моего кошмара есть имя. Я знала, что если бы вдруг лишилась памяти, то оно было бы единственным, что я бы помнила вечность.

Истэк довольно улыбнулся.

– Я же говорил, что найду ее, отец. Девку, которой удалось сбежать во время нашего набега на ту жалкую деревушку в пору приближающихся морозов.

Столь пренебрежительное упоминание о том дне заставило меня оцепенеть. Я чувствовала, как изнутри поднимается знакомое пламя опасной, неконтролируемой ярости.

– Интересно.

Вождь почти вплотную подошел ко мне. Его фигура возвышалась надо мной так, что мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть ему в глаза. С вызовом, с ненавистью. С диким волчьим оскалом.

Он хмыкнул.

– Повезло тебе тогда, верно? – И склонил голову набок. – Долго ты, девка, водила нас за нос, как гончих псов. Но каждый, кто осмеливается бросить вызов Кезро, рано или поздно терпит поражение. Отныне ты принадлежишь мне. – Он обвел меня оценивающим взглядом. – За тебя хорошо заплатят. Даже больше, чем за твою мать.

Я замерла, убеждая себя в том, что мне послышалось, и воззрилась на дикаря с недоверием, пока в груди рука ужаса медленно стискивала кровоточащее сердце.

Но мои надежды были безжалостно разрушены, когда вождь Кезро цокнул языком и наигранно озабоченно помотал головой:

– Ох, ну надо же, ты не знаешь! Думала, она сгорела в огне? Как ты ошибалась. – Он сделал паузу и улыбнулся, обнажив гнилые зубы, прежде чем продолжить проникновенным тоном: – Мне кажется, она была бы рада такой смерти. Да... – тихо протянул, будто бы говоря с самим собой. – Она бы определенно показалась ей даром божьим по сравнению с той, на которую она оказалась обречена.

Я не двигалась. Боль от травм внезапно исчезла, все чувства притупились. Нос перестал ощущать дразнящие запахи пищи, а до ушей больше не доносился оживленный смех за пологом шатра и потрескивание огня в жаровне. Все, что я могла чувствовать – это лихорадочное биение сердца о грудную клетку. Так же, как и я сама, заточенная в собственном сознании, с хриплыми криками стучала кулаками о защитные стены.

В шатре повисла оглушающая тишина.

Дикарь продолжал говорить:

– Я продал ее одному давнему знакомому. Ему нравятся долгие, – он медленно приближался ко мне, – мучительные истязания.

Его слова будто вырвали меня из глубокого транса. Утробно зарычав, я рванулась вперед, но руки на моей шее сомкнулись так крепко, что я начала задыхаться. Истэк вскочил со своего места. Краем глаза я заметила, как приподнялся и Николас, но отец жестом приказал ему сесть обратно.

Я попыталась связанными руками отодрать пальцы от своей шеи, но добилась того, что они сжались только сильнее.

Вождь громко рассмеялся. Однако во взгляде его не было ни тени веселости, лишь предостережение. Он подался вперед, явно получая удовольствие от происходящего, и приказал:

– На колени.

Я плюнула ему в лицо.

В живот вонзилось колено и вышибло из меня весь дух. Пальцы на горле наконец-то разомкнулись, и, надрывно закашлявшись, я упала на землю. Разъяренный Истэк склонился надо мной, но отец отодвинул его в сторону. Поморщившись, он смерил меня полным омерзения взглядом.

– Тварь. Уведи ее отсюда, – властно обратился он к дикарю за моей спиной. – Извлеки стрелу и запри где-нибудь. Когда на землю опустится ночь, приведи на помост. – Он посмотрел на меня. – Три удара плетью. Возьми мою любимую. Если переживет ночь, утром кинь ее к остальным рабам.

– Убийца, – прорычала я. Но он никак не отреагировал на мои слова и спокойно вернулся за стол. – Животное! – вскричала, извиваясь в чужих руках. – Я убью тебя! Я убью тебя и всех вас, слышишь?!

Очередной удар не остановил меня. Я брыкалась, пока меня тащили прочь, изворачивалась в попытке укусить, хоть и чувствовала, как в уголках глаз собираются слезы.

Я не могла перестать думать о матери. Воскрешала в памяти черты ее лица, которые, к моему ужасу, уже начали забываться. Полный любви взгляд, тепло надежных объятий. Затем в голову пробрались подробные образы ее смерти, и я закричала. Собственный крик отчаяния оглушил меня.

Я не сразу поняла, что на самом деле не проронила ни звука.

Дикарь пинком распахнул дверь старой, обветшалой хижины и толкнул меня внутрь. В нос ударил запах старой соломы и гниющего дерева, а в одну из ступней вонзилась небольшая щепка, когда я упала на жесткий дощатый пол.

Мужчина одним резким движением перерезал веревки и завел мои руки за спину, чтобы снова связать их. От пронзившей плечо боли я стиснула челюсти, но, когда он без предупреждения выдернул оставшийся конец стрелы, не смогла сдержать крика. Из глаз брызнули слезы, которые тут же с пощипыванием проникли в свежие ссадины. Однако кошмар и не думал прекращаться. Следом дикарь вытащил из-за пазухи фляжку и вылил на рваную рану содержимое до последней капли.

Боль стала просто невыносимой. Я никогда раньше не ощущала ничего подобного: меня словно сжигали заживо.

– Заткнись! – неразборчиво рявкнул он.

Кезро немного потряс фляжкой для надежности, достал из кармана грубую серую ткань и наскоро, неумело обмотал мое плечо. Привязал другой конец веревки к деревянному столбу и, не сказав больше ни слова, вышел из хижины. Дверь со скрипом захлопнулась следом за ним. Через мгновение я услышала, как задвинулся засов. Глухой звук шагов становился все дальше и дальше, пока совсем не стих.

И тьма наконец-то поглотила меня.

Глава 2 Николас

Скривившись, Истэк смотрел вслед девчонке, но вскоре нехотя вернулся к столу. В его глазах то и дело вспыхивало какое-то нездоровое желание, пока срывающийся от непрекращающихся криков голос лесной дикарки медленно отдалялся.

Я несколько мгновений не сводил с него пристального взгляда, после чего повернулся к Фабиану. Тот без слов понял меня, кивнул.

– Что ж, – прокашлявшись, невозмутимо заговорил Тун – вождь клана Кезро. – Произошло небольшое... недоразумение, не обращайтесь внимания.

– Что она вам сделала? – как можно спокойнее спросил я.

– Выжила, разумеется, – хмыкнул Тун. – Она лишь деталь, необходимая для завершения одного дела.

Я прищурился.

– Вы сожгли ее деревню.

– Да, – легко согласился вождь, пожимая плечами. – Представь, как неприятно нам было осознать, что единственной выжившей оказалась какая-то девчонка, которая сумела не только потрепать моих воинов, но и бесследно исчезнуть.

– С трудом выходит проникнуться вашей проблемой. – Мой голос наполнили холодные нотки.

– Николас, – прошипел отец.

Я проигнорировал его предупреждение. Меня интересовала судьба странной лесной дикарки.

– Что с ней будет?

– Это решит мой сын.

Едва сдерживая злость, я обратил взгляд на Истэка, который оторвался от своих наблюдений.

– Зачем тебе знать? – тут же осклабилась он. – Девчонка в полном моем распоряжении. Что захочу, то и сделаю. И начну с порки. Пусть ответит за свое поведение.

– По-вашему, она должна целовать вам ноги за все, что вы сделали с ее кланом? – Голос едва заметно завибрировал. Один взгляд на это ничтожество пробуждал внутри меня жгучую ненависть.

– Хватит, Николас. Это не наше дело, – настойчиво и громко потребовал отец.

Я не посмел перечить ему при всех и замолчал.

Истэк с торжествующей ухмылкой откинулся на спинку скамейки.

Я сжал руки в кулаки под столом, желая разукрасить его довольную физиономию. Однако лицо по-прежнему сохраняло непроницаемое выражение, и я видел, как это бесило его.

– Прошу прощения. Мне нужно отойти, – произнес сидящий слева Фабиан. Он кивнул мужчинам по другую сторону стола и спокойно вышел из шатра.

Я даже не взглянул на друга.

– Как охота, Николас? Вы оба наверняка проголодались. Впрочем, как и все мы. – Вождь подал кому-то знак и с подчеркнутым интересом обратил внимание на меня. Притворство стало частью нашего пребывания здесь.

– Ей кое-что помешало, – напомнил я.

– Ах, жаль, что вы не смогли как следует развлечься. Но ты ведь успел оценить часть богатств наших земель?

«Земель, вскормленных кровью тех, кто был не в состоянии оказать достойный отпор».

– Разумеется.

Внезапно я краем глаза уловил какое-то движение. Из угла, окутанного густыми тенями и дымом жаровен, показалась хрупкая женская фигура. Она была худой и совсем юной, хотя под мешковатой одеждой все равно проглядывались женские изгибы. Прямые темные волосы струились по груди, намеренно скрывая очертания от жадных мужских взглядов.

Девушка поднесла к столу две наполненные ароматным мясом миски. Она не поднимала глаз, пока ставила ужин перед Туном и Истэком и быстро наполняла миски остальных. Я заметил, как тряслись ее руки и сбивалось дыхание, когда она приближалась к каждому из воинов. Пожалуй, если бы не этот затравленный вид, ее можно было бы назвать красивой.

– Нравится? – хмыкнул Истэк.

Я мысленно выругался, пожалев, что так пристально разглядывал ее.

Истэк так резко притянул бедняжку к себе, что она не удержалась от испуганного вскрика. Но никто другой, казалось, не заметил этого. Полный стол разных яств и запах еды оживили мужчин, и теперь они активно переговаривались между собой.

– Это Кода. Моя сестра. Уверен, тебе скучно ночами. Возможно, она бы согласилась скрасить твое одиночество. Как-никак, завтра вы выдвигаетесь в путь.

– Спасибо. Обойдусь, – равнодушно отозвался я, стараясь, чтобы отвращение не исказило мой голос.

Истэк многозначительно ухмыльнулся и грубо пихнул девчонку в угол. Она едва успела извернуться, чтобы не опустить выставленные вперед ладони прямо в жаровню.

– Тебе что, не нравятся женщины?

– Не имею привычки спать с кем попало.

– Скучно живешь, сын Аяна, – протянул Истэк.

– Не жалуюсь, – холодно улыбнулся я.

Я мысленно вернулся к дикарке. Я знал, что Кезро держали рабов, но увидеть воочию столь безжалостное пленение человека... женщины... Это не давало мне покоя.

Словно прочитав мои мысли, Истэк бросил взгляд на опущенный полог шатра и провел языком по уголку губы.

– Придешь на сегодняшнее представление? – вкрадчиво спросил он, скосив глаза на меня.

– Что за представление? – Плохое предчувствие отозвалось где-то в животе тянущей болью.

– А ты думал, девчонка понесет наказание без зрителей? Не-ет, на это веселое зрелище придут все.

От накотившей тошноты я едва сдержал порыв выплюнуть взятый в рот кусок свинины.

– Веселое? – глухо переспросил я, в недоумении нахмутив брови.

Истэк продолжал издевательски улыбаться.

– Разве нет?

– Если ты называешь весельем избиение и без того измученной женщины, боюсь, что нет. Забавным это кажется мне в самую последнюю очередь.

– Ты явно не знаешь толк в развлечениях, Николас.

– У нас несколько разные представления об этом. Вынужден отказаться от твоего предложения. Не расстраивайся сильно.

– Постараюсь, – недобро хмыкнул Истэк.

Дверь тихо скрипнула, и черная тень проскользнула внутрь.

– Что ты узнал?

– Ее заперли в каком-то сарае и вытащили стрелу из плеча. Скоро поведут на помост.

Я задумчиво провел точильным камнем по лезвию топора.

– Девчонка совсем плоха. Так кричала. – Фабиан прошел вглубь комнаты и тяжело осел на свою койку. – Кстати, из-за тебя я пропустил ужин, – добавил он укоризненно.

Я молча указал большим пальцем на стол у очага.

– О, спасибо, дружище. – Фабиан с довольным видом закатал рукава.

– Долго же ты.

– Близнецы поймали. Заставили все им рассказать. Ты же их знаешь. Ужас! – Он поморщился. – Не могу дождаться, когда уедем отсюда. Эти люди ведут себя, как дикие звери.

Я промолчал, с нетерпением прислушиваясь к звукам снаружи. Фабиан, как и я, разговорчивостью не отличался и просто расправлялся со своим ужином. Молчание более чем устраивало нас обоих.

– Надеюсь, наши в хижинах?

Он утвердительно промычал и приник к горлышку фляжки.

– Хорошо. Представление, – я постарался вложить в это слово всю злую иронию, – Кезро мы смотреть не будем.

– Похоже, оно как раз начинается.

Фабиан оставил недоеденный ужин и уставился на дверь, озабоченно нахмутив брови. Я же невольно начал затачивать топор как можно тише.

Снаружи раздавался треск костров и смех Кезро.

– Узрите! Эта рабыня посмела перечить нашему вождю. В наказание она получит три удара плетью. Так взгляните же, что станет с каждым, кто вздумает ослушаться приказа повелителя! – Мы с трудом различили голос Истэка.

А затем все стихло.

Мы ждали, изредка переглядываясь друг с другом, но девичий крик так и не прорезал безмолвие ночи. Лишь три свистящих удара плети.

Глава 3 Фрейя

С наступлением ночи я с трудом разлепила глаза, и боль сразу напомнила мне о скверном положении. Я оторвала голову от пола, сдула с носа пыль и мучительно медленно села, прислонившись к ветхой стене. Связанные за спиной руки затекли и отзывались резкой болью, рана на плече страшно пульсировала.

Осмотреть помещение, в котором меня заперли, было практически невозможно: тьма оказалась настолько густой, что я едва различала силуэты собственного тела. Окон здесь не было, и лишь тусклый свет едва пробивался сквозь щели в двери.

Я услышала треск поленьев, и на миг меня охватила паника – слишком свежи еще были в памяти последние яркие воспоминания, связанные с этими звуками. Появившийся не так давно страх перед огнем был совершенно некстати.

Стараясь дышать глубоко и медленно, я подняла голову и оперлась о столб, к которому меня привязали ранее. Слезы снова выступили на глазах, но я упрямо не давала им пролиться.

«Я должна быть сильной. Ради мамы. Папы. Ради Тео. Я выдержу это и остальные испытания, что приготовила для меня судьба», – пронеслось у меня в голове, и, чтобы не впасть в беспамятство, я начала занимать голову разными мыслями. Хотя о том, как выбраться отсюда, размышляла совсем недолго – понимала, что это ни к чему не приведет. У меня больше не было оружия, а даже если бы я смогла перегрызть веревку, то никак не сумела бы справиться с дверью, запертой на засов. И это не считая того, что у меня совершенно не осталось сил, чтобы бороться с целой армией чудовищ, поджидавших меня с той стороны.

Я думала о том, что ждет меня дальше. То и дело мне вспоминалось одно-единственное слово. «Рабыня». От одной только мысли о подобной участи меня бросало в дрожь. Рабы долго не жили, особенно девушки. Они бы нацепили на меня железный браслет и продали какому-нибудь похотливому старику, который вскоре не оставил бы от меня ничего, кроме оболочки. *«Я буду сражаться»*, – яро пообещала себе. Но то была отчаянная бравада утопающего, хватающегося за соломинку. Я понимала, что рано или поздно сломаюсь. Так же, как ломались другие.

Тягостные размышления сменились воспоминаниями о матери, от которых давление в груди лишь усилилось. Я отказывалась верить, что слова того дикаря были правдой. Если бы она не погибла в пожаре, я бы заметила, как ее уводят с остальными. Они забрали Ветра, но вместе с ним никого больше не пленили.

«Ты пришла слишком поздно», – нашептывал внутренний голос, но я мысленно зажала уши.

Что бы ни случилось на самом деле, в одном мне сомневаться не приходилось – моей матери больше не было. Я не спасла ее. Возможно, если бы Теоден был с ней в ту ночь, они бы выжили. Он бы успел. Он всегда знал, что делать. А я теперь даже не знала, где мой брат. Вернулся ли с гор? Выжил ли он?

Как я вообще оказалась здесь? Чем прогневала Богов, что они так со мной поступили? Как вышло, что еще два сезона назад мы с матерью наслаждались жизнью в нашей скромной деревушке, не зная бед? А я, казалось бы, совсем недавно скакала на Ветре и смеялась у костра с остальными девушками и парнями.

Сейчас я с трудом могла поверить, что те мгновения были явью. Прозрачные тихие озера воспоминаний заполнялись болотистой топью нынешних испытаний. И, сидя в этой затхлой комнате, я готовилась к новым.

А еще я тосковала по стае. Наверное, именно их мне не хватало больше всего. В тот день Легенда что-то разглядела во мне и пощадила. И волки открыли для меня новый, дикий мир, поначалу едва не убивший, но затем – вдохнувший в меня жизнь, словно дух леса смилостивился над приемным дитем, на долю которого выпало немало невзгод.

Был ли то некий материнский инстинкт, любопытство или своеобразное сочувствие зверя, но лишь благодаря щедрым подношениям Легенды в виде заячьих и птичьих тушек и ее теплому телу, прижимающемуся ко мне, я не погибла в лесу в дни, последовавшие за той роковой ночью. И я поняла, что в этом мире нам будет проще выжить вместе.

Вот только остальные не были готовы смириться с моим присутствием так сразу. Как это бывало у людей, мне пришлось доказывать, что я достойна вступить в их ряды. Что могу стать полезной, а не быть обузой. Поначалу все, что мне оставалось – это подчиняться строгой иерархии, которая существовала в стае. Пока волки делили улов после охоты, иногда с боем, я оставалась в стороне и наблюдала. Запоминала. А потом показала, на что способна. Момент, когда убегающая от хищников олениха была сражена моим метко брошенным клинком, стал переломным. За проявленную силу и сообразительность, что так ценили волки, в тот день я впервые удостоилась чести присоединиться к общей трапезе. С тех пор никто больше не смел мне противостоять. Я стала равной им. Мы превратились в единое целое. А спустя время они посчитали, что я заслуживаю роль вожака. Этих существ невозможно было приручить и заставить подчиняться, они были самым олицетворением свободы. Да я и не пыталась демонстрировать превосходство человека над зверем. Я просто была благодарна за свое спасение и всеми силами хотела показать им это.

Я более не видела в них чудовищ, которых обычно боялись люди. Волки не были злыми или беспощадными; они, как и все остальные, делали то необходимое, чтобы выжить, и никогда не брали больше.

Иронично, но именно дикие звери показали мне, что такое милосердие. Открыли истинное лицо верности друг другу, ведь они были не способны на предательство. Стая походила на единый организм, где каждый был готов стоять насмерть ради другого. И я с упоением наблюдала за тем, как они общаются между собой.

Особенно за Легендой и Лидером. Их привязанность была столь трогательной и искренней, что вызывала у меня светлую зависть. Порой я даже ловила себя на мимолетном желании

обрести однажды нечто подобное, но потом с горечью осознавала, что в моей ситуации это было невозможно. И хоронила глубоко внутри мечты, вызванные одиночеством.

Теперь Легенда осталась одна. И вина тяжелым грузом лежала на мне. Именно из-за меня они попали в ловушку. Из-за меня погиб Лидер, и волчата будут расти без отца. Но у них есть стая и множество теплых дней впереди. Без меня им будет лучше. Место рядом с ними никогда мне не принадлежало.

По щеке скатилась одинокая слеза.

Я шмыгнула носом. От нахлынувших мыслей разболелась голова, и меня начало клонить в сон. Но в тот момент, когда я прикрыла веки, за дверью наконец-то раздался звук шагов, которого я ждала с нарастающим ужасом. Я услышала, как снаружи оживились дикари, предвкушавшие представление, кровь, крики. Однако я поклялась себе, что не доставлю им такого удовольствия, чего бы мне это ни стоило.

Я не закричу.

«Всего три удара. Три удара, а потом ты что-нибудь придумаешь».

Дверь распахнулась, и на пороге появилась высокая фигура, подсвеченная огнями костров. Увидев, что я в сознании, дикарь удивленно хмыкнул, а затем молча отвязал веревку и повел меня за собой. Я лишь тихо зарычала – сил сопротивляться не оставалось. Я не могла даже удерживать на весу голову, и потому просто мысленно считала шаги и помутневшим взглядом смотрела в землю, борясь с тошнотой.

Возбужденные крики и смех дикарей раздавались со всех сторон. Они смотрели на меня, как хищники на добычу, но я старалась сохранять бесстрастное выражение лица, тогда как все внутри сжималось от страха. Огромное количество костров не добавляло мне уверенности, и я упорно не смотрела на языки пламени, зная, что, если сделаю это – сдамся.

Перед ступенями на помост я остановилась, тяжело дыша, пытаясь собрать в себе силы для очередной борьбы. Мужчина дернул веревку, и мое тело послушно подалось вперед. На лестнице я споткнулась, однако, к всеобщему огорчению, смогла удержаться на ногах.

Я думала, что готова к этому. Но, когда дикарь резко вздернул мои связанные руки вверх и прикрепил их к балке, поняла, как сильно заблуждалась. Он ударил меня под колени, и я рухнула на деревянные доски.

Ко мне приблизился огромный мужчина, чья кожа была такой красной, будто он все время проводил у огня. Я обратила внимание на его руки, на то, что он держал в них, и тут же задергалась всем телом, осознав, что сейчас произойдет. Но вырваться было невозможно.

Я издала беспомощный стон, когда кто-то схватил меня, а краснокожий мужчина поднес к предплечью горячий, совсем недавно выкованный рабский браслет.

– Нет, – с ужасом прошептала я.

Звук щелчка я прочувствовала всем своим существом. Как и последовавшее осознание того, что я стала рабыней. Собственностью. Моя жизнь больше не принадлежала мне.

Толпа возликовала.

«Я отрекаюсь от вас. Отрекаюсь!» – прокляла я в тот момент всех существующих Богов.

Одним махом с меня сорвали рубашку, и ночной ветер холодом пронесся по обнаженной коже. Следом полетела нагрудная повязка, и я инстинктивно дернулась в отчаянном желании прикрыться, но лишь потревожила плечо. Кожу на запястьях саднило от грубого материала веревки. Казалось, на мне не осталось ни одного живого места.

За спиной раздалась почти бесшумные шаги. А затем над поляной звучно разнесся ненавистный мне голос:

– Узрите! Эта рабыня посмела перечить нашему вождю. В наказание она получит три удара плетью. Так взгляните же, что станет с каждым, кто вздумает ослушаться приказа повелителя! – Он начал говорить на моем языке, чтобы я пропустила через себя каждое слово, чтобы пропиталась страхом. И после повторил уже на своем – грубом, рычащем, отрывистом.

Дикари в предвкушении замолчали. Или я их просто не слышала.

Перед моими глазами качнулся край плети. Я скользнула невидящим взглядом по тяжелой рукояти, по огромным шипам, на которых багровели следы крови, и содрогнулась от ужаса.

Раздался шипящий свист, и через мгновение лавина боли обрушилась на меня, когда острые шипы плети рассекли кожу. Я не проронила ни звука, оставаясь верной данной себе клятве. Вот только не представляла, как смогу вытерпеть это еще два раза.

Второй удар показался мне невыносимым. Весь воздух резко вышел из легких, и я некоторое время не могла вдохнуть. Глаза начали медленно закатываться, голова обессиленно свесилась на грудь, а волосы каскадом рассыпались по лицу.

Я ждала. Кезро намеренно растягивал процесс, чтобы боль и страх во мне вытеснили все остальное. Он в этом преуспевал. Но я, стиснув зубы, упрямо подавляла всхлипы и не закричала даже тогда, когда воздух прорезал последний свист плети.

Боль была непередаваемой, будто дикарь вложил в удар всю силу бугристых мышц. Тело била такая дрожь, что стучали зубы, а истерзанная спина горела не хуже пламени.

«Закончилось. Это закончилось. Теперь все будет хорошо», – повторяла я себе снова и снова, но от этих мысленных подбадриваний толку было не больше, чем от крохотной капли росы в момент жажды. Хотя уже ничего и никогда не будет хорошо. Я заставила себя признать это, перестала лгать самой себе.

– Надеюсь, ты усвоила урок, – прошипел в ухо демон.

Мне захотелось в ужасе шарахнуться от него в сторону, вцепиться пальцами в его черные глаза и вырвать их из глазниц. Но я не нашла в себе сил даже для того, чтобы просто приоткрыть веки. Довольные увиденным представлением дикари разошлись по своим теплым хижинам, чтобы подготовиться ко сну, которого я точно была лишена на ближайшие ночи. Большинство костров потушили, и лишь изредка доносились звуки продолжавшегося веселья.

Мне было все равно. Впервые мне по-настоящему хотелось умереть. Чтобы не ощущать унижения и этой дикой боли в каждом уголке тела. Стоя на коленях, практически голая, я сотрясалась в беззвучных рыданиях, пока щели в дощатой платформе помоста наполнялись моей кровью.

Спустя некоторое время я заставила себя разлепить влажные от слез ресницы. Ночь вступила в свои права, вокруг стояла непроглядная темнота и тишина. И не скажешь, что совсем недавно здесь находилась огромная толпа, жаждущая насилия.

Очередной порыв ветра заставил меня съежиться: кожа покрылась мурашками, к дрожи боли и страха добавился озноб.

Словно мне было мало страданий, из леса донесся волчий вой. Я слишком долго пробыла рядом с ними, чтобы не узнать голос Легенды.

Я крепко зажмурила глаза и мысленно умоляла волчицу прекратить. Не знаю, было ли дело в связи между нами или в простом совпадении, но Легенда действительно затихла. И одиночество охватило меня, как никогда прежде.

«Нет, нет, продолжай. Пожалуйста, не оставляй меня», – взмолилась я, но из леса больше не раздалось ни звука.

Из беспомыслия меня вырвал едва слышный шорох травы – кто-то подкрадывался ко мне, стараясь ступать как можно тише. Я услышала, как кто-то присел на корточки передо

мной. Едва различимое дуновение ветерка оповестило меня о движении руки, и я вяло дернулась.

– Тише, – низко, но мягко произнес мужской голос. Глубокий. Приятный.

Я разомкнула веки и, прищурившись, посмотрела на освещенное крохотным пламенем свечи бесстрастное лицо Николаса.

«Привидится же», – подумала я и закрыла глаза.

Но он никуда не исчез.

– Посмотри на меня, – настойчиво проговорил мужчина.

Я не шевельнулась. Через мгновение почувствовала теплые пальцы, почти невесомо и с болезненной осторожностью коснувшиеся моего подбородка. Веки невольно открылись, и я встретилась со светлыми глазами. Нахмутив брови, Николас медленно осматривал мое избитое лицо. В его взгляде читался гнев.

«Почему он злится на меня?» – мелькнула отрешенная мысль.

– Ты наверняка хочешь пить. У меня есть вода. Сможешь сделать глоток?

Я посмотрела на него, пытаюсь разобраться, о чем он говорит, и с равнодушным видом отвернулась.

– Я не причиню тебе вреда. Своим упрямством ты сделаешь только хуже, – сдержанно заметил он.

Я промолчала.

Между нами воцарилась тишина. Потом Николас тихо заговорил, и его слова ударили по мне не милосерднее плети.

– Этого бы хотела твоя мать? Чтобы ты сдалась в первый же день?

Я вновь распахнула глаза, уставившись на деревянный столб, в который упиралась лбом. Внутри меня что-то нехотя зашевелилось.

– Значит, все было зря? Если будешь и дальше жалеть себя и показывать гордость, уж точно никогда не выполнишь обещание.

Я сразу поняла, какое обещание он имеет в виду. Брошенные в порыве гнева слова всплыли у меня в голове: «Я убью тебя! Я убью тебя и всех вас, слышишь?» Но почему он сказал об этом? Разве он не заодно с этими чудовищами?

Я резко обернулась к нему и нагрядила его свирепым взглядом. Он был таким высоким, что мне приходилось сильно наклонять голову, чтобы смотреть на него, и с каждым мгновением это становилось все труднее.

Николас взирал на меня с мрачным удовлетворением, будто намеренно пытался разозлить.

– Ну, раз ты не хочешь, – протянул он. Убрал фляжку и, подхватив свечу, рывком встал. Не успев остановить себя, выпалила:

– Стой. – Я едва узнала свой голос, он был таким хриплым, словно в горло набился песок.

Мужчина снова опустился на корточки, появляясь в поле моего зрения. В руках он держал фляжку. Я испуганно взглянула на нее и слегка отклонилась назад.

– Это просто вода, честно.

Он сделал небольшой глоток, будто пытаюсь убедить меня, а потом поднес горлышко к моим губам. Аккуратно обхватив мой подбородок другой рукой, помог мне приподнять голову. На язык попали первые капли влаги. Я дернулась и с тихим стоном начала жадно глотать прохладную воду, но Николас резко отнял ее от моего рта.

– Не так много за раз.

Разочарованная, я попыталась перевести дыхание и закашлялась.

Мой хмурый наблюдатель не спешил уходить.

– Как тебя зовут?

Я раздраженно покосилась на него. Его лицо оставалось непроницаемым, а взгляд – спокойным, пока он терпеливо ждал ответа. Я заколебалась: мне требовалось время, чтобы вспомнить, кто я такая.

– Фрейя, – наконец тихо проронила я. Имя показалось мне незнакомым. Будто давно принадлежало кому-то другому.

Он кивнул.

– Ник.

Николас повесил фляжку на пояс к своему огромному черному топору, с которым никогда не расставался, и потянулся к свече. Он поднялся на ноги и поднес огонек к моим запястьям. Я резко отпрянула, отчего столб закрипел.

Мужчина перевел на меня непонимающий взгляд.

– Боишься огня? – догадался чересчур быстро.

Я скрыла непонятно откуда взявшийся стыд за еще одним злобным взглядом и в бессилии опустила голову, позволяя ему осматривать раны. Он коснулся кожи с запекшейся на ней кровью, а затем, передвигаясь почти неслышно, обошел и встал у меня за спиной. Я напряглась, и он успокаивающе дотронулся до моего здорового плеча.

– Просто посмотрю.

Я в оцепенении кивнула. Он снова присел, и я сжалась всем телом, стесняясь своей наготы. Казалось, она совсем не смущала его. Он смотрел мне прямо в глаза, а свечу держал чуть поодаль, что я отметила с облегчением и некоторым удивлением.

«Это может оказаться ловушкой». Но несмотря на свои опасения, я понимала, что дикари не стали бы играть в подобные игры. Зато этот незнакомец вполне мог вести свою собственную.

Я прислушалась, наблюдая за светом свечи, которую Николас подносил к разным участкам моего тела. Его горячее дыхание почти касалось израненной кожи.

Спустя некоторое время он тяжело вздохнул, отставил свечу в сторону и, скинув с плеч черный плащ, накрыл им мою дрожащую спину. Когда тяжелая ткань легла на открытые раны, я болезненно поморщилась, но охватившее меня тепло немного смягчило страдания. Из груди вырвался облегченный вздох.

– Думаю, пошло заражение. У тебя начинается лихорадка. – Ник так хмуро посмотрел на меня, будто это была моя вина. Он долго всматривался в мое лицо, над чем-то раздумывая и словно не желая уходить. Мысли о предстоящем одиночестве причиняли боль и мне.

Еще один тяжелый вздох, и он оглянулся, прежде чем подобрать свечу и уйти.

– Вероятно, за ночь ткань прилипнет к ранам. Но это лучше, чем замерзнуть насмерть. Порезы серьезные, и ты потеряла слишком много крови, чтобы тело могло согреться.

– Почему ты мне помогаешь? – задала я вопрос, который не давал мне покоя.

Он быстро отвел глаза и уклончиво пробормотал:

– Я делаю то, что считаю нужным.

Я обдумывала его слова.

– Спасибо, – прошептала наконец.

Но к тому времени он уже исчез.

Я помнила ночи, когда все тело коченело от холода, когда я засыпала на холодном снегу, а зимний ветер пробирался под меховую накидку. Те ночи, что казались мне кошмарным сном, от которого невозможно было пробудиться.

Но ни одна из них не сравнилась бы с этой.

Тело будто больше не подчинялось моему разуму. Темнота подступала со всех сторон. Я снова и снова слышала звук плети, рассекающей кожу, пробуждалась, только чтобы вновь потерять сознание от боли. Привязанные к деревянной балке руки затекли, а кожа на запястьях давно стерлась. Тело тряслось и дрожало от усилившейся лихорадки. Я думала, что утро не настанет.

«Этого бы хотела твоя мать? Чтобы ты сдалась в первый же день?»

– Нет, – в бреду шептала я.

Слова Николаса врывались в сознание каждый раз, когда я готова была молить о смерти. Я не знала, какие цели он преследовал, но благодаря им то и дело выплывала на поверхность.

Первые рассветные лучи тронули землю. Я сидела в той же позе, равнодушно уставившись в дощатый пол, чувствуя, как живот сводит от голода. Вероятно, это утро радовало теплом, звонким птичьим щебетом и ржанием проснувшихся лошадей, но мне оно казалось как никогда серым.

Звуки природы начал разбавлять шум просыпавшейся деревни. Дикари перебрасывались резкими, гортанными фразами, разбредались по разным сторонам, чтобы заняться утренними обязанностями. Некоторые, проходя мимо, зловеще усмехались. Кто-то плевал мне под ноги. Но я не обращала на них внимания, ничего вокруг не замечала, – лишь напряженно ждала.

Когда на шаткой лестнице послышались тяжелые шаги, я нервно сглотнула. Тот же дикарь пнул меня в бок, проверяя, жива я или нет. Я не успела даже приготовиться, как веревки одним резким движением оказались разрезаны, а мои занемевшие руки упали. Я сжалась, поскуливая от боли.

Кезро с отвращением рассматривал меня. Он остановил взгляд на плаще Ника, за ночь пропитавшемся кровью, и его зрачки расширились. Он что-то процедил, затем с неистовой яростью схватил меня за связанные кисти и потащил с помоста. Я попыталась подняться, но ноги не слушались, и тогда дикарь просто столкнул меня с лестницы, а затем поволок прямо по земле. В оголенный живот впивались сучья, оставляя на коже тонкие царапины. Как и предупреждал Ник, плащ прилип к ранам и только благодаря этому продолжал держаться на мне. Может, ночью он и спас меня от холодной смерти, но сейчас от его помощи было больше вреда, чем пользы.

Вскоре Кезро остановился и привязал меня, точно скотину, к высокой толстой палке, вбитой в землю. Сотрясаясь в лихорадке и слабо хватая ртом воздух, я обессиленно обмякла и покорно позволила темноте снова поглотить меня.

Глава 4 Николас

Солнце только показалось на горизонте, когда я бесшумно выскользнул из хижины и, придерживая боевой топор на поясе, двинулся по безлюдным тропам спящей деревни. На полпути к нужному дому я бросил взгляд на помост, который сиял в предрассветных лучах. Он был пуст. Лишь темные разводы на деревянных досках и ступенях служили напоминанием о том, что совсем недавно там происходило.

Я нахмурился. «*Неужели она...*» Но я быстро отогнал безрадостные мысли и пересек оставшееся расстояние, сдержанно кивая редко попадающимся Кезро.

Прежде чем постучать в дверь, я остановился и глубоко вдохнул, чтобы настроиться на пренеприятный разговор. Наконец я решительно поднял кулак и три раза впечатал его в твердое дерево.

Ждать пришлось недолго. Спустя несколько мгновений я услышал тихое ругательство, а затем шлепанье босых ног по полу. Дверь резко распахнулась, и моему взору предстала любопытная картина: взъерошенный и злой, как цепной пес, Истэк стоял на пороге совершенно нагой и прожигал меня взглядом, прикрывая рукой глаза от яркого солнца.

– А-а-а. Сын Аяна, – кисло протянул он и облокотился на стену без малейшего намека на стеснение. – Что привело тебя ко мне в такую рань?

– Есть разговор, – коротко бросил я.

Истэк испустил тяжелый вздох и укоризненно покачал головой.

– А я ведь предлагал тебе провести ночь в приятной компании. Женщина задержала бы тебя в постели, и ты бы дал поспать мне.

Я молча смотрел на него, пока он не закатил глаза и не отошел.

– Ну что ж, заходи.

– Поговорим снаружи, – отрезал я.

– Там прохладно, мне надо бы одеться. А оставлять гостя на пороге так невежливо, – хохотнул он и скрылся в доме.

Раздраженно вздохнув, я направился следом за ним, о чем тут же пожалел. Истэк прошел в небольшую мрачную комнату и принялся лениво натягивать одежду на жилистое, исполосованное шрамами тело, не сводя с меня насмешливого взгляда.

В ворохе мехов лежала обнаженная девушка, – едва ли не девчонка, которая лихорадочно пыталась прикрыться уголком бурой шкуры. В ее глазах застыл ужас, пока она переводила

взгляд с меня на Истэка и обратно. На левом предплечье блестел широкий железный рабский браслет, а горло и руки были испещрены кровоподтеками.

Я дернул челюстью и посмотрел на Истэка.

– Какой взгляд! – Он приподнял бровь и тоже устался на рабыню. – Не желаешь присоединиться?

– Я пришел поговорить, Истэк, – холодно отозвался я.

– Вечно ты отказываешься от моих щедрых предложений. – Он с наигранной обидой махнул рукой, грубо потрепал девушку по волосам, словно та была ручной зверушкой, и направился к выходу. – Зря ты вчера не примкнул к всеобщему веселью. Там было на что посмотреть.

Я пошел вслед за ним, оставляя дрожащую рабыню в одиночестве.

– Об этом я и хотел поговорить.

– Говори, – благосклонно позволил Истэк и затянул пояс на штанах.

– Девчонка жива?

– Живее всех живых, – оскалился он, мгновенно поняв, о ком идет речь. – Правда, потрепанная... слегка. Зачем спрашиваешь?

– Я покупаю ее у тебя, – спокойно заявил я.

Истэк остановился, и на лицо его разом набежала тень.

– Чего? Эта рабыня не продается. По крайней мере, пока она мне не надоест.

– Рабыня? – хмуро переспросил я.

– Вчера девчонку окольцевали, – пояснил Истэк. Из его голоса исчезло показное добродушие.

– Сколько ты за нее хочешь?

– У тебя со слухом плохо, Николас? – прошипел Кезро. – Я же сказал: девчонка моя.

– Назови цену.

Он прищурился.

– Этна ведь не покупают рабов.

– Я решил сделать исключение.

– Почему именно она? Выбирай любую, у нас их достаточно. Я даже могу подарить тебе парочку. Конечно, в знак нашей крепкой и давней дружбы...

– Просто назови цену, Истэк. – В голос просочились угрожающие нотки, и он не мог не заметить этого.

– Иди к демонам, Николас! – прорычал Истэк.

Я уже среди них.

В мгновение ока я прижал его к бревенчатой стене ближайшей хижины и вдавил лезвие топора под его кадык. В глазах Истэка сверкнула ярость, и он скривился, неприязненно покосившись на оружие.

– Опасную игру ты ведешь, сын Аяна. Хочешь обзавестись еще одним шрамом? – прохрипел он. Его взгляд красноречиво указывал на давний след от его кинжала, пересекавший правую сторону лба.

– Это мой топор сейчас у твоего горла, – бесстрастно заметил я.

– Если кто-нибудь увидит тебя, будет скандал, – вкрадчивым голосом произнес Истэк.

– Приятно, что ты беспокоишься обо мне. Предлагаю разойтись мирно. Просто отдай мне девчонку и заberi плату.

Кезро зарычал, словно дикий зверь, и хотел было что-то ответить, но я перебил его:

– Более выгодного предложения ты ни от кого не получишь. Любая цена, Истэк. Говори.

– Мне ничего не нужно, – процедил он.

– Тебе, может, и нет, – спокойно отозвался я. – А вот что скажет твой отец, узнав, что ты упустил случай обогатиться из-за какой-то обычной рабыни?

– Что в этой *обычной рабыне* нашел ты, раз готов пойти на такую смелую сделку?

– Это мое дело. Решай.

Удерживая его горящий взгляд, я повесил топор на пояс и отступил.

Истэк яростно потер шею и провел пальцем по подбородку в лихорадочных раздумьях.

– Да чтоб ты сдох, Николас! – наконец в сердцах рявкнул он.

Я усмехнулся и скрестил руки на груди.

– Так что?

– Ладно, – выплюнул он. – Хорошо. Согласен, – и назвал цену.

Внутри у меня все похолодело. Я уже слышал свирепый голос отца, который отчитывал меня за такие траты. Я замешкался, но виду не подал.

– Идет.

Истэк с отвращением взглянул на протянутую руку, хмыкнул и отправился в свою хижину.

– Жду тебя в полдень, – бросил он.

– Это не все.

Кезро напряженно замер.

– Есть еще кое-то.

Перед глазами маячила широкая спина Кезро, пока он вел меня к указанному месту. Дикарь не оборачивался, а я тем временем неосознанно оценивал своего противника: его правая нога при ходьбе плохо сгибалась – явно давала о себе знать старая травма. Он был крупнее меня, но двигался неуклюже, вразвалку, и уворачиваться от его ударов было бы слишком просто.

Однако мысли мои блуждали где-то в другом месте. Я не сомневался в правильности своего решения, хоть и опасался последствий. Будь Фрейя обычной женщиной, напуганной и покорившейся судьбе, проблем бы не возникло. Я бы освободил ее, обеспечил спокойное, безбедное существование в своей деревне, но лесная дикарка была другой, и это вводило меня в смятение.

Мужчины моего клана не привыкли к тому, чтобы от женщин исходила опасность. От Фрейи же опасностью веяло за версту. Девчонка была сильна, неплохо обучена боевым тонкостям, и у меня из головы не выходили совершенно невероятные картины того, с какой скоростью она неслась по лесу, не уступая по ловкости волкам. С какой яростью сражалась, умело орудовала кинжалом и кулаками. Я видел, что она боялась. Но не за себя. Страх проявлялся в ее глазах лишь при взгляде на ее диких животных – будто ее собственная жизнь зависела только от их безопасности.

Она была такой юной, а уже пережила больше тех, кого я когда-либо знал. Я даже не представлял, как ей удалось в одиночку выжить зимой – без поддержки клана и крыши над головой, – да еще и так долго скрываться от отрядов Истэка. Демонов, которые вдобавок ко всему отхлестали ее плетью. А эти волки?! Как ей удалось заставить слушаться целую стаю зверей?

Я фыркнул. Кезро передо мной слегка вздрогнул и тут же, поведя плечами, поспешил скрыть это. Я видел, что он был напряжен всю дорогу, вынужденный подставлять мне незащищенную спину. Уголок моего рта дернулся в мрачной ухмылке.

Спустя мгновение я продолжил со сдержанным интересом вспоминать то небольшое, что узнал о Фрейе. Я хотел разгадать ее. Поэтому намеренно ввязался во все это, будучи готовым к любым последствиям. Но я достаточно понаблюдал за борьбой девчонки, чтобы понять – этот огонь не должен был потухнуть сейчас. После всего ее жизнь не могла закончиться так – в плену у Кезро, которым она поклялась отомстить. В рабстве, сломившем бы ее наверняка. Я ничего не должен был ей. Но знал, что, если пройду мимо, буду вечно должен самому себе.

Глубоко погружившись в размышления, я не сразу заметил, что провожатый остановился.

Сердце пропустило удар, когда я поднял глаза и увидел свернувшуюся клубочком девушку, руки которой были привязаны к колу. Стоило мне рассмотреть ее белое, покрытое ссадинами, кровоподтеками и бисеринками пота лицо, бегающие под закрытыми веками глаза и сухие, потрескавшиеся губы, как дыхание вдруг сбилось, а взгляд заполонила красная пелена ярости. Какого демона они решили, что имеют право так обращаться с людьми?

– Вы что с ней сделали? – угрожающе спросил я.

Кезро безразлично пожал плечами и воинственно сложил руки на груди. Он нахмурил брови, тщательно подбирая слова, прежде чем ответить с сильным акцентом:

– Девка заслуживала большего. За оскорбление нашего вождя ее надо бы отхлестать посильней да бросить потом воинам на забаву.

Мне потребовалось приложить немало усилий, чтобы сдержать порыв захватить кулаком в его противную физиономию.

– Я плачу так много за полуживую рабыню? – притворился я недовольным покупателем, хотя злость в моем голосе была настоящей.

Кезро насмешливо оглядел дрожащее тело.

– Ты сам захотел эту дрянь. – Он потянулся было к узлам на окровавленных запястьях девчонки, но я, не отдавая отчета своим действиям, метнулся вперед и твердо сказал:

– Я все сделаю сам. Она теперь моя. – Когда последнее слово сорвалось с моих уст, я мысленно поморщился.

Кезро окинул меня презрительным взглядом и, хмыкнув, ушел прочь.

Я не стал терять времени даром. Присел около девушки, тихо поскуливающей в болезненном сне, и осторожно коснулся лица, чтобы определить, насколько сильна была лихорадка. Ее трясло, искусанные губы совсем потеряли цвет, а кожа полыхала жаром.

Стиснув челюсти, я пробежался пальцами по ее оголенному телу, оценивая повреждения, но самые серьезные раны были на спине, к которой безжалостно прилипла ткань моего плаща. Наконец я с опаской опустил взгляд на ее ноги и бедра. Штаны были порваны во многих местах, ткань истончилась, но я не заметил на них крови. *«Значит, не тронули»*. С облегчением выдохнув, запахнул полы плаща на груди девчонки и начал осторожно срезать путы на ее запястьях.

Кинжал, надежно спрятанный в сапоге, справился бы с этой задачей куда быстрее, но я не стал раскрывать его местоположение на случай, если рядом находилась пара любопытных глаз. И воспользовался простым клинком, всегда висевшим на поясе.

Обагранные веревки с тихим шелестом упали на землю. Внезапно Фрейя вяло, едва ощутимо ударила рукой по моей ноге и что-то промычала под нос. Я покачал головой и улыбнулся. Она даже без сознания показывала свой характер.

– Что мне с тобой делать? – пробормотал я и медленно поднял ее с земли.

Она жалобно захныкала, но стоило ей прижаться головой к моей груди, тут же замолчала и спрятала избитое лицо в складке рубахи под мышкой. Отчего-то эта резкая перемена отозвалась у меня в груди странным, мимолетным приступом нежности.

Она сейчас казалась такой уязвимой, хотя еще вчера кусалась и бросалась на каждого, кто осмеливался к ней подойти; угрожала вождю самого безжалостного из всех существующих кланов и кидалась под стрелы.

– Ты поправишься, обещаю, – тихо сказал я. Вот только не понимал, кого из нас двоих пытаюсь убедить в этом.

Добравшись до небольшой хижины, выделенной нам с Фабианом, я громко постучал в дверь ногой.

Внутри раздался грохот. Я будто своими глазами увидел, как Фабиан спросонья подлетает в кровати и кубарем скатывается на пол, утягивая за собой пустые миски, оставшиеся с вечера.

– О, Ник, это... – выдохнул появившийся в проеме друг, опуская спрятанный за спиной кинжал. Его глаза внезапно расширились, когда он, не договорив, уставился на девушку в моих руках.

– Долго будешь пялиться? Дай пройти, – недовольно сказал я.

Когда он посторонился, я быстро прошел к своей койке и бережно опустил Фрейю животом вниз.

– Не хочешь ничего объяснить? – обрел дар речи Фабиан. Его голос был полон возмущения.

– Закрой дверь и отвернись, – приказал я, проигнорировав его вопрос.

За спиной раздалось злобное сопение, но дверь громко захлопнулась. Вторую часть приказа он исполнять не спешил.

– Я жду, Фабиан, и уже начинаю терять терпение.

– Да что ты? – насмешливо протянул друг. – Почему я должен отворачиваться?

– Потому что девчонку нужно раздеть.

– Думаешь, я не видел голых женщин? – Фабиан приподнял бровь и тут же вспыхнул: – Какого демона, Ник? Что она здесь делает?

– Ты уже большой мальчик, сам делай выводы, – бросил я и направился к висевшему над горящим очагом котелку с теплой водой, чтобы смочить ткань плаща.

– Ты выкрал ее?

– Я ее купил.

– Купил? За сколько?

Услышав мой ответ, Фабиан застыл с открытым ртом, а затем громко и обреченно застонал.

Глава 5

Фрейя

В голове было пусто.

Я словно продиралась через что-то вязкое, но все никак не могла выбраться. Чьи-то споры долетали до ушей, но слов разобрать не получалось. Краем сознания я отметила, что моего лица коснулась теплая ладонь, скользнула дальше и, едва задевая, прошла по всему телу. Внезапно все перевернулось, и я взлетела. Сильные руки бережно сжимали меня, я слышала учащенное биение чужого сердца и неразборчивое бормотание, пыталась вымолвить хоть слово, но снова отключилась.

– Ты с ума сошел? Одумайся! – смутно доносилось до меня чье-то рычание. – Что ты собираешься с ней делать? Аян придушит тебя, узнав, что ты решил взять эту девчонку с собой. Да еще и за такую цену! Это безумие, Николас!

– Закрой рот и подай тряпку, Фабиан.

Обладатель первого голоса что-то злобно проворчал в ответ, и я услышала звук сливающейся воды. Затем к моему лбу приложили холодную мокрую ткань.

Я лежала на животе на чем-то теплом. Мягком. Лицо было зарыто в густой мех. Я втянула носом воздух, до боли желая ощутить родной волчий дух, но различила лишь солоноватый запах крови и пепла.

Я медленно разлепила тяжелые, опухшие веки, но все вокруг было мутным и нечетким. Зажмурившись, попробовала снова. И вздрогнула, когда передо мной появилось недовольное лицо мужчины со сбритыми по бокам черными волосами.

– Демон тебя раздери! – прищурившись, воскликнул он. – Ник, она очнулась.

Внезапно почувствовав прилив сил, я отшатнулась и резко села. Ткань, прикрывавшая грудь, соскользнула вниз, и я схватила ее, лихорадочно прижимая к себе. От резкого движения спина и плечо отозвались знакомой болью, а голова закружилась так, что молодых мужчин, сидящих передо мной, стало вдвое больше.

Николас надавил на мое здоровое плечо.

– Спокойно, тебе нельзя вставать.

Я мгновение тарасилась на него, а затем окинула взглядом комнату. Все здесь казалось мне чужим. И не только потому, что впервые оказалась в этом месте.

Я рассматривала очертания предметов, и их названия медленно, будто нехотя всплывали у меня в памяти. Видимо, пытаюсь похоронить воспоминания о том страшном дне, я отдалилась

от мира людей сильнее, чем могла представить. Оставила его где-то позади. Как и ту версию себя, какой я была в прошлом.

Сейчас же мне хотелось вырваться на волю, к волкам – подальше от окружавших меня деревянных стен. Я ощущала то, что, должно быть, чувствовали дикие животные, которых ловили и запикивали в клетки, а они ломали зубы о железные прутья в попытке вырваться на свободу.

Хижина была небольшой. Около кровати стоял небольшой столик с двумя деревянными мисками, от которых поднимался горячий пар и такой умопомрачительный запах, что мой желудок тут же откликнулся громким урчанием. На полу валялся плащ Николаса, пропитавшийся моей кровью и разрезанный в нескольких местах. У противоположной стены располагалась еще одна кушетка и сундук с откинутой крышкой, на дне которого поблескивало оружие. Доспехи были свалены на стул, а рядом – два огромных лука и колчаны со стрелами. В другом конце хижины колыхалось в очаге пламя, освещающая комнату и посылая уже забытое тепло. При виде огня я поежилась и поспешно отвернулась.

– Где я? – хрипло спросила я, совершенно не понимая, как здесь оказалась.

– Фрейя, тебе нужно прилечь. Твои раны в плохом состоянии.

Я вздрогнула от звука собственного имени. Его так долго никто не произносил, что было очень странно и непривычно услышать снова.

– Где я? – настойчиво повторила я, но тут же с вымученным стоном согнулась пополам, когда по спине вдруг прокатилась новая волна боли.

– Ложись обратно. – Николас осторожно опустил меня на меха, и я послушалась, не в силах сопротивляться. – Мы все еще в деревне Кезро. Здесь только мы с Фабианом. Тебя никто не тронет, не бойся. Но мне надо разобраться с твоими ранами, поэтому постарайся не двигаться.

Не успев ничего сказать, я почувствовала, как холодная мокрая ткань прошлась по плечу, и громко зашипела. Повязку сняли, и кровотечение усилилось. Николас взял новую тряпку и сильно, но с осторожностью прижал к воспаленной коже. Я выгнулась с болезненным рычанием и попыталась отползти от него, но он схватил меня за предплечье и сурово скомандовал:

– Терпи, я только начал промывать.

Я дернулась от его прикосновения. Он быстро отнял руку, вздохнул и сел так, чтобы я его видела.

– Ты понимаешь, что я должен сделать? – Туман перед глазами то рассеивался, то вновь заволакивал обзор. Я непонимающе уставилась на него. – С ранами. Ты знаешь, что сейчас будет?

Я медленно кивнула, пытаясь сосредоточить взгляд.

– Нужно зашить.

– Да, – ответил он с непроницаемым выражением лица. – Но сперва надо прижечь. Рана слишком глубокая, плечо воспалено. Если я этого не сделаю...

Я отшатнулась прежде, чем он успел договорить. Сердце бешено заколотилось в груди. Я судорожно замотала головой и попыталась отодвинуться еще дальше, но уперлась в стену.

– Нет, пожалуйста. Не надо! – Я перевела взгляд на другой конец комнаты, на пламя в очаге, чувствуя, как из глаз вырвались слезы.

Николас потянулся было ко мне, но я зарычала, обнажая клыки.

– Нет!

Однако я видела один лишь огонь. *Пожар, крики сгорающих заживо людей и животных. Запах жженой плоти. Смерть. Смерть. Смерть.* Воспоминания были настолько яркими, что я забыла о мужчинах в комнате и снова перенеслась в тот жуткий вечер. Тело начали сотрясать всхлипы. Щеки избородили влажные дорожки.

Тут чьи-то ладони обхватили мое лицо и стерли капли.

– Посмотри на меня, Фрейя, – поставленным, явно привыкшим командовать голосом потребовал Ник.

Я оторвалась от огня и беспомощно взглянула на него. Но уже через мгновение попыталась отвернуться снова.

– На меня, – строго повторил он.

Наши глаза встретились, и, пока я пыталась выровнять дыхание, мы смотрели друг на друга.

– Не могу. Только не огонь. Пожалуйста, не нужно. Прошу, – беспорядочно шептала я, чувствуя себя отвратительно уязвимой.

– Если я не сделаю этого, ты умрешь, – тихо сказал он. – Будет больно, да, но без этого никак. Я постараюсь управиться быстро. Фабиан подержит тебя, чтобы ты не навредила себе.

– Нет.

Николас раздраженно дернул подбородком, открыл было рот, чтобы ответить, но я перебила его:

– Не нужно держать, – выдавила я. – Я справлюсь.

Он с задумчивым недоверием изучал мое лицо.

– Уверена?

Я быстро кивнула, прикладывая дрожащую руку к груди, где в сумасшедшем ритме билось сердце, и опасно покосилась на второго мужчину.

Не отрывая от меня взгляда, Ник приказал:

– Фаб, выйди.

Тень благодарности пробилась сквозь ужас, когда черноволосый воин безропотно открыл дверь. Прежде чем выйти на улицу, он обернулся и, к моему удивлению, искренне пожелал удачи.

Дверь захлопнулась, и мы остались одни.

Мне отчаянно хотелось потянуть время, но Ник не стал медлить.

– Ложись.

Он отошел, и я в оцепенении вытянулась на кровати. От волнения на меня накатила тошнота, руки стали ледяными, а мышцы напряглись до предела.

Вскоре Николас вернулся и протянул мне кружку с отваром.

– Выпей. Это притупит боль. – После того как я послушно проглотила горькую жижу, он достал нож и передал мне рукоятью вперед. – Зажми зубами.

Ник подошел к огню и некоторое время стоял на месте. Я тоже не двигалась, пытаюсь подготовиться к грядущему и совладать со страхом, который уже много раз показала этому мужчине, хотя поклялась этого не делать.

– Готова? – ровным тоном спросил он с другого конца комнаты.

Я кивнула. Помотала головой. Снова кивнула. Отрешенно подумала о том, что он, вероятно, ждет ответа, но Николас просто наблюдал за мной. Я услышала смешок, и почему-то от этого обстановка стала чуть менее угнетающей.

Он вернулся к кровати. Я судорожно вцепилась здоровой рукой в мех. Краем глаза заметила свечение раскаленного клинка, отчего страх накатил с новой силой.

– Постарайся немного расслабиться. Так будет легче.

Николас оперся коленом о кушетку, склонившись надо мной, и убрал со спины влажные от пота волосы. Положил руку на плечо, чтобы удерживать меня на месте, стараясь не задеть поврежденную кожу. Я почувствовала жар прямо у раны и сильно закусила рукоять ножа.

– На счет три, хорошо? – Я кивнула, и он начал быстро считать: – Один. Два.

Я готовилась услышать «три», но тут он резко приложил пламя к коже.

Из меня вырвался нечеловеческий вопль, когда плечо пронзила чудовищная боль. Спина выгнулась дугой, костяшки пальцев побелели от того, насколько сильно я сжала покрывало, а в нос ударил жуткий запах паленой плоти.

Я хрипло кричала сквозь зубы, пока Николас держал клинок, прикладывая его ко всем участкам раны. Боль от ударов кнута, от стрелы, попавшей в тело, казалась ничем по сравнению с этой. Я мечтала потерять сознание, как прежде, но этого не происходило. Темнота подступала и снова рассеивалась, будто издеваясь надо мной.

– Осталось немного, потерпи, – едва разобрала я тихие, полные сочувствия слова Ника.

Мгновение, два, и все закончилось. Я не сразу поняла это, потому что ожог продолжал пульсировать. Я выплюнула нож, который со звоном упал на пол, и зарылась лицом в мех, дрожа всем телом и приглушенно всхлипывая.

Николас охладил края раны мокрой тряпкой, второй рукой поглаживая мою сотрясающуюся от боли спину.

– Умница, – мягко проговорил он. – Все закончилось. Больше не трогаю. – И слегка обескураженно добавил: – Если честно, я рассчитывал, что ты отключишься.

Мы просидели так еще немного. А после я уже мало что помнила. Кажется, он вновь заставил меня выпить какие-то снадобья, прежде чем начать зашивать. К тому времени у меня не осталось сил даже вздрагивать, когда игла входила в истерзанную плоть, а нити стягивали края раны. Николас что-то говорил, видимо, пытаясь отвлечь меня, но слова превратились в неразборчивый гул.

Я даже не поняла, когда в очередной раз потеряла сознание.

Глава 6 Фрейя

Я очнулась от того, что кто-то тормозил меня за руку. Уже знакомая тягучая тьма принялась нехотя размыкать объятия, но я упорно не хотела просыпаться и снова чувствовать боль, поэтому предостерегающе зарычала и отвернулась.

Кто-то захихикал.

– Ты лишился инстинкта самосохранения, Ник?

Услышав незнакомый голос, я распахнула глаза и увидела рассерженного Николаса, который испепелял взглядом двух мужчин, заглядывающих в дверь. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы признать в них близнецов. На руке одного из них, как и в прошлый раз, величественно восседал сокол в свете закатного солнца. Казалось, совсем недавно наступило утро, но вот снова близился вечер, а я все это время провела в бреду.

Заметив, что я очнулась, близнецы выпучили глаза и начали выразительно показывать ими на меня.

– Проснулась, – хмуро бросил Ник и тут же поднялся на ноги. – Я бы дал тебе больше времени, но нам пора выдвигаться.

Я медленно села, снова привыкая к боли. Во рту было сухо, горло неприятно саднило после криков, а плечо горело огнем. Я инстинктивно прикрылась руками, но поняла, что была одета в мужскую рубашу, под которой чувствовались свежие повязки.

Я незаметно втянула носом воздух, уловив отчетливый запах Николаса. Мне легко удавалось отличать его от остальных: к привычным для мужчин нотам мускуса и пота примешивался особый и до боли родной аромат леса.

Сердце защемило, и я попыталась отвлечься на что-нибудь другое. Кровь прилила к лицу при мысли, что он переодевал меня. Опустив взгляд, я с удивлением отметила, что мои босые ноги тоже были плотно обмотаны бинтами, которые, судя по всему, должны на некоторое время заменить мне обувь.

Однако больше всего меня сейчас волновало другое.

– Выдвигаться? – настороженно переспросила я.

Мне никто не ответил.

Николас будто и вовсе не слышал меня. Он копошился в сундуке, который был свободнее, чем в последний раз, когда я его видела.

– Что это значит? – Мой голос стал жестким и настойчивым. Но и тогда я осталась проигнорирована. – Говори!

Он наконец-то соизволил повернуться ко мне. Только тогда я заметила, что рядом с ним на полу лежит большой походный мешок. Николас был облачен в начищенные кожаные доспехи, а на поясе висел целый арсенал оружия, включая топор, с которым он был в лесу. Из-за спины выглядывал лук и колчан со стрелами.

Он был полностью собран.

– Мы возвращаемся домой, и ты едешь с нами. Так что ешь быстрее. Мы должны были выехать еще в полдень, – изложил он и пошел тушить огонь в очаге, очевидно, считая, что разговор окончен.

Но он ошибся. Меня вдруг охватила ярость. Я начала осторожно сползать с постели, пытаюсь не двигать плечом, чтобы не разошлись швы. Длинная рубаха Николаса плавно скользнула вниз, к моим укрытым порванными штанами ногам.

– Я никуда не еду.

– У тебя нет выбора, – равнодушно ответил он, даже не посмотрев на меня.

Я прищурилась.

– Что ты хочешь этим сказать?

Николас явно не желал продолжать этот разговор. Он вздохнул и спустя некоторое время все же ответил, не глядя на меня:

– Я купил тебя, Фрейя.

«Ты с ума сошел? Одумайся! Что ты собираешься с ней делать? Аян придушит тебя, узнав, что ты решил взять эту девчонку с собой. Да еще и за такую цену!» – всплыли в памяти слова, которым тогда я не придавала значения.

В комнате воцарилась тишина, а у меня внутри все похолодело. Я замерла, не желая принимать правду. Здоровой рукой нащупала край стола и тяжело оперлась на него.

– *Купил?* Для чего?

Сердце замерло в ожидании ответа.

Близнецы в дверях молча переводили взгляд с меня на Николаса. И снова синхронно.

– Еда на столе, не задерживай нас.

Мне захотелось ударить его.

– Отвечай! – рявкнула я.

Близнецы тревожно переглянулись.

Николас медленно обернулся. Ему явно не понравился мой тон.

– А для чего, по твоему мнению, покупают людей? – тихо, с предостерегающими нотками в голосе спросил он и неспешно окинул взглядом комнату, словно проверяя, не забыл ли чего, а затем снова посмотрел на меня. – В мой дом требуется служанка, чтобы помогать по хозяйству.

– Рабыня, – резко поправила я.

– Мы не держим рабов, – процедил он, теряя терпение. Мягкость, которая теплилась в его взгляде утром, испарилась без следа.

– Это то же самое, – злобно возразила я. – Вот только служанок не покупают!

– Называй, как хочешь.

– Я не стану твоей рабыней!

– Тебя никто не спрашивает, – холодно отрезал Николас.

Я покачала головой. Внутри меня медленно начала разрастаться паника, и я попяtilась к выходу, забыв про стоявших там мужчин. Я впечаталась спиной в одного из них, и раны вспыхнули, а лицо исказилось в гримасе.

– Не делай глупостей, Фрейя. В этот раз сбежать нет смысла. – Он перевел взгляд на близнецов: – Мне надо кое с чем разобраться. Отведете ее к лошади. Но сперва пусть поест, она едва стоит на ногах.

Я мельком взглянула на миски, стоящие на столе. В одной исходила паром щедрая порция густой мясной похлебки, а рядом с ней, во второй миске, виднелась горка терпко пахнущего

лечебного снадобья. Прежде чем отвернуться, я увидела кубок с горячим отваром, хорошо понимая, что совершу огромную глупость, отказавшись от этой полезной пищи, так отчаянно необходимой мне сейчас. Но...

– Не нужны мне твои подачки! – прорычала я в порыве злости и тут же пожалела о своих словах. Я ведь правда не ела двое суток и чувствовала себя ужасно.

– Отлично. Только когда в следующий раз упадешь в обморок, не надейся на мою помощь, – сердито бросил Ник. Он явно пребывал в плохом настроении, которое лишь усугубилось из-за моего неповиновения.

Николас подхватил с пола мешок и прошагал мимо меня к двери. Близнецы расступились, пропуская его, а затем повернулись ко мне. С явным усилием растянули губы в неуверенные улыбки и несмело попробовали поддержать меня под руки, но я шарахнулась в сторону.

Мое состояние оставляло желать лучшего. Лихорадка, хоть и сдерживалась выпитыми утром отварами, продолжала набирать обороты, поэтому тело по-прежнему была крупная дрожь. Еще немного, и от хвори я стану совершенно беззащитной.

Моргнув, я поняла, что устояла на ногах лишь благодаря подоспевшим мужчинам. Один из них воспользовался моей заминкой и осторожно перебросил меня через плечо, крепко сжимая руки.

– Пусти меня!

Я рычала, кричала, бросалась проклятиями, но идущий впереди Ник даже не замедлился. Я понимала, что у меня нет никаких шансов вырваться, что эта битва проиграна. Они увезут меня отсюда, и я никогда не смогу отомстить Кезро за все, что они сделали. К тому же у них осталась дорогая мне вещь – мой кинжал. Все, что сохранилось у меня от отца; единственное живое напоминание о моем клане, матери, брате... Я чувствовала себя совершенно покинутой, не чувствуя его тяжести в руке.

Болтаясь на плече одного из близнецов, я собирала остатки сил, пока перед глазами проносилась земля. Дикарей на поляне собралось немного – видимо, они не спешили провожать отбывающих. Истэка поблизости не наблюдалось. Зато неподалеку от оседланных лошадей стоял вождь. Мои крики привлекли его внимание, и теперь он не отводил от меня презрительного взгляда.

Внутри меня закопошилась жгучая ненависть, и я всеми силами уцепилась за нее. Незаметно взглянула назад. На лес, что был совсем близко.

Еще раз. Я должна была попробовать хотя бы еще один раз.

Дождавшись, когда мужчина, перестав чувствовать сопротивление, расслабитесь, я резко вонзила клыки ему в ключицу.

Он взвыл.

– Проклятье, Ни-и-к. Она укусила меня!

Отмахнувшись от несвоевременно возникшего чувства вины, я ударила его ногой в живот. Он с шипением скинул меня на землю, и я из последних сил бросилась в сторону леса. Один из близнецов что-то прокричал другому, затем позади раздался топот ног, отчего паника вновь охватила меня. Плотнo обвязанные вокруг тела бинты стесняли движение и неприятно терлись о свежие раны.

«Добраться до леса. Нужно просто добраться до леса».

Но когда до полосы деревьев оставались считанные шаги, передо мной внезапно выросла высокая фигура, и я, споткнувшись, с размаху влетела в крепкую грудь. Плечо опалила резкая боль, и из меня вырвался короткий вскрик.

– Совсем потеряла рассудок? – оскалился Николас, притягивая меня к себе за ворот рубахи. – Мне теперь еще и бегать за тобой? – Когда я попыталась слабо оттолкнуть его, он перехватил мои руки и процедил сквозь зубы: – Я не хотел этого делать, Фрейя, но ты не оставляешь мне выбора.

Я почувствовала, как поверх свежих повязок на запястьях снова стягивается веревка. В ужасе открыла рот, но Ник слегка встряхнул меня и наклонился к моему лицу. Я замерла, увидев в его взгляде едва сдерживаемую ярость, и с легкостью ответила тем же.

– Прекрати эту бессмысленную борьбу. Будет только хуже.

Я лишь упрямо мотала головой и сердито смотрела на него в ответ.

– Не хочешь по-хорошему? – На его скулах от гнева заходили желваки. – Ладно, значит, будь по-плохому. Еще одна такая выходка, еще одна попытка сбежать или навредить кому-то, Фрейя, и я не поленюсь отправить лучников прямо к твоим волкам, – отчеканил Ник.

У меня резко перехватило дыхание, и вся решительность мигом улетучилась. Я всматривалась в его лицо, не веря тому, что только что услышала.

– Ты не сделаешь этого, – прошептала я срывающимся голосом.

– Все зависит от тебя, – холодно отозвался он и неспешно отступил назад, нарочито дразнящим жестом указав рукой в сторону леса.

Здесь не о чем было думать. Я не стала бы приносить такую жертву. Но самое ужасное в том, что он прекрасно знал об этом.

Я смотрела в чашу и буквально ощущала, как свобода ускользает из моих рук. Она была так близко. Я медленно опустила взгляд на свои связанные руки, на рабский браслет. Неимоверная слабость охватила меня, а в груди разрасталась пустота. Я устала сражаться.

Я перевела затуманенный взгляд на Николаса.

Видимо, он что-то увидел в моих глазах, потому что по его лицу вдруг промелькнула тень. Но мужчина тут же напустил на себя безучастный вид.

– Хорошо.

Николас подошел ко мне, мельком глянув на веревку на моих запястьях, но в руки ее брать не стал. Лишь отвернулся и направился к поджидавшей нас группе мужчин с оседланными лошадьми.

– Идем.

Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

«*Рабьяня*».

Я то и дело спотыкалась, но больше сбежать не пыталась – недавний выброс сил выжал меня до предела. Николас за всю дорогу ни разу не обернулся, будто демонстрировал свою уверенность в том, что я подчинюсь, показывая свою власть надо мной.

Я понятия не имела, что и думать об этом мужчине. Мне хотелось верить, что, в отличие от других рабынь, попала не в самые плохие руки. Вот только клан Николаса был как-то связан с Кезро, не знавшими милосердия, а значит, они ничем не отличались от этих дикарей. Даже несмотря на то, что он помог мне ранее.

Но с какой целью? Осматривал товар? Оценивал ущерб и пытался оправдать ушедшие на меня траты? Почему обратил внимание именно на меня, когда в этом месте наверняка нашлась бы более смиренная, менее травмированная девушка, которой помощь нужна не меньше, с которой у него не было бы столько проблем? Или ему нравилось покорять? Хотел понаблюдать, как я рвусь на свободу, и медленно ломать меня на кусочки, пока я не сдамся?

Я трянула головой, отбрасывая мрачные мысли, и уставилась вперед.

У едва различимой тропы, уходящей в глубину редкого леса, сгрудилось около десяти нагруженных мешками лошадей со всадниками. Отряд возглавлял отец Николаса. Он восседал

на сером коне и с явным неодобрением смотрел на сына. Рядом с вождем на крупной рыжей кобыле сидел длинноволосый воин с бритыми висками, а по другую сторону застыл высокий бородатый мужчина, которого я мельком видела в шатре. Близнецы смотрели на меня обиженно, а тот, которого я укусила, все еще потирал прокушенное плечо, недоуменно рассматривая мой рот.

При виде Николаса огромный темно-гнедой конь с короткой черной гривой, которого удерживал один из мужчин, начал в нетерпении перебирать ногами и тянуть повод. Ник подошел к нему и, успокаивающе похлопав по его мощной шее, жестом позвал меня.

Проигнорировав недружелюбный взгляд отца, он сделал шаг ко мне, с неожиданной осторожностью обхватил за талию и усадил на спину жеребца. Сам разместился позади и взял в руки поводья. Мои мышцы напряглись до предела, когда я вспомнила, что совсем недавно ехала в том же положении с демоном. Но ощущения были несравнимы. Горячее твердое тело Николаса едва касалось моей спины. Руки были протянуты вдоль моих, а пальцы привычно сжимали повод. Легкое дыхание всколыхнуло мои кудри, и я застыла, привыкая к близости.

Что-то вдруг заставило меня повернуться, и я встретила с горящими глазами Истэка. Я упрямо вздернула подбородок и с ненавистью уставилась на него в ответ, мысленно обещая демону скорую расправу. Он лишь кровожадно ухмыльнулся, будто принял вызов.

– Благодарим вас за гостеприимство. Надеюсь, наш договор будет оставаться в силе еще долго, – сказал отец Николаса, склонив голову.

– Можете в этом не сомневаться. – Вождь Кезро повторил жест почтения, но Истэк с Николасом, как я заметила, проигнорировали правило, прожигая друг друга тяжелыми взглядами.

Нетерпение Николаса выдавали едва заметно сжимавшие и разжимавшие повод кулаки. В попытке концентрироваться на чем угодно, лишь бы отвлечься от боли, я наблюдала за тем, как выступали при этих движениях вены и перекачивались мышцы на его руках. Очевидно, ему не нравилось это место и Кезро, и я искренне недоумевала, что заставило его клан иметь дело с этими чудовищами. Заключать с ними мир и верить в его соблюдение стали бы только глупцы. Эти демоны не умели держать слово. И Ник, судя по всему, придерживался того же мнения.

Наконец, отец Николаса послал лошадь вперед, и всадники заняли свои позиции, настраиваясь на долгую дорогу.

Снова оказаться верхом на лошади было потрясающе, хотя наслаждаться этим в полной мере мне не удавалось. Я вся была напряжена и с нарастающим беспокойством гадала о том, куда меня везут и что собираются заставить делать. О побеге я старалась не думать. Если Николас не врал, жизни волков зависели от каждого моего шага. И у меня больше не было права на ошибку.

На лес стремительно опускалась ночь. Яркая круглая луна серебрила кроны деревьев. Лес наполнился голосами перекликающихся ночных птиц и сверчков, которые смешивались с размеренным поскрипыванием седел. Трава с приятным треском сминалась под тяжелыми копытами нагруженных мешками лошадей.

Шагавшие позади нас воины тихо переговаривались и изредка раздражались хохотом. Я же продолжала сосредоточенно смотреть вперед. Спина давно затекла, и удерживать ее прямо

стоило огромных трудов и терпения. Но до тех пор, пока лихорадка полностью не завладеет телом, я собиралась демонстрировать всю свою настойчивость и упрямство.

К моему облегчению, никто не пытался завести со мной разговор – видимо, считали ниже своего достоинства общаться с рабыней. Николас тоже всю дорогу хранил молчание и лишь изредка перебрасывался скупыми фразами с близнецами, которые говорили со всеми подряд без перерыва.

Я узнала, что одного из братьев звали Дритан, а другого, на чьем плече неизменно покачивался сокол, – Дамен. Время от времени птица бесшумно упархивала в небо, скрываясь в чаще, но всегда возвращалась к хозяину. Иногда с испачканным кровью клювом, так что не оставалось никаких сомнений в том, чем она занималась в своих отлучках.

Николас по-прежнему пытался сохранять некоторое расстояние между нами, но это не помешало мне почувствовать, что он немного расслабился, стоило нам отъехать от лагеря Кезро. Тишину нарушало лишь непрерывное бормотание моего желудка. Однако Николас, верный своему слову, не предлагал мне ничего из еды.

Когда живот особенно громко заурчал, Николас не выдержал. Он тяжело выдохнул, обдав мою шею горячим дыханием, заставив кожу мигом покрыться мурашками, и проворчал что-то неразборчивое. Достал из седельной сумки большое зеленое яблоко и грубовато впихнул его между моими связанными ладонями.

– Никаких отказов, – рыкнул он.

Я неопределенно повела здоровым плечом и откусила огромный кусок. Кисловатый сок растекся по рту, отчего раны на губах неприятно защипали, но я едва ли обратила на это внимание, полностью сосредоточившись на долгожданной пище. Впрочем, это не помешало мне намеренно начать громко чавкать. Я не знала, зачем пытаюсь разозлить сидевшего за мной мужчину, но, к его чести, он спокойно вытерпел мою выходку. Зато остальные одновременно обернулись и прожгли меня раздраженными взглядами, но я притворилась, что не заметила этого. Выбросив огрызок в кусты, я расслышала облегченный вздох Ника и не смогла сдержать злорадной ухмылки.

Мы шли уже довольно долго. Все были уставшими и голодными, но по обрывкам разговоров я поняла, что мы приближались к привалу, где воины собирались провести ночь.

– Зря мы подписались на это, – сказал друг Николаса, неожиданно возникший рядом. – Не доверяю я этим дикарям.

Сражаясь с головокружением и ознобом, постепенно охватывающим тело, я попыталась сосредоточиться на диалоге.

– Я тоже не в восторге, – нехотя сказал Ник. – Нам и не нужно доверять им. Они в любом случае нападут, это лишь вопрос времени. Но так мы хотя бы сможем контролировать их, особенно понаблюдав за жизнью в деревне. – Неприкрытое отвращение проникло в его голос.

Фабиан поерзал в седле, намереваясь добавить что-то еще, но в этот момент позади нас раздалось испуганное ржание лошадей и удивленные возгласы.

Только сейчас я обратила внимание на то, что в лесу стало неестественно тихо. Как случилось лишь при появлении крупного хищника. Хищника, который вышел на охоту.

Я прищурилась, пытаюсь понять, что могло насторожить всадников, но в тених зарослей ничего не было видно. Однако странное ощущение подсказывало мне: что-то должно произойти. И это *что-то* не заставило себя ждать.

Конь Николаса вдруг резко вскинул голову и попятился, из-за чего я откинулась прямо на твердую мужскую грудь.

Вождь клана обернулся:

– В чем дело?

Все разом потянулись к оружию. Николас положил руку на свой огромный топор.

В этот момент я краем глаза заметила движение. Мне не пришлось даже вглядываться. Я сразу почувствовала их, и сердце волнующе заколотилось. Я лихорадочно продумывала свои действия, но прежде, чем успела что-либо предпринять, кто-то выкрикнул:

– Волки!

И все, как один, натянули стрелы.

Глава 7 Фрейя

Поднялась суматоха. Я в ужасе озиралась по сторонам, наблюдая, как мужчины с луками наперевес выстраиваются в шеренгу и уверенно целятся в волков, выходящих из теней.

– Нет! – вскрикнула, в панике оборачиваясь к Николасу. – Ты обещал! Говорил, что не тронешь их, если я перестану сопротивляться!

– Молчи, – процедил он, после чего развернул коня и твердо приказал: – Опустить оружие!

– Но... – начал говорить кто-то.

– Делайте, что велено, – рыкнул Ник.

Воины недоуменно переглянулись друг с другом, но луки опустили и начали настороженно следить за дикими зверьми, придерживая волнующихся лошадей.

– Ты что творишь? – прошипел подъехавший к нам вождь. – Ждешь, когда нападут?

– Они не станут, – спокойно сказал Николас, но я расслышала в его голосе нотки сомнения. Он явно был в замешательстве и не знал, как поступить. – Едем дальше.

Его отец озадаченно взглянул на стаю и, к моему огромному удивлению, подал знак остальным исполнить команду Ника.

Всадники пришпорили лошадей.

Зная, чем это кончится, я потянула за поводья. Хмурый взгляд Николаса не смутил меня.

– Они не уйдут, – умоляюще прошептала я. – Стая последует за вами до самой деревни. Если я не прогоню их, все закончится кровью. – Он бесстрастно смотрел на меня. – Я выполню обещание и... пойду с тобой, только дай мне поговорить с ними. Позволь... попрощаться. – На последнем слове мой голос предательски дрогнул. – Пожалуйста.

Поджав губы, он в раздумьях всматривался в мои глаза. Я не отводила взгляд, несмотря на ярое желание оглянуться на волков. Спустя несколько мгновений внутренней борьбы, которые показались мне вечностью, Николас наконец-то принял решение. Я поняла это по тому, как он прикрыл веки и вздохнул.

Большого мне не требовалось. Я перебросила левую ногу через круп лошади и неуклюже сползла на землю. Сражаясь с нестерпимой болью и дрожью, медленно двинулась к застывшей неподалеку Легенде. Позади послышались растерянные возгласы воинов, но в этот момент для меня существовали лишь сверкающие в темноте родные глаза волчицы.

Она ринулась ко мне, и я рухнула на колени, чтобы принять ее в свои объятия, отчаянно сожалея о связанных руках. Пальцы привычно скользнули в теплый мех, и я придушенно

всхлипнула, зарывшись лицом в шею. Краем глаза заметила, как приближаются остальные волки, и поймала себя на том, что по привычке ищу среди них знакомый черный силуэт.

Сердце тоскливо сжалось. Мои тайные надежды не оправдались. Лидер не маячил за спиной своей спутницы, как делал это всегда. Незримый страж, готовый без усталости оберегать свою пару, навечно покинул свой пост.

– Прости, – прошептала я, глотая слезы. – Я не хотела этого. Мне так жаль. Умоляю, прости меня.

Волчица шумно повела носом, беспокойно заерзала и начала, поскуливая, обнюхивать меня. Ее зрачки расширились от страха и запаха крови.

– Я в порядке. – Она попыталась было пробраться сквозь одежду к ране, но я не позволила. – Со мной все хорошо, слышишь? Сейчас это не важно.

Я отстранилась, чтобы заглянуть в ее бесконечно печальные глаза, и обхватила голову волчицы дрожащими ладонями. Боль в теле была несравнима с той, что поселилась в душе. С тяжестью решения, которое я должна была принять сейчас.

Я медленно очертила пальцами изгибы узкой светлой морды, наслаждаясь мягкостью шерсти и исходящим от кожи теплом. Грустно улыбнулась.

– Я никогда не забуду все, что ты для меня сделала. Видимо, мне не суждено отплатить тебе тем же, как бы мне ни хотелось. Но ты должна защитить их, Легги. Я больше не могу... – С губ сорвался всхлип, но я втянула воздух сквозь стиснутые зубы и продолжила: – Больше не могу быть рядом. Меньшее, что я могу сделать для вас – это уйти. И в этот раз ты не должна следовать за мной.

Слегка прижав уши, волчица спокойно сидела рядом. Она даже не обращала внимания на отряд за моей спиной. Наши глаза были устремлены друг на друга. Душа зверя смотрела в душу человека. Полное единение, нити которого я должна была разорвать.

Я сморгнула слезы и провела пальцем над ее бровью, всем своим существом желая отложить в памяти этот полный волчьей мудрости и преданности взгляд.

– Ты всегда умела слушать, девочка. Я знаю, ты все понимаешь. Поэтому уходи. Уводи их как можно дальше отсюда. Вы заслуживаете спокойной жизни, – прошептала я и коснулась ее живота. – Они заслуживают.

Легенда жалобно заскулила и прижалась ко мне. Я потерлась своей головой об ее и вдохнула такой знакомый запах, зная, что делаю это в последний раз.

Справа хрустнула ветка, и к нам подлетел Лай. С радостными повизгиваниями он раскачивался из стороны в сторону, без остановки виляя хвостом. В отличие от Легенды, молодой волк то и дело бросал настороженные взгляды на мужчин, а лапы подрагивали, готовые в любой момент унести его прочь, под безопасную тень кустарников.

Я улыбнулась и слабо потрепала щенка по голове.

– Я тоже рада тебя видеть, малыш.

Постепенно вокруг меня сгрудилась вся стая. Я наслаждалась прикосновениями к ним, мысленно благодарила каждого за проведенные вместе месяцы, позволяя проносившимся в голове воспоминаниям овладеть реальностью. Я вспомнила, как тряслась от холода, пробираясь по сугробам, пока волки не окружали меня и не делились благословенным теплом и силой. Вспомнила, как в звездные зимние ночи голоса стаи сливались в единый мелодичный вой, а я присоединялась к их песне, ощущая себя частью чего-то удивительного. Настоящего. Дикого. Я вспомнила каждую нашу совместную охоту. Как земля пружинила под ногами, а кровь бурлила от первобытного чувства.

С ними я обрела надежду, ту свободу, что недоступна людям.

С ними я узнала другую себя.

Но я знала, что сколько бы ни растягивала этот момент, он не мог длиться вечно. Вечность была роскошью, которой никто никогда не завладеет. Однажды всему приходит конец. Я хорошо усвоила этот урок. Мне надо отпустить их. Наше время вышло.

– Береги ее, Лай, – нежно прошептала я темному волку, который смотрел на меня так искренне, как не способен смотреть человек. Для всех остальных они были демонами. Но в моей памяти лица истинных чудовищ выглядели иначе.

Я в последний раз оглядела каждого члена своей семьи и глубоко вдохнула, готовясь к неизбежному.

– Уходите, – твердо сказала я. Они должны были слышать, с каким громким треском разбивается мое сердце.

Уязвимость и непонимание отразились в глазах волков.

Я встала, слегка пошатнувшись, но смогла удержаться на ногах. Я пыталась быть сильной перед ними. И мысленно просила их найти эту силу в себе.

Стая растерянно попятилась. Одна лишь Легенда упрямо стояла на месте.

– Уходите! – Я повысила голос и взмахнула связанными руками в сторону леса, вынуждая себя смотреть им прямо в глаза. В горле встал ком, но я проглотила очередной всхлип.

Волки неуверенно отбежали дальше. Они колебались, и это разрывало меня на части. В боли, отразившейся в глазах Легенды, можно было утонуть, когда она сделала шаг назад.

– Иди же! – Из моей груди вырвался отчаянный, рычащий крик, и волчица отпрянула. Приглушенно заскулив, она сгорбилась и понуро потрусилась за остальными.

Я смотрела ей вслед, пока белесая фигура не превратилась в едва различимый силуэт со стертým контуром. Она напоследок обернулась и встретилась со мной взглядом. Ее развевающая светлая шерсть сияла в свете луны.

– Прощай, – и ветер унес мой сдавленный шепот.

Мгновение, и волки растворились в ночи.

Я рухнула на колени и невидяще уставилась перед собой. Отчаянный стон прорезал тишину, и я, не сдерживаясь, выпустила боль. В этом яростном крике смешалась вся ненависть к судьбе и весь груз потерь.

Тут еще недавно чистое черное небо заволочло тучами. Полил мелкий дождь, смывая слезы, беспрестанно текущие по моему лицу. Будто Боги оплакивали потерю вместе со мной. Но я больше не верила им, не верила в них.

Я заглянула внутрь себя и не увидела ничего, кроме пугающей пустоты. Сил бороться не осталось.

Внезапно перед глазами возник нечеткий образ матери.

«Ты должна, Фрейя».

«Не могу».

Родное лицо исчезло так же быстро, как появилось, и злость овладела мною. Ее смерть была несправедливой. Вся жизнь была несправедлива.

Мне на плечо опустилась теплая ладонь, но я сбросила ее и медленно поднялась на нетвердые ноги. Не сказав ни слова, развернулась и побрела к всадникам.

Николас двинулся следом.

Я споткнулась не менее дюжины раз, прежде чем наконец добралась до коня, и самостоятельно вскарабкалась в седло, приветствуя волны боли, что расходились по спине. Ник легко залез следом, но перед тем, как прищипорить лошадь, достал из мешка меховую накидку и укрыл меня.

Члены отряда молча наблюдали за нами с шокированным выражением лица. Во взгляде вождя неприязнь уступила место интересу. Близнецы и Фабиан смотрели с благоговением и легким страхом, но когда я злобно повернулась к ним, то они одновременно отвернулись.

Я вновь перевела взгляд на чашу, в которой скрылись волки, и гнев утих, сменившись горечью. Я не знала, что ждет впереди меня, но *они*, по крайней мере, будут в безопасности. Казалось, что и моя душа ушла вместе с ними.

Я больше не чувствовала себя живой. Как и в ту ночь, когда думала, что лишилась всего. Вот только волки тогда указали мне на искру, теплившуюся внутри, и разожгли яркий свет. А сейчас я стремительно опускалась на темное дно, и напоминанием этого служило намертво сомкнувшееся вокруг предплечья холодное железо рабского браслета.

Часть оставшегося пути прошла в тишине, которая нарушалась лишь хлюпаньем грязи под копытами лошадей и тихой песней дождя. Вскоре он прекратился, и мокрые раздраженные всадники с облегчением перевели дух.

Воздух пах сыростью. Туман стелился по земле, окутывая ноги животных сказочным свечением от пробивающихся между облаков лунных лучей. Сгорбившись, я с закрытыми глазами раскачивалась в седле, изредка поддерживаемая сильными руками Ника. Исходящий от него жар и увесистая меховая накидка дарили тепло, хотя внутри зиял пугающий холод. Мужчина держался гораздо ближе, чем в начале пути, а толщина накидки сокращала и то небольшое расстояние, которое образовалось, неприятно задевая раны при трении. Стоило только приоткрыть веки, как мир начинал вращаться. Когда мое тело завалилось вбок в очередной раз, над ухом раздалось тихое «Облокотись на меня».

И я откинулась назад. Сопротивляться не было сил. Николас немного поерзал, устраиваясь поудобнее, и моя голова оказалась на его широком плече. Сквозь мутную пелену я увидела суровое лицо с устремленным вперед нахмуренным взглядом. Выбившиеся из пучка на голове мокрые локоны липли к его вискам. Я отрешенно наблюдала за тем, как упавшая с волос капля медленно скатилась по скуле мужчины и спустилась вниз, до подбородка, а затем исчезла во тьме вслед за остальными. Почувствовав, что я смотрю на него, Николас покосился на меня и нахмурился еще сильнее. Я устало вздохнула и вновь прикрыла глаза.

– Привал! – громко объявил вождь.

Всадники спешили и повели лошадей к журчащему неподалеку ручью. До нас долетало их недовольное ворчание, когда животные поскальзывались на мокрой почве, утягивая за собой мужчин.

Находясь в каком-то полубессознательном состоянии, я зябко поежилась, когда спине вдруг стало холодно, и тут же зашлась кашлем. Чьи-то руки подхватили меня за талию и сняли с лошади, заставив застонать от прокатившейся по спине боли.

– Отведи коня к воде, – бросил кому-то Николас, затем подхватил меня и усадил на ствол упавшего неподалеку дерева. Я тут же встала и сделала нетвердый шаг в сторону. – В чем дело? – строго спросил он.

– Мне надо, – многозначительно ответила я, слегка покачиваясь.

Он неуверенно взглянул на меня, явно сомневаясь в моей способности разобраться со всем самостоятельно, но нехотя уступил.

– Попробуешь сбежать... – добавил он угрожающе.

– Знаю, – буркнула я и направилась было к кустам, однако меня снова остановили.

Во тьме сверкнуло лезвие. Я не успела даже отпрянуть, как веревки с моих кистей безвольно упали на землю.

– На этот раз без глупостей, – мрачно добавил Николас и отошел к сброшенным в кучу седельным сумкам.

Двигать руками оказалось тяжело. Каждое движение сопровождалось ноющей болью, а из-за головокружения я несколько раз едва удержалась от падения.

Прежде чем вернуться обратно в лагерь, я долго всматривалась в сторону леса, прислушиваясь к раздававшейся позади возне мужчин, что готовились к ночи.

Мысли о побеге больше не искушали меня. Я вяло спорила сама с собой, убеждая, что, раз однажды выжила в лесу с лихорадкой, смогу справиться снова. Пусть даже с такими страшными ранами и целым отрядом на хвосте. Но я даже не стала пытаться, ощущая смертельную усталость от одних только раздумий. Мне не оставалось ничего другого, кроме как развернуться и побрести напрямик в неизвестность. К людям, которых я воспринимала как врагов.

Мощная фигура Николаса выделялась среди алого света от костров, пока он в нетерпении мерил поляну шагами. Заметив меня, он остановился и скрестил на груди руки.

– Почему так долго?

Я проигнорировала его вопрос. Вышла из теней и обвела взглядом значительно изменившееся место привала. Поляна, еще недавно тихая и освещенная одним лишь серебристым светом луны, превратилась в небольшой лагерь. На меня обрушилась непрошенная волна тоски. Как быстро человек способен разрушить безмятежность природы, привнеся с собой хаос и опустошение.

Николас расстелил на влажной земле меховое одеяло, явно рассчитанное на одного человека. Рядом был разожжен небольшой костер, над которым висели куски сырой крольчатины.

Я недоуменно моргнула, задаваясь вопросом, где они достали сухой хворост и когда успели обзавестись добычей, но тут мое внимание привлек витавший в воздухе приторный запах. Я пригляделась и увидела у огня несколько деревянных емкостей, наполненных толчеными целебными травами. Мысль о грядущем лечении заставила меня поморщиться.

Остальные мужчины расположились вокруг большого костра в нескольких метрах от нас и оживленно переговаривались, держа над пламенем палки с нанизанным на них мясом. Ответ нашелся сразу, как только я заметила взъерошенного сокола, который лакомился остатками пойманных для людей тушек.

– Садись.

Николас наконец-то перестал прожигать меня недовольным взглядом, после чего подошел к огню и добавил во флягу какое-то снадобье. Я посмотрела на указанную лежанку, на мужчин в отдалении, и внезапно ощутила, как сердце сжимается от страха. Но мое тело молило об отдыхе, и я осторожно опустилась на меха, как можно дальше от огня, настороженно следя за Ником. Он закончил с приготовлениями и целенаправленно двинулся ко мне. Но стоило ему присесть передо мной, я резко отпрянула и обхватила руками колени, желая хоть как-то отгородиться.

Николас несколько мгновений вопросительно смотрел на меня, пока в его взгляде не отразилось понимание.

– Не стоит бояться. Я не трону тебя. – Он заглянул мне в глаза и уверенно добавил: – Я не Истэк.

Но его слова лишь поселили в моей душе новые подозрения.

– Тогда зачем я тебе?

– Я уже говорил, – нахмурился Николас.

– Кажется, я тоже, – сердито парировала я. – Я не стану тебе прислуживать!

– Значит, тебя привлекает иной род занятий? – В его раздраженном голосе прозвучала издевка.

От этого намека я разом побледнела и замолчала, не желая знать, к чему приведут слова.

Николас, казалось, тут же осознал свою ошибку и с тяжелым вздохом сжал переносицу. Потянулся к миске с мясом и передал ее мне вместе с флягой.

– Ешь, я пока обработаю раны.

Несмотря на голод, я почувствовала тошноту, как только посмотрела на еду, и скривилась.

В глазах Николааса мелькнул по-настоящему опасный огонек.

– Хочешь умереть от лихорадки? Не будешь есть, потеряешь все шансы на выживание. Выполняй.

Я полоснула по нему гневным взглядом, но флягу приняла. Принюхалась и тут же поморщилась, по-волчьи шмыгнув носом. Когда встретила с горящим взором Николааса, все сомнения отпали, и я сделала глоток. Видимо, на моем лице отразилось отвращение, потому что он вдруг опустил голову, старательно скрывая улыбку. Я представила, как выплескиваю содержимое фляжки ему в лицо, после чего отпила еще немного, передернувшись от мерзкого вкуса.

– Повернись спиной.

Я повиновалась и, борясь с дурнотой от ужасного варева, постаралась запихнуть в себя кусочек мяса. Я напряглась всем телом, когда Николаас осторожно, чтобы не задеть раны, стянул с меня накидку. Нетрудно было догадаться, что последует дальше, но передо мной вдруг возникла тень.

– Вот, прикройся. Подозреваю, так тебе будет спокойней.

Краска смущения тронула мои щеки. Я кивнула и прикрыла мехом переднюю часть тела. *«Хотя чего он там не видел».*

Вопреки моим опасениям, он не стал снимать с меня рубашку. Лишь высоко задрал ее, открывая бинты. Они почти полностью облепляли мое тело и были настолько мастерски затянуты, что даже не ослабли за время поездки.

Напряженная до кончиков волос, я в волнении кусала губы, пока Ник размазывал повязки. Он явно знал, что делал, так ловко орудуя руками, что ни разу не коснулся моей кожи. В местах повреждений ткань ожидаемо прилипла к ранам, и Николаасу пришлось отдирать ее, кое-где смачивая водой. О еде я совершенно забыла, небрежно отставив миски в сторону и сосредоточившись на ощущениях.

За спиной повисло угрюмое молчание.

– Ну? – не выдержала я.

– Приятного мало, – признался он.

– Вот уж точно... – пробурчала я, наблюдая, как он что-то ищет в сумке, и изо всех сил стараясь держать глаза открытыми. Горечь напитка немного взбудрила меня, но его действие уже ослабевало и приглашало погрузиться в долгожданный сон.

Мозолистые пальцы мягкими касаниями пробегаются по моей холодной коже, но несмотря на боль от промывания ран, я начала расслабляться. Хотя изнутри все же вырвалось шипение, когда Ник принялся втирать лечебную мазь. Она жутко жгла и щипала. Каково было мое изумление, когда Николаас слегка пригнулся и подул на воспаленную кожу.

Я молчала. Ровно до того момента, когда он перешел к плечу. Стоило мокрой ткани коснуться раны, я приглушенно вскрикнула и подскочила на месте, а затем рассерженно обернулась.

– А чего ты ожидала после того, как вырвалась из рук близнецов и словно умалишенная помчалась в лес? – недовольно спросил Николаас в ответ на мой свирепый взгляд. – Несколько швов придется наложить заново.

Внутри всколыхнулась жгучая волна. Эмоции, так старательно сдерживаемые внутри, рвались наружу. Но здесь никого не интересовали мои чувства, никому не было дела до моей боли, и мне приходилось справляться со всем в одиночку.

Я так отчаянно скучала по жизни, когда ничего из этого еще не произошло. По временам, когда все казалось таким безмятежным, а о разбоях Кезро наш клан знал лишь понаслышке и не задумывался об этой угрозе всерьез. Мы жестоко поплатились за это. Никогда не стоило терять бдительности, ведь последствия оказались необратимы. И это один из самых чудовищных уроков, какой я только могла усвоить.

Казалось, Боги злобно подшутили надо мной, когда сохранили жизнь лишь мне одной. Я искала справедливость и не находила ее. Лелеяла мечты о мести, но что могла сделать обычная девчонка-беглянка против могущественных демонов – воплощений самой смерти?

Это была игра, беспощадная и жестокая, где все искали свое предназначение, уверялись в собственной неуязвимости и думали, что беды коснутся любого, но не его. Однако законы этого мира были построены по-другому. Наше существование – не что иное, как выживание, и битва эта бесконечна, а самое страшное в ней – борьба с самим собой. Потому что победитель и есть проигравший.

Николас работал быстро и осторожно, так, будто проделывал это уже тысячи раз. Хотя боль все равно была настолько сильной, что стоны невольно слетали с моих губ, а в уголках глаз собирались слезы. Когда он сделал последний стежок, я тихо задала вопрос, чтобы сдержать постепенно угасающее сознание.

– Ты целитель?

Он коротко усмехнулся и потянулся за мазью.

– Нет.

Я повернула голову, как бы намекая, что жду пояснений.

Ник едва слышно вздохнул и удовлетворил мое любопытство:

– Мои бабка и мать целительницы. Как ни крути, чему-то да научишься, всю жизнь наблюдая за их работой.

– Моя мама... – начала я и тут же осеклась, осознав, что делаю: разговариваю с мужчиной, который купил меня точно вещь, будто мы были давними знакомыми. Я только что чуть не перешла особую черту, едва не приоткрыла дверь в свое прошлое, не доверила ему самое сокровенное.

Атмосфера разом накалилась, и мы оба это почувствовали.

Николас не стал задавать вопросов и молча продолжил обрабатывать раны. Закончив, он плотно обмотал спину свежими повязками, после чего попросил развернуться, чтобы заняться другими повреждениями. Я напряженно смотрела в землю, погрузившись в мрачные мысли. Когда Ник потянулся к моим забинтованным кистям, я отдернула руки.

– С этим я могу справиться сама.

Он чуть наклонил голову и попытался поймать мой взгляд.

– Фрейя, не знаю, что ты себе надумала, но я просто пытаюсь помочь. Перестань противиться.

Я вскинула пылающий взор и дрожащим от ярости голосом ответила:

– Разве? Слишком много внимания к обычной рабыне.

Его лицо мгновенно окаменело, а в светлых глазах разразилось пламя.

– Не я надел на тебя браслет.

– Но ты купил меня, живо воспользовавшись моим новым положением!

– А ты предпочла бы остаться там и повторить участь своей матери? – оскалился он. – Представляешь, что они бы с тобой сделали? Не купи я тебя, Истэк пустил бы тебя по кругу, а наигравшись, продал бы первому попавшемуся извращенцу, который заплатит побольше.

Я вздрогнула при упоминании матери, но не позволила его словам проникнуть глубоко.

– Ты выступаешь себя спасителем, но чем ты лучше их? Откуда мне знать, что ты собираешься со мной сделать?

Николас злобно прищурился.

– По-моему, я неоднократно давал понять, чего жду от тебя.

– Неужели ты думаешь, что я правда поверю твоим словам? Ради чего? Почему я? – задала я наконец вопрос, который терзал меня столь долгое время. – Если тебе так срочно понадобилась служанка, почему ты не выбрал любую другую, которой не нужно связывать руки, чтобы та ненароком не прирезала кого-то из твоих воинов? Тратить сбережения и время на врачевание ран, из-за которых мне все равно не удастся работать в полную силу? Ради чего все это?

– У меня нет ответов на твои вопросы, ясно? И я не обязан перед тобой отчитываться, – почти прорычал он, распалаясь все сильнее.

«Ну да, кто я такая!»

– Ты не собирался никого покупать, да? – неожиданно догадалась я.

Он промолчал, играя желваками и уставившись на костер, возле которого сидели остальные мужчины. Они очень старательно делали вид, что не прислушиваются к нашему бурному диалогу.

– Тогда отпусти меня! – отчаянно воскликнула я. – Если тебе не нужна рабыня, просто оставь меня в лесу и спокойно возвращайся в свою деревню.

– Нет. Я не занимаюсь благотельностью, Фрейя. – Он рассерженно повернулся ко мне. – Твоя свобода, по меньшей мере, обошлась мне слишком дорого, чтобы я позволил тебе уйти и погибнуть либо от кровотечения в лесу, либо от рук Кезро, которые однозначно не станут упускать легкую добычу.

Я понимала, что в его словах есть смысл, но упрямо не хотела мириться с этим.

– Мир не крутится вокруг тебя, Фрейя. Пойми, наконец, когда стоит бороться, а когда – остановиться. Нельзя бежать вечно. Иногда приходится просто смириться со своей судьбой.

Ник рывком поднялся на ноги и, прежде чем отойти, отчеканил тоном, не терпящим возражений:

– Ты поедешь со мной и будешь служить в моем доме, хочешь ты того или нет. Не желаю больше вести этот разговор. Советую тебе всерьез задуматься над моими словами. Потому что в следующий раз я уже не буду так добр. Я найду способ заставить тебя замолчать.

Прикрыв веки и обняв себя руками, я смотрела перед собой сквозь слезы отчаяния и слушала, как удаляются шаги. Каждое его слово било как ножом по сердцу, и я ненавидела его, себя и весь мир за то, что он прав: на свободе я была обречена на смерть. Даже если бы я каким-то чудом выжила, Истэк достал бы меня из-под земли.

Стыд прожигал меня изнутри. Я стала рабыней. Позволила надеть на себя эти демоновы оковы и оказалась в наглухо запертой клетке.

Я отрешенно повернулась и увидела, что воины освобождают для Николаса место у общего костра. Они дружелюбно похлопывали его по плечу и предлагали пищу. Дамен или Дритан – я пока не научилась отличать близнецов – взъерошил ему волосы, но Ник сердито отмахнулся и уставился на потрескивающие поленья, опершись локтями о колени и устало понурился напряженные плечи.

Очередная волна слабости заставила меня пошатнуться. Стиснув зубы, я размотала повязки на руках и потянулась к снадобьям и влажным тряпкам. Запястья были стерты в кровь. Предоставленная самой себе, я аккуратно смазывала их, отчетливо ощущая, что воины наблюдают за мной, готовые в любой момент пресечь мои попытки сбежать.

Спустя некоторое время затылок начало едва заметно покалывать. Невольно обернувшись, я встретилась с задумчивым взглядом Николаса, который исподлобья следил за каждым моим движением. Он явно оттаял и смотрел на меня мягко, почти виновато. Я не выдержала и отвернулась, снова сосредоточившись на перевязке.

Мягкая лежанка искушала нырнуть в ее объятия, поэтому я наскоро запихнула в себя остывший ужин и легла так далеко от огня, как только было возможно, свернувшись в клу-

бочек, чтобы хоть немного согреться. Раны сильно пульсировали, но глаза уже начали слипаться, и вскоре я провалилась в беспокойный сон под треск костра, тихих разговоров мужчин и похрапывание отдохавших от долгой дороги лошадей.

Глава 8 Фрейя

Свет маячил впереди.

Я с трудом пробиралась через лес, выставив вперед руки и раздвигая сухие ветви, которые, казалось, сплелись между собой почти намертво. Я не отводила взгляда от ярких зелено-вато-желтых пятен, поблескивающих между деревьев. Они все приближались, манили меня, призывали.

Я побежала. Ладони и предплечья избородили кровоточащие царапины, но я не чувствовала боли. Мне нужно быть там.

Наконец, проскользнув под последней преградой, я нырнула в объятия света, оставляя угнетающую тьму бездушной чащи позади.

Моему взору открылся невероятный пейзаж. До боли родной, до ужаса прекрасный. Солнце зависло высоко в девственно-чистом небе и приятно обжигало кожу своими лучами. Высокая мягкая трава, слегка колыхающаяся от теплого нежного ветерка, приятно холодила босые ноги. По зеленой поляне были небрежно разбросаны небольшие деревянные домики.

Здесь царило странное умиротворение. Не было видно ни души. Из леса не доносились птичьи трели, дети не играли на лугу, оглушая взрослых радостными криками, мужчины и женщины не сновали из хижины в хижину, а внутри стойбищ для скота было непривычно пусто.

Я услышала легкий хруст и обернулась на звук. Счастливая улыбка озарила мое лицо, и я побежала к пасущемуся рядом вороному коню, который мерно и безмятежно пощипывал густую траву.

– Ветер! – вскрикнула я, повиснув на горячей и такой родной шее. Странное ощущение не покидало меня. Но, Боги, как я соскучилась.

Лошадь не обратила на меня внимания и вместо привычного приветственного ржания продолжила перебирать мощными ногами в поисках лакомых кусочков.

Я покачала головой и закатила глаза, губы все еще были растянуты в улыбке.

– Хватит дуться, мальчик. В следующий раз я обязательно возьму тебя с собой.

Я потрепала жеребца на прощание и едва ли не вприпрыжку бросилась к дому, недоуменно оглядываясь вокруг. Где же все? Хижины проносились мимо нечеткими пятнами, но мои глаза сосредоточились лишь на одной-единственной, уютно разместившейся в отдалении от остальных. Я предвкушала встречу, гадая, что же мама испекла к обеду на этот раз, и отчаянно желая рассказать ей о своих сегодняшних успехах в метании кинжалов.

Но у порога меня не встретил привычный аромат горячих вкусов.

Я бесшумно распахнула прежде скрипящую дверь. В пробивающихся сквозь окна лучах солнца внутри летали сверкающие пылинки. Они поднимались над деревянным полом и лениво оседали вниз. И здесь тоже было пугающе пусто.

– Мама?

Я крадучись обошла все пустые комнаты. Мебель и домашняя утварь оставались на тех же местах, как и когда я уходила, только теперь была покрыта тонким слоем пыли. Словно прошел не один день, а недели.

Беспокойство тугим комом засело в моей груди. Я потянулась к кинжалу, с облегчением сомкнув ладонь на знакомой рукояти, и выбежала на улицу.

И резко замерла.

Спиной ко мне, уперев руки в бока, стоял высокий стройный мужчина и задумчиво смотрел вдаль. Лохматые, чуть рыжеватые светлые волосы колыхались на ветру. Его рубаха износилась, зияла мелкими прорехами и грязными следами. Кое-где даже торчали нити, грозя распухнуть некогда надежные швы.

Но мне это не показалось странным. Он был жив. Он был здесь, рядом со мной.

«Его не должно тут быть».

– Тео! – радостно закричала я и как в детстве запрыгнула на спину брата. – Ты вернулся.

Он засмеялся и, повернув голову, нежно поцеловал меня в щеку.

– Ты ведь знаешь, что уже не мальшика, Фру-Фру? Побереги здоровье единственного братца.

Я ухмыльнулась и взъерошила его отросшую шевелюру.

– Перестань называть меня так!

Он хмыкнул, но веселье тут же слетело с его лица. Теоден опустил меня на землю и с очень серьезным видом положил ладони мне на плечи.

В глубине сознания забрезжила еще одна странная мысль: «Почему мне не больно?» Но я тряхнула головой и нырнула в темноту встревоженных карих глаз.

– Я так долго искал тебя.

С моих губ сорвался нервный смешок, и я с недоумением уставилась на брата.

– Зачем? Я была в лесу.

Тео бросил на меня нечитаемый взгляд. А затем неожиданно отступил.

– Ты бросила их. – Его голос вдруг стал звучать странно. Так, будто ему вторила сотня других. – Ты оставила нас.

– Тео, о чем ты говоришь? Я просто ходила проверить ловушки и пометать оружие.

Что-то настойчиво стучало в моем сознании. Что-то крайне важное. Я чувствовала это, но никак не могла вспомнить.

Внезапно очертания брата начали размываться. Все вокруг пошло рябью. Мощный порыв ветра налетел на деревню, смывая краски с окружающего пейзажа. Я в ужасе оглянулась. Все стало серым, тусклым и бесцветным. Сверху падали черные рваные куски чего-то легкого, которые тут же подхватывал ледяной шквалистый ветер. Прочные, проверенные временем дома накренились, балки с грохотом падали на голую землю, поднимая темные тучи в воздух. И тогда я с ужасом осознала, что это.

Пепел.

Я резко перевела взгляд в сторону, где совсем недавно стоял брат, но на том месте остался лишь черный холмик праха. Спустя мгновение очередной порыв развеял и его. Я испуганно попятилась назад и моргнула, не веря своим глазам и ничего не понимая.

Раздался громкий, почти оглушительный хруст. Я посмотрела вниз, и из груди вырвался придуманный вскрик. Рядом с моими босыми ступнями валялся расколотый надвое череп, пустые глазницы безмолвно уставились в мои распахнутые глаза. Дыхание участилось, и я

нервно сглотнула, заставляя себя сделать шаг. Но тут снова послышался треск, от которого кровь застыла у меня в жилах.

Земля была завалена грудями черепов и костей.

Я споткнулась и рухнула в их жуткое множество, проваливаясь все глубже и глубже после каждой попытки подняться. Сердце готово было вырваться из груди, пульс стучал в висках, заглушая мои отчаянные крики.

Внезапно вокруг моего запястья сомкнулась шершавая рука и грубо вздернула вверх. Кости посыпались с одежды и растворились в воздухе, образуя под моими ногами ровный круг. Я застыла, переводя дух, а затем подняла взгляд на своего спасителя и моментально отпрянула.

Кезро.

Крупный, мускулистый мужчина с черными, разукрашенными волосами смотрел на меня с видом голодного зверя. Его зубы были обнажены в жутком оскале.

– Истэк, – вдруг зарычала я, не понимая, откуда взялось это имя. Но одно я знала точно: он был тем, кого я поклялась лишить жизни.

В правой руке он держал окровавленное двустороннее копье. Алые струйки стекали с его пальцев и убийственно острых концов оружия, с шипением испаряясь на холодной почве.

Однако весь мой мир сосредоточился на том, что скрывалось позади демона. На земле распростерлось безвольное тело моей матери. Она смотрела в темное небо потускневшим взглядом, ее черная от крови рука была прижата к сердцу.

Животный рык сотряс землю. Я обнажила свой кинжал и с ревом бросилась на Истэка. Он легко, почти лениво парировал мои удары, и его издевательский хохот будто раздавался со всех сторон. Я безуспешно пыталась ускориться, в отчаянии двигая руками и ногами, которые не хотели меня слушаться, – воздух словно превратился в вязкую субстанцию.

Демон с грохотом повалил меня на землю и выбил из рук клинок.

– Она умерла из-за тебя! Я убил их всех. – Истэк выдохнул последнее слово мне в лицо, обрызгав меня слюнями.

Я закричала и вцепилась ногтями в его глаза.

– Фрейя, – прошипел он, пытаясь оторвать меня от себя. Но я превратилась в один сплошной рычащий и кричащий комок, царапая все, до чего могла дотянуться, и оставляя глубокие кровавые борозды на отвратительной морде демона. – Фрейя, чтоб тебя! – снова прорычало чудовище.

Он схватил меня за талию и со всей силы встряхнул. Моя голова резко дернулась назад, и я встретила с твердой землей, провалившись в черную бездну.

– Она вся горит, – озабоченно пробормотал чей-то голос.

– Фрейя, да проснись же ты! – рявкнул Ник.

Звуки и ощущения навалились со всех сторон. Меня снова встряхнули, и я распахнула глаза. Сердце колотилось в бешеном ритме, а дыхание сбилось, как после долгой, утомительной охоты. Холодный пот струился по щекам, заливая глаза и стекая к подбородку. Сквозь сонную пелену я различила напряженное лицо Николаса. Он одной рукой придавливал мое тело к земле, а второй держал ладони, чтобы убрать их как можно дальше от своего лица. На его щеке алел багровый след.

– Я... я... п-прости, – тихо, едва соображая, прошептала я.

Он нахмурился, коснулся травмированной кожи пальцем и не менее изумленно уставился на кровавые разводы.

– Удивительно, что у него по-прежнему осталось два глаза, – хмыкнул один из близнецов, а второй, с соколом на плече, согласно закивал. – Ты едва ли не стал первым, кто проиграл в битве спящему человеку, – торжественно добавил он, водружая ладонь Нику на плечо.

Николас предостерегающе посмотрел на них и перевел взгляд на меня.

Но я уже отвлеклась на собственные ощущения. Мне было одновременно удушающе жарко и обжигающе холодно. Плечо затекло после сна, и любое движение вызывало сильнейшую пульсацию. Тело было липким от лихорадочного пота и билось в сильной дрожи, и причиной тому был не кошмар, ворвавшийся в мои сны.

Я судорожно вздохнула и моментально согнулась в приступе непрекращающегося кашля, хрип отдавался ноющей болью в грудной клетке. Мучительно застонав, я повалилась обратно на меха.

Сильные руки потянули меня обратно, заставляя сесть. Ник плотно закутал меня в теплую накидку и прижал что-то к дрожащим губам.

– Пей.

Давясь, я проглотила очередное снадобье и хотела уже рухнуть обратно, как вдруг мир закачался, и я привалилась к твердой груди. Под моим ухом раздавалось учащенное биение сердца. Я вслушивалась в эти раскаты, впитывая тепло, исходящее от тела Николаса.

С трудом я разлепила глаза и попыталась оглядеться. Поляна опустела, костры были потушены, а остальные мужчины, слегка потрепанные после ночевки в лесу, забирались на лошадей.

– Держись, – скомандовал Николай и усадил меня на своего коня. Мое тело сразу окрепло, но он не позволил мне свалиться с седла.

Мы выехали на рассвете, стоило солнцу едва показаться на горизонте. В кронах деревьев шелестели маленькие птички, чьи утренние трели разносились по лесу, а мелкие перышки разлетались и путались в ветвях, когда они встряхивались ото сна.

Мы ехали быстрее, чем вчера. Я отчетливо ощущала, как круп коня стремительно двигался подо мной, вынуждая раскачиваться из стороны в сторону под размеренный скрип седла. Весь путь сопровождался моим хриплым кашлем. Меня раздражали липнувшие к вискам волосы и зубы, что отбивали дробь. Капли соленой влаги стекали по телу под накидкой, которую я в бреду пыталась стянуть с себя, ужасаясь охватывающему меня жару. Но кто-то настойчиво укутывал меня снова и терпеливо выслушивал злобное рычание. Следом накатывали волны холода, словно две противоположные стихии вели между собой непримиримую борьбу – сражались за возможность доставить мне как можно больше страданий.

Я потеряла счет времени: оно то двигалось слишком медленно, то резко ускоряло темп. В какой-то момент разум более-менее прояснился, и я увидела, что мужчины стараются сдерживать рвущихся вперед коней, которые радостно пофыркивали и шевелили ушами.

Близился вечер. Вскоре процессия остановилась на вершине небольшого холма, и перед моим взором предстала завораживающая картина.

Густой лес уступил место обширной долине, окаймленной со всех сторон крутыми высокими склонами, которые утопали в зелени могучих деревьев. Внизу распростерлась крупная деревушка, где все буквально искрилось жизнью и светом. Дети самых разных возрастов носились друг за другом по поляне и залиристо хохотали, затеяв какую-то веселую игру. Двери многих хижин были открыты нараспашку, и из их недр выплывали умопомрачительные запахи свежеприготовленной пищи. Звон мечей наполнял воздух, пока мужчины тренировались на поле у огромной конюшни. Где-то в глубине этого умиротворенного уголка раздавался лай собак и ржание лошадей, почуявших приближение отряда.

Я не верила своим глазам. Это чудесное место, надежно скрытое в недрах леса, было похоже на сон. На потрясающе приятный и невероятный морок. И оно так сильно напоминало о том многом, что я потеряла когда-то...

Лошади рысью устремились по склону.

Дети первыми заметили наше приближение и, радостно заверещав, побежали встречать вернувшихся отцов и братьев. Их возгласы привлекли внимание остальных, и они мгновенно побросали свои дела. Еще совсем недавно пустая поляна разом заполнилась людьми.

Всадники спешили и поспешили распахнуть объятия. Ник тоже осторожно соскользнул с лошади, но не успел помочь спуститься мне, как маленькая, до ужаса милая девчущка с копной густых каштановых волос крепко обхватила его за пояс.

– Ник! Ты приехал! Приехал! Я так скучала! – Она без остановки пружинила на месте, прижимаясь и стискивая его крохотными ручонками.

– Меня не было всего неделю, – засмеялся Ник. Он взъерошил девочке и без того торчащие во все стороны волосы и чмокнул ее в щеку.

Тут к Николасу с громким лаем подлетела большая овчарка и едва не сбила его с ног, пытаясь лизнуть в лицо.

– В очередь, Ласка. – Ник выставил вперед руку, но собака, услышав свою кличку, лишь удвоила усилия.

Я не сразу заметила, что на меня уставилась пара больших темных глаз. Девочка наклонила голову и открыто рассматривала меня настороженным, оценивающим взглядом. Совсем как Ник.

– Ты кто? – последовал ожидаемый вопрос.

Николас резко развернулся, будто только сейчас вспомнил о моем существовании, и замер. Его рот то приоткрывался, то закрывался снова, пока он пытался подобрать слова.

Наконец, он прочистил горло и сказал:

– Это...

Окружающий мир вдруг начал размываться перед моими глазами. Я почувствовала, как тело накренилось вбок и безвольно скользнуло в пустоту, но было вовремя подхвачено. Вокруг меня кто-то засуетился, однако головокружение накатывало беспрерывными волнами, и я потеряла связь с реальностью.

– Слишком сильная лихорадка, – прозвучал женский голос. – Идем. Потом объяснишь. Ей нужно помочь, пока не стало слишком поздно.

Но ее слова потонули в знакомом мраке и утянули меня за собой, в удушливое заточение разума. Он услужливо подбрасывал мне страшные обрывки снов, от которых невозможно было укрыться. Кошмары, что без остановки мучили меня уже полгода. Они пробуждали во мне страх – липкий, ледяной, неизменный. Именно из-за них я начала бояться ночи, и постоянные тени под глазами стали тому свидетелями.

В перерывах между кошмарами моим врагом становилась собственная оболочка. Голова разрывалась от боли, но мучительней всего был жар, с невероятной жадностью сжигавший меня снаружи и изнутри. Тело содрогалось со страшной силой, а холодный пот облепил все участки кожи. Я что-то бормотала, не разбирая слов, скулила, пыталась сжаться в комочек, но чьи-то ласковые руки не давали своевольничать, возвращая на место.

Внезапно раны на плече и спине обожгло ужасной болью, и я застонала.

– О, Боги милосердные. Откуда это?

Кто-то тихо и долго говорил, но я смогла разобрать лишь несколько слов: «Кезро... с волками... плетью... выкупил».

Над ухом раздался тяжелый, протяжный вздох. Тонкие пальцы невесомо коснулись лба.

– Ты правильно поступил. А с Аяном я поговорю. Бедная девочка. Болезнь сильна, а она совсем истощена. – Все тот же нежный женский голос то и дело мелодично звучал где-то

рядом. И он так сильно напоминал другой, до боли знакомый, невероятно родной и навсегда потерянный...

– Мама... – слабо прошептала я.

– Тш-ш-ш... – Мягкая ладонь ласково провела по моей щеке. Следом к лицу прижалась ледяная материя, приятно остужая. – Дорогой, будь добр, выйди. Дальше я сама.

Голоса вновь слились в единый, неразличимый гул. Едва слышно хлопнула дверь. Раздался звук падающей воды. Кожи коснулся легкий ветерок, видимо, меня раздели. Но я не ощутила никакого волнения. Единственное, чего мне хотелось – это погрузиться в долгий сон без сновидений.

Что-то холодное и мягкое прошлось по всему телу, даруя столь желанную прохладу, которая снова сменилась жаром.

После очередных скитаний внутри собственного сознания я почувствовала трение ткани о кожу – меня снова одели. Любые попытки разомкнуть веки или пошевелиться оказались бессмысленны, хотя я прилагала невообразимые усилия. Возможно, то были жестокие игры разума.

– Нужно снять этот жуткий браслет.

Бормотание в ответ.

Мир снова затих.

– Ей надо поесть.

– Она и глаз открыть не может, как ты собираешься кормить ее?

– Если она ничего не съест, то умрет.

Ворчание.

Шум.

Тяжелый вздох.

Я почувствовала, как тело дернулось вверх, а теплая рука придержала голову.

– Давай, дикарка. Нужно поесть, – прошептал знакомый голос, и что-то коснулось моих потрескавшихся губ.

Я не понимала, чего от меня хотят. Не могла выдавить ни слова, не могла отвернуться. Чьи-то пальцы осторожно приоткрыли мой рот, и в него медленно потекла струйка горячей жидкости. Захлебнувшись, я содрогнулась в долгом кашле, который вымотал меня настолько, что даже не было сил просто дышать.

Над головой раздались тихие чертыханья, однако, стоило мне затихнуть, кто-то настойчиво проделал все вновь. На этот раз рефлексы сработали вовремя, и я с большими перерывами начала сглатывать крошечные порции.

Слишком скоро я поняла, что больше не могу. Слабый протестующий стон сорвался с сухих губ, и я попыталась отстраниться. На этот раз никто не стал меня останавливать, лишь вытер стекшие на подбородок капли и снова тяжело вздохнул.

– Мы больше ничего не можем сделать. Остальное зависит только от нее. Оставь ее, сын, идем.

Голова утонула в мягкой подушке. Но прежде чем провалиться в темноту, я услышала чей-то шепот:

– Сейчас самое время бороться, дикарка.

Глава 9 Фрейя

Солнечный луч назойливо проникал сквозь мои трепещущие веки. Прикрыв ладонью глаза, я раздраженно перевернулась на другой бок. Тут будто прорвалась плотина, и в следующее мгновение до моих ушей одновременно донеслись громкий собачий лай, залиvistый детский смех и оглушающий топот маленьких ног по дощатому полу, которые тут же были прерваны грозным шиканьем. Где-то хлопнула дверь, и все резко стихло.

Я резко приподнялась, но сразу рухнула обратно, подавив крик. Боль, пронзившая плечо, прогнала остатки сна. Я по-волчьи поджала под себя правую руку и прислушалась к ощущениям. Лихорадка отступила, хотя тело все еще была мелкая дрожь, и чувствовалась невероятная слабость. Мысль о выздоровлении не вызвала у меня никаких эмоций, кроме сильной усталости. А еще я была страшно голодна.

Я медленно села и настороженно осмотрелась.

Комната была совсем маленькой и практически пустой. Кровать прямо под большим окном, которая жутко скрипела при любом движении. Крохотный, аккуратно сколоченный столик с разложенными на нем снадобьями и повязками. В углу стояло небольшое ведро для отхожих дел, которым я тут же не преминула воспользоваться.

Когда возвращалась обратно к постели, я ощутила, что что-то сильно стесняет движения. Тяжело дыша, будто бегала не меньше суток, я окинула себя взглядом и едва не поперхнулась от возмущения. Свежие, плотно повязанные бинты скрывались под легким платьем простого кроя. *«Платьем!»* Я с отвращением приподняла серый подол, из-под которого торчали обмотанные белой тканью ступни.

«Надо поскорее раздобыть нормальную одежду».

Я посмотрела на дверь и втянула носом воздух, собираясь с духом. Пошатываясь, я добралась до цели и с замиранием сердца дернула на себя ручку.

Заперто.

«Ну разумеется».

Оттолкнувшись от двери, я медленно обошла комнату. Я не знала, что хотела в ней найти, но с удивлением отметила, что это маленькое помещение было идеально чистым. С низких потолков не свисала паутина, а пыли не оказалось даже под шаткой кроватью. Я задалась вопросом, сколько дней провела в этом месте, пытаясь справиться с лихорадкой. Судя по моим ощущениям, прошли всего сутки, но это время вполне могло растянуться на гораздо больший срок.

В любом случае, спешить мне было некуда. Сбежать отсюда все равно не представлялось возможным. Да и не было сил для этого.

Я не знала, сколько просидела в одиночестве, прежде чем стены начали давить на меня. Словно загнанный зверь, я быстро передвигалась от кровати к двери и с тоской поглядывала в окно на передвигающихся между хижинами людей.

Комнату явно очистили от лишних предметов, которыми я могла бы воспользоваться в целях обороны. Внезапно мой взгляд упал на крохотный столик, точнее, на его тонкие ножки. Я долго боролась с искушением, но все же отвернулась, отбросив затею обзавестись импровизированным оружием. Не стоило в первый же день настраивать здесь всех против себя.

Когда я уже была готова взвыть от заточения, раздались тяжелые шаги и цоканье когтей по полу. Дверь отперли снаружи и с тихим скрипом приоткрыли. В щель тут же попыталась протиснуться собака, но Николас преградил ей дорогу ногой и, чуть пригнув голову, переступил порог. Он тут же заметил меня и замер.

Я пробежалась по нему взглядом. На нем была простая, рабочая одежда: сероватого цвета рубаша, открывавшая мужскую грудь со стальными мышцами, была плотно заправлена в черные обтягивающие штаны, а ноги скрывали грубые сапоги. Лицо Николаса было начисто выбрито, отчего он казался немного моложе, чем я думала раньше.

Наши глаза встретились, и я тут же зарделась, осознав, что он занимался тем же. Судя по его виду, он был вполне доволен и даже будто немного удивлен увиденным.

– Значит, очнулась. Я рад. – Николас чуть помедлил и добавил: – Тебе... идет.

Я свела брови на переносице и потребовала:

– Верни мою одежду.

За дверью послышался обиженный лай. Николас прикрыл ее и облокотился о стену рядом. От меня не укрылось, как перед этим он мельком взглянул на столик и подозрительно прищурился.

– Ты хочешь, чтобы я вернул тебе *свою* рубашку?

Увидев, как на его лице расплывается ухмылка, я вдруг вспомнила, что лишилась своей одежды еще в деревне Кезро, и мысленно выругалась.

– Я говорю о штанах, – процедила в ответ.

– Сейчас не зима, чтобы надевать под платье штаны, – невозмутимо отозвался Николас, но уже через мгновение тихо вздохнул и признался: – К тому же их пришлось сжечь. Они полностью износились.

Сердце неприятно кольнуло, и я поморщилась. Глупо, конечно, но эта вещь была одной из последних нитей, связывающих меня с прошлым.

– Мне нужна другая одежда, – заявила я, с презрением оглядывая свой внешний вид.

– Наши женщины носят только платье. Ты должна покориться этим устоям.

Внутри затеплился огонек гнева. Я выпрямилась и посмотрела ему прямо в глаза.

– Я живу по другим законам.

Он спокойно встретил мой взгляд.

– Больше нет.

– Ты говорил, что сделаешь из меня прислугу, а не рабыню, – отчеканила я. – А значит, я имею право выбора.

– А ты ответила, что это одно и то же, – парировал Николас.

– Я не могу ходить в этом! – прорычала я, окончательно выходя из себя. – Я никогда не носила платья.

Он чуть приподнял одну бровь в сдержанном удивлении.

– Мне все равно. Ты будешь носить то, что тебе дадут. – Затем он оттолкнулся от стены и прошел к столику. Задумчиво хмурясь, покопался в расставленных там баночках и посмотрел на меня. – Как плечо?

Я едва не задохнулась от того, как нагло он перевел тему. Я вздернула подбородок и соврала:

– Отлично. – На самом деле боль не стихала ни на мгновение, и настроение от этого было паршивым.

Повязки стягивали плечо и спину, я ощущала слой целебного снадобья на них, и слова благодарности за то, что обо мне позаботились, замерли на кончике языка. Но я решила промолчать, пока не узнаю истинные намерения Николаса.

Я видела, что он раскусил ложь. Но Николас лишь кивнул, деликатно промолчав.

– Обед принесу позже. Сегодня нагружать тебя не стану, останешься в комнате. К своим новым обязанностям приступишь с завтрашнего утра. Я приду, чтобы рассказать тебе обо всем, и... мне придется снова связать тебе руки. Будешь ходить так, пока не убедишь меня, что не причинишь никому вреда..

Я упрямо поджала губы.

– Я ведь говорила, чтобы ты не рассчитывал на то, что я буду вам прислуживать.

Николас опасно прищурился и напрягся. Весь его вид будто кричал: «Сейчас тебе лучше замолчать».

– А я ясно дал понять, что больше не собираюсь это выслушивать.

– Ты не сможешь меня заставить, – ничуть не смутилась я.

– Уверена?

Несколько мгновений мы прожигали друг друга сердитыми взглядами, пока он не нарушил молчание.

– Советую прекратить эти детские глупости, Фрейя, – его голос был тихим и предостерегающим. – И начать делать то, что велят.

– А то что? – огрызнулась я и, не дав ему вставить ни слова, продолжила: – Зачем ты вообще купил меня, раз боишься настолько, что готов связывать?

Мы снова вернулись к разговору, который вели в лесу. Но я не могла себя остановить, несмотря на брошенную им тогда угрозу.

– Я тебя не боюсь, – раздраженно ответил Николас. – Я тебе не доверяю.

– Есть разница? – фыркнула я. – Почему?! Почему ты не купил себе кроткую и послушную девицу? Зачем тебе все эти проблемы? Или стало жаль меня? С трудом верится, ведь ты водишь дружбу с Кезро. Ты такое же чудовище, как и Истэк! – вырвалось у меня в порыве злости.

Я инстинктивно отступила ближе к стене, заметив, что Николас резко переменился в лице. Казалось, мои неосторожно брошенные слова задели его гораздо сильнее, чем можно было ожидать. В глазах загорелось неподдельное пламя, а скулы побелели – настолько сильно он стиснул зубы, когда начал медленно приближаться ко мне.

– Чудовище, значит? Ты винишь во всех своих бедах *меня*? Ну конечно, так ведь проще, – бросил Николас. – На что ты рассчитывала? Что сбежишь из их деревни и спокойно вернешься к своим псам? – Несмотря на бурю во взгляде, тон его был ледяным. Он насмешливо фыркнул и покачал головой. – Вот только не говори мне, что была так глупа, Фрейя. Ты. Изначально. Была. Обречена.

Стоило этим жестоким словам сорваться с его губ, и вся моя уверенность улетучилась.

– Хватит, – выдавила я, отступая от его источающей угрозу фигуры.

Он прав. Однако я пока была не готова принять правду, потому что она разрушила бы те последние крупички, что оставались от меня.

– Я просто оказался в нужное время в нужном месте, – продолжал Николас. – И тебе очень крупно повезло, что Истэк не успел продать тебя кому-то другому.

– О да, какая удача, – язвительно отозвалась я, обретя голос. – Снова оказаться связанной, но только в другом месте. Стать рабыней!

Он внезапно оказался рядом и оперся рукой о стену, к которой я прижималась, а затем склонился к моему лицу.

– Существует грань, которая отделяет смелость от безрассудства, – начал он проникновенным, бархатистым тоном. – Остановись, пока не перешла черту и не сделала хуже, чем уже есть. Я говорил, что мы не держим рабов, но ты и тут сделала из себя жертву. Разве я тебя хоть пальцем тронул? Принудил к чему-то? Да никто другой даже не подумал бы возиться с твоими ранами, – просто воспользовался бы тобой и убил, ни капли не сожалея. Но, видимо, ты не в состоянии отличить хорошее отношение от плохого. Раз ты считаешь меня чудовищем, так, может, мне начать соответствовать твоим ожиданиям, чтобы не разочаровывать? – практически прорычал он. – Глупая, взбалмошная девчонка! Неужели ты не понимаешь, к чему могут привести твои игры? Хочешь, чтобы я вел себя, как тот мерзавец? Или тебе правда было бы приятней попасть к кому-то другому?

Я оторопела от его речи. Обжигающая ярость, обида и страх клокотали внутри.

– Да кто угодно, лишь бы не ты! – рявкнула я. Эти несправедливые слова вырвались словно сами собой, и ужас лавиной обрушился на меня. Я не хотела этого говорить. Видимо, от боли и злости у меня совсем помутилось в голове.

Но было уже поздно.

Ник отшатнулся. Его глаза опасно сверкнули, а на лице заходили желваки. Он выглядел по-настоящему разъяренным, и весь этот гнев был направлен на меня одну.

– Ты сама сказала это, – срывающимся голосом ответил он, а затем развернулся и исчез за дверью, громко хлопнув ей напоследок.

«Вот демоны».

Дрожа, я в растерянности застыла у кровати. Внутри забрезжило плохое предчувствие, заставив меня повернуться к окну. Я увидела, как Николас стремительно направляется к соседней хижине. Его движения и до крайности напряженное тело говорили о том, как сильно он был взвинчен. Я успела лишь моргнуть, прежде чем его массивная фигура скрылась за дверью. Закусив губу почти до крови, я таранилась на проход в волнительном ожидании.

Спустя некоторое время Николас вылетел на улицу и пошел обратно.

Почувствовав настоящую панику, я ринулась к столику и начала лихорадочно дергать одну из ножек, но ноющие плечо и спина не позволяли прикладывать достаточно усилий.

– Ну давай же, – в отчаянии бормотала я, изредка бросая взгляды на дверь. Через мгновение она с грохотом распахнулась, и на моем левом запястье намертво сомкнулась мужская ладонь.

Оказавшись в дверном проеме, я широко расставила ноги и раненой рукой вцепилась в раму. Боль тут же опалила спину, и я шумно втянула носом воздух.

Николас даже не думал останавливаться. Несмотря на высокий рост, я для него ничего не весила, и он с легкостью вытащил меня на улицу и потянул дальше. Рядом со счастливым лаем подпрыгивала овчарка, наслаждаясь странной «игрой» хозяина.

– Что ты творишь? – вскрикнула я.

Он ничего не ответил. Лишь продолжал упорно волочить меня к той самой хижине, откуда только что вышел.

– Перестань! Отпусти меня! – Я попробовала было зарыться ногами в землю, но лишь споткнулась, когда меня резко дернули за левую руку. Пальцами другой я в отчаянии пыталась разжать невообразимо крепкую хватку Николаса, но после тяжелой лихорадки мои и без того жалкие силы были истощены. Я с нарастающим ужасом наблюдала, как мы приближаемся к чужому дому.

Наверное, если бы я взмолилась, сказала, что мне больно, он бы очнулся и отпустил меня. Вот только я не собиралась опускаться до мольбы.

Когда мы наконец подошли к порогу, Николас дернул ручку на себя, рывком распахивая дверь, и втолкнул меня внутрь.

Я не устояла на ногах и неуклюже осела на пол, прерывисто ловя ртом воздух. Медленно подняла глаза и наткнулась на огромные потрепанные ботинки, прямо перед моим лицом. Я вскинула голову и отпрянула от крупного бородатого мужчины, – того самого, что ехал рядом с вождем от деревни Кезро.

Он окинул меня безразличным взглядом и повернулся к Нику. Они смотрели друг на друга, будто ведя мысленный диалог, не обращая на меня внимания.

Спустя несколько ударов моего сердца Николас кивнул ему и перешагнул порог. Но перед тем, как закрыть дверь, он оглянулся и, глядя в мои полные страха и неверия глаза, процедил:

– Учись отвечать за свои слова.

И исчез.

В помещении воцарилась могильная тишина. Смысл сказанного доходил до меня очень медленно, но уже было поздно.

Я рванула к двери. Вот только не успела даже дотронуться до ручки, как бородатый мужчина перехватил меня поперек талии и понес в дальнюю часть дома. Я кричала, рычала, била ногами и царапалась, впивалась заостренными клыками в его кожу, но он даже не сбавил шаг.

Мы остановились у неприметной железной дверцы в полу, и все внутри меня похолодело. Удерживая меня одной рукой, мужчина поднял крышку и начал спускаться по узкой лестнице. Я хваталась за нее пальцами, в кровь раздирая ладони, ломая ногти, но он был гораздо сильнее, а потому почти не прилагал усилий, чтобы справиться со мной.

В небольшой темной комнате, напоминавшей погреб, было тесно: тут и там стояли ящики с различными припасами. Потолок придерживал толстый столб в центре помещения, вокруг которого была обвязана добротная веревка.

Я снова попыталась вырваться, но мужчина с силой вдавил меня в пол и быстро обмотал руки веревкой. Приготовившись к худшему, я закусилась щеку, чтобы не позволить всхлипам сорваться с губ.

Но он вдруг отступил. Половицы заскрипели, когда мужчина молчаливо протопал по лестнице, скрывшись наверху. Хлопнула железная дверца, и комната погрузилась в непроглядную темноту.

Тишину нарушало лишь мое рваное дыхание.

Каждому проходящему мгновению вторил бешеный стук моего сердца. Стены давили. Обстановка слишком сильно напоминала мне каморку в клане Кезро, где меня запер один из демонов. Я лихорадочно вертела головой, осматриваясь вокруг. Тянула, дергала и кусала зубами веревки, терзаясь от неизвестности, но из этой ловушки не было выхода.

Я пожалела обо всех словах, что сказала Николасу. Вот только сейчас от этого не было толку. Мне нужно было сдерживать себя, но наивность и слепая вера в то, что он не причинит мне вреда, сделали меня смелее.

«Существует грань, которая отделяет смелость от безрассудства. Остановись, пока не перешла черту и не сделала хуже, чем уже есть».

Я зажмурилась, проклиная себя за глупость. Он ведь предупреждал меня – и не раз. Но я только упрямылась и огрызалась. Если я хотела выжить, больше так продолжаться не может. Возможно, уязвленная гордость была не самой большой жертвой ради избавления от страданий.

Мне было хорошо известно, как мучительно долго могло тянуться время. Над головой иногда раздавалась тихая поступь. Я вздрагивала от каждого шороха, всматриваясь в темноту, но мужчина не спешил возвращаться. Прижавшись спиной к столбу и сложив на коленях связанные руки, я напряженно ждала.

По ощущениям уже давно перевалило за полдень, когда я услышала знакомый скрип железных петель, и помещение озарил тусклый свет. Дверца снова захлопнулась. Мрак вернулся, а из его глубины показалась высокая черная тень.

– Пожалуйста, – всхлипнула я, тут же возненавидев себя за это.

– Надо было слушаться, девочка, – тихо отозвался мужчина, и мне показалось, что я расслышала в его голосе извиняющиеся нотки.

Когда он дотронулся до меня, ярость снова вырвалась на свободу: возможно, сработал инстинкт, а может быть, я просто не привыкла к людским прикосновениям. С утробным рычанием я вонзилась клыками в его предплечье, услышав, что мужчина зашипел. Он одним движением перевернул меня на спину и дернул к себе, протаскивая по полу, отчего плечо опалило болью. Она отвлекала, завлакивала глаза пеленой, но я, стиснув зубы, продолжала отчаянно брыкаться. Он навалился на меня весом своего тела, одной рукой сжимая шею, а другой начав шарить по одежде, – слишком странно и несколько скованно. Хотя я не знала, как все должно проходить на самом деле.

Окончательно выбившись из сил, я беспомощно обмякла и мысленно подготовилась к пытке, захлебываясь горькими слезами. Внезапно крышка люка откинулась вновь. Лестница зашаталась от быстрой, тяжелой поступи.

– Довольно, Катал!

Мое рвущееся из груди сердце заколотилось еще сильнее. Я распахнула веки.

Николас ступил в блеклое пятно света.

Я едва ли не с радостью посмотрела на него и не смогла скрыть вздох облегчения. Он стоял, стараясь выглядеть безразличным ко всему, но в глубине его глаз при виде заплаканной и беспомощной меня что-то сломалось.

– Я ведь просил быть осторожным, Кат, – тихо процедил он.

Широко распахнутые глаза пробежались по моим залитым свежей кровью плечам. А потом Николас вдруг нахмурился, будто вспомнил что-то неприятное. Он ведь тоже был далеко не осторожен, когда тащил меня сюда.

Катал хотел что-то ответить, но вместо этого тишину комнаты нарушил мой хриплый, бесцветный голос:

– Просил быть осторожным? – Надежду сдуло, как краски мира в недавнем сне. Как пепел у моего сгоревшего дома. – *Просил, Ник?*

Он вздрогнул. Я впервые назвала его по имени.

Я отползла назад, прижалась ноющей спиной к столбу и обхватила колени руками, не отрывая от него неверящий взгляд.

– Ты все подстроил, – с горечью догадалась я.

Губы Николааса приоткрылись и закрылись вновь. Но он так ничего и не ответил, только тяжело сглотнул.

– Ну что, наигрался? Нравится видеть меня такой? – с вновь появившейся злостью спросила я. – А говорил, что не похож на Истэка.

В руке бородатого мужчины блеснул нож. Пока он срезал веревки, я смотрела на Николаса, стоящего передо мной. К его чести, он не отводил взгляда, хотя из него исчезла вся былая ярость. Осталось лишь раскаяние и осознание произошедшего. Спокойствие и наигранно холодное безразличие сменились чем-то совершенно ему несвойственным.

Я попыталась встать на ноги. Он шагнул ко мне, чтобы помочь, но я резко отпрянула и отползла к стене, прижимая к себе раненую руку.

– Не прикасайся ко мне!

В глазах Николаса отразилось нечто, напоминавшее боль. Мне не было до этого дела. Угрызения совести ничего не могли изменить.

Он замер.

– Фрейя... – почти умоляюще позвал он. – Перестань. Я бы никогда не допустил этого на самом деле.

– Перестать? – зарычала я.

Придерживаясь здоровой рукой за стену, я кое-как поднялась на дрожащие ноги.

«Не стану лежать перед ними».

– Я сидела здесь... уже поверила, что снова... Думала... а все это оказалось... – Я с трудом сглотнула ком в горле. – Чего ты хочешь от меня? Я просто пытаюсь выжить и остаться собой! Думаешь, если не свяжешь меня, если не заставишь исполнять свои приказы, я перережу всю деревню? Твою мать? Сестру? Ты так обо мне думаешь? – едва сдерживая слезы, почти кричала я. – *Я не убийца.* Я бы никогда не смогла тронуть ребенка и невинных людей. Ты хотел добиться от меня подчинения? – Я сжала челюсти и, глядя ему прямо в глаза, продолжила: – Хорошо. Похоже, ты добился своего. У меня больше нет сил бороться с тобой и с кем бы то ни было, сын Аяна. Ты победил.

Эти слова были правдой. Я устала, в самом деле невероятно устала. Последние полгода я только и делала, что бежала, бежала, бежала. Сейчас мне хотелось наконец-то выдохнуть и остановиться. Но я не могла. Было кое-что еще – одно незаконченное дело. И чтобы когда-нибудь завершить его, я должна снова стать сильной и остаться живой.

Плечи Николаса были опущены. Он не знал, что сказать. Могучий, уверенный в себе воин вдруг лишился дара речи. Мрачная радость затопила мое сознание. Пусть испытает хоть немного той же боли.

Никто не остановил меня, когда я, шатаясь, начала подниматься по лестнице, цепляясь за нее одной рукой. Вторая так онемела, что я не могла даже поднять ее. Несмотря на все сказанные мною слова, Николай дернулся, чтобы помочь, но Катал сжал его плечо и покачал головой.

Горло болело от сдерживаемых слез, и когда я выбралась на улицу и почувствовала такой желанный порыв ветра, они наконец-то покатались по лицу.

Я грустно осмотрела склоны, густо покрытые зарослями и огромными древними деревьями. Развернулась и настолько быстро, насколько было возможно в моем состоянии, побрела к дому, который станет моей клеткой, если не смогу найти выход.

Позади меня раздались едва слышные шаги, и я ускорила, почти переходя на бег.

– Фрейя, – тихо позвал Николай.

Я проигнорировала его.

– Фрейя, остановись.

Он мог спокойно догнать меня, заставить силой, но продолжал сохранять дистанцию между нами.

В это же время к дому подошли его мать и сестра. Они проводили нас встревоженными и изумленными взглядами, но ни я, ни Николай не обратили на них внимания.

Я взлетела по ступенькам, ворвалась в хижину и попыталась найти знакомую дверь.

– Давай поговорим, – настойчиво продолжал Николас, практически поравнявшись со мной. Я даже почувствовала, как под его ногами прогибались доски пола. – Фре...

Добравшись до выделенной мне комнаты, я не сдержалась. Резко развернулась и, замахнувшись, со всей силы влепила ему пощечину. Удар вышел настолько мощным, что его голова дернулась набок, а на лице заалел яркий след. В мою ладонь будто впились тысячи иголок.

Он не поворачивался, возвышаясь надо мной и прожигая взглядом стену.

Я вдруг осознала, что натворила, и отступила к двери, сжавшись в ожидании ответного удара. Но ничего не произошло, и я как последняя трусиха проскользнула за дверь и захлопнула ее прямо перед его носом. В отчаянии оглядела комнату и бросилась к кровати, которая казалась самым тяжелым и практически единственным предметом здесь. Кряхтя, одной рукой придвинула ее к двери, а затем подхватила столик и поставила сверху. Я обессиленно сползла по стене, стараясь не думать о том, что это не сдержит здорового молодого мужчину, если тому захочется зайти.

– Фрейя, позволь мне войти, – раздался тихий, приглушенный голос над ухом, словно он опустился на корточки. – Я только посмотрю плечо и уйду, обещаю.

– Твои обещания ничего не стоят! – Я закрыла лицо руками и прикусила ворот платья, чтобы заглушить рыдания. Но всхлипы все равно прорывались сквозь ткань, и я, содрогаясь всем телом, выпустила скопившееся за день напряжение.

Я так и не разрешила ему войти, и Николас послушно остался снаружи. Спустя некоторое время его низкий голос слился с женским, в котором звучало возмущение, где-то в глубине дома. Они о чем-то жарко спорили, но вскоре затихли. А я, исчерпав силы, уснула прямо там, на жестком полу.

Мне впервые не хотелось вырываться из кошмаров, настигавших меня, стоило нырнуть в объятия сна, и возвращаться в реальные. Но желудок оглушительно громко требовал пищи, сжимаясь в спазмах и не давая мне снова сомкнуть глаза. Поэтому я просто лежала, прижимаясь виском к деревянным половицам, и прислушивалась к звукам снаружи.

С моего места открывался идеальный вид на черное, с россыпью сверкающих звезд небо. Я без труда отыскала среди них ту, за которой следовала в мгновения охоты и которая указывала дорогу моей стае. Я подняла дрожащую руку и повторила форму серповидной луны, яркой и изящной, наблюдая, как сияние окутывает мою бледную кожу, покрытую ссадинами.

Странное опустошение, какое бывает только после долгих рыданий, поселилось в душе. Но слезы давно высохли. Решив, что пора перестать изнывать от жалости к себе, я медленно поднялась и на негнущихся ногах прошла к окну. Кровать и стол по-прежнему громоздились у двери, но у меня не было сил расставлять все по местам. К тому же это подняло бы немало шума, а я меньше всего хотела напоминать о своем присутствии.

Я наблюдала за беззаботными детьми, которые сидели у костра и увлеченно играли в резные деревянные фигурки животных. Маленькие деревянные лошадки в детских ручках скакали по земле и прыгали через пламя. Я улыбнулась, вспоминая, что в моей собственной деревушке мы играли так же. В груди каждый раз становилось тесно, стоило картинам прошлого ворваться в сознание, но я запрещала себе отсылать их прочь – ведь больше никому было о них помнить.

Заметив знакомое лицо, я прикинула ближе к окну, и на стекле от моего дыхания остались запотевшие пятна. Бойкая черноволосая девчонка что-то увлеченно рассказывала другим. Рядом с сестрой Николаса спала овчарка; время от времени она приоткрывала сонные золотистые глаза и проверяла, на месте ли ее маленькая хозяйка.

Я с усталой улыбкой следила за ними, пока не услышала шаги.

Улыбка исчезла. Сердце заколотилось где-то в горле.

Раздался тихий стук в дверь. Потом она начала медленно открываться, с легкостью сдвигая сооруженную мною конструкцию, и в мой маленький тусклый мир начал проникать яркий свет.

Напрягшись всем телом и кусая губы, я продолжала стоять на месте и смотреть в окно, ничего за ним не видя.

В нос ударил притягательный аромат свежеприготовленного мяса, а также снадобий, которые окончательно убедили меня в цели визита. В личности этого человека я тоже не сомневалась.

Отражение в окне явило моему взору высокую фигуру Николаса. В одной руке он держал большую свечу, в другой – сверток ткани, ботинки и деревянный поднос с мисками. Он рассматривал мое опухшее лицо в стекле.

Я мимолетно встретилась с ним взглядом и снова переключила внимание на компанию у костра.

Дверь бесшумно закрылась, и Николас принялся возвращать мебель на места. Он сдвинул кровать с легкостью, которой я позавидовала, ведь сама едва не надорвалась, пока передвигала ее. Мышцы на его руках при этом впечатляюще напряглись, но я яростно одернула себя от их созерцания.

Закончив, Николас немного потоптался. Видимо, подбирал слова или, напротив, думал, чем занять себя, чтобы не разговаривать.

– Все готово, – наконец сказал он.

Я коротко вздохнула, а затем повернулась и присела на край кровати, с которого хорошо просматривалась улица. Но стоило Николасу подойти сзади, и наши отражения тут же показали в стекле. Вопреки своему желанию, я не стала закрывать глаза. Он больше не увидит меня слабой.

Вот только договориться с самой собой было куда проще, нежели прийти к согласию с телом. Если в голове мне удалось навести сомнительный порядок, то тело предательски задрожало, когда пальцы коснулись завязок на задней стороне платья.

– Ты боишься, – тихо произнес он. Убрал руки. Посмотрел мне в глаза через отражение.

Я промолчала. Тишина служила ответом.

Николас тяжело вздохнул и наклонил голову.

– Я больше ничего не сделаю, клянусь. Понимаю, ты не хочешь меня видеть, и я бы не стал заставлять тебя, но моя мать сейчас осматривает ребенка. Скорее всего, она проведет с ним всю ночь, а твоими ранами нужно было заняться еще в полдень, – осторожно объяснил он, безуспешно пытаясь встретиться со мной взглядом. – Но если тебе страшно, то я могу уйти. Только скажи.

Мне было страшно и хотелось снова остаться в одиночестве, но...

– Больно, – едва слышно произнесла я.

Николас хмуро кивнул и начал развязывать тесемки, которые тянулись до самой поясицы, но он распустил их настолько, чтобы оставить обнаженными плечи и раны от плети. Пропитавшиеся кровью бинты вскоре оказались на полу.

Он шепотом выругался и замер.

– Придется зашивать заново.

Я прикрыла глаза и молча кивнула, собираясь с духом.

Долгое время мы сидели в напряженной тишине.

– Фрейя, – выдохнул он, вытягивая из раны черные от крови нити, – мне так жаль. То, что я сделал... было отвратительно. Ты через многое прошла. Я должен был отнестись к тебе с пониманием и быть сдержаннее, но потерял контроль и поддался эмоциям, хотя следовало все взвесить на холодную голову. Знаю, звучит как глупое оправдание, но так и есть. Тогда в моем представлении все было иначе. Но это зашло дальше, чем я думал. Я... хотел припугнуть тебя, да, показать, что происходит, когда не отдаешь отчета своим словам. Но я точно не желал причинять тебе такую боль, Фрейя. – Я подняла голову, и наши взгляды встретились. – Я ошибся. Прости меня.

Его извинения, его признания, такие человеческие, настолько потрясли меня, что лишили дара речи. На мгновение, всего лишь на один миг я позабыла, кем являлась в этом доме.

– Зачем? – прошептала я наконец.

– Что?

– Зачем тебе мое прощение? Тебя не должно волновать, что я чувствую.

– Но волнует, – просто ответил он.

Повисшее между нами молчание было неловким, тягостным, но я, по крайней мере, перестала бояться Николаса. Однако боль от накладываемых стежков притупила все мысли. Я как могла терпела, но все равно то и дело вздрагивала и выгибала спину. В такие моменты Николас останавливался, давая мне время перетерпеть, и часто смазывал края раны какой-то успокаивающей мазью, что источала приятный аромат.

Когда плечо было зашито, мы оба облегченно выдохнули. Следующим испытанием стало лечение глубоких ран от плети, но я так устала, что глаза даже начали слипаться от успокаивающих движений Николаса и исходившего от него тепла.

Вдруг он нарушил тишину странной фразой:

– Я хочу заключить с тобой сделку.

Сонливость как ветром сдуло.

Я резко посмотрела на его отражение в окне, но он был сосредоточен на ранах.

– Какую еще сделку? – насторожилась я.

– Ты ведь не оставишь попыток сбежать, да? – слегка раздраженно спросил он.

Я даже не задумывалась об этом; в таком состоянии все равно бы далеко не ушла. Да и не было в этом никакого смысла: я не помнила дороги назад и вряд ли определила бы направление верно, не говоря уже о том, что не хотела подвергать риску волков.

Я неуверенно повела здоровым плечом.

– Куда мне бежать?

– Разве ты не хочешь вернуться к волкам? – осторожно поинтересовался Ник.

Я поморщилась. Задумалась, как много могла доверить ему, но не находила весомых причин, чтобы действительно сделать это.

В этот момент он снова поднял глаза и, заметив на моем лице борьбу, уступил:

– Ладно. Я не хочу держать тебя здесь насильно и поэтому дам время до полного выздоровления. Ты будешь беспрекословно исполнять обязанности, как и все, а когда оправишься полностью, я позволю тебе уйти. Если ты этого захочешь, – добавил он.

– Как-то мало походит на сделку, – невесело усмехнулась я. – Условия слишком просты.

– Не вижу смысла усложнять. – Уголок его рта слегка дернулся.

– Сними с меня браслет, – попросила я.

Николас отрицательно мотнул головой:

– Пока не могу. Должно же быть хоть что-то, что будет удерживать тебя здесь и не даст нарушить условия.

Я обернулась и хмуро уставилась на него.

– Ты не доверяешь мне, – продолжил он, смотря мне в глаза. – Так почему я должен доверять тебе?

– Как я могу быть уверена, что ты сдержишь слово? – парировала я, намекая на нарушенное обещание, данное им в лесу.

– Тебе придется поверить мне. Такого больше не повторится, – заверил он. – Впредь никакой лжи. И никто не коснется тебя против твоей воли.

Я немного поколебалась, но все же кивнула и попробовала зайти с другой стороны:

– Я отработаю свое освобождение от Кезро, но ты больше не станешь связывать меня.

Николаас нахмурился.

– Ты торгуешься.

– Ник, даже если бы я захотела, все равно не смогла бы поднять руку на твою сестру или мать. Даю тебе слово, что не способна на это. Я говорила тебе, то, что я просто пытаюсь выжить, еще не делает меня убийцей.

Его имя, слетавшее с моих губ, оказывало какое-то особое воздействие на Николааса.

– Хорошо, – неожиданно быстро сдался он и протянул мне руку.

Я практически рефлекторно повторила жест, но прежде, чем сомкнуть ладони, помедлила.

– Но сделка не состоится, если ты не дашь мне что-то вместо платья, – заявила я, с опаской покосившись на него.

– Сомневаюсь, что условия равнозначны. Ты перетягиваешь все исключительно в свою пользу, – мрачно отозвался Николаас.

Я продолжала удерживать его взгляд в ожидании решения.

После короткой внутренней борьбы он потянулся к моей руке и легко ее сжал. Я отчетливо почувствовала, как его длинные мозолистые пальцы сомкнулись вокруг моих, небольших и тонких.

Быстро отдернув ладонь, я отвернулась.

– Теперь мне кажется, что это самый глупый договор, который я когда-либо заключал, – недовольно пробормотал Николаас, вернувшись к залечиванию моих ран.

Я неуверенно улыбнулась своему отражению.

Глава 10

Фрейя

Той ночью я практически не спала – ворочалась с боку на бок на узкой, скрипучей койке, простыни делали ее непривычно мягкой. В комнате было тепло, но в душе царил лютый холод, и я слегка дрожала от его ледяного дыхания. Все было чужим, мебель казалась лишней. Слишком спокойно. Чересчур удобно. *Неестественно.*

Я перебралась на пол и свернулась клубочком в дальнем углу комнаты, стены которой давили со всех сторон. Они дарили хотя бы какое-то чувство защищенности. Иллюзию безопасности. Я представляла, что вместо них была окружена горячими телами волков, отчаянно желала вновь зарыться пальцами в их шерсть и ощутить свежесть ночи, ласковые порывы ветра, путающего волосы.

Но такого больше никогда не случится.

Я спасла их, обрекая саму себя на гибель и одиночество.

Но если это дарило свободу им, то я была готова принести в жертву свою.

Меня разбудила тупая, пульсирующая боль в плече, и я с кряхтением приподнялась с пола. Раздался шуршащий звук. Я удивленно уставилась на теплое одеяло, которое соскользнуло с моих плеч. Почему я не проснулась, когда кто-то прокрался в комнату и позаботился обо мне, хотя обычно подскакивала от любого малейшего шума?

Я заметила на табуретке порцию вкусно пахнущей еды. Кровать оказалась аккуратно заправлена, а на простыне лежали вещи, которые тут же завладели моим вниманием. Я присела на край и медленно расправила коричневые мужские брюки, рассчитанные на ребенка, и легкую тунику. Губы растянулись в подобие улыбки, но она моментально исчезла, стоило мне припомнить вчерашний день и сомнительный договор, заключенный с Николасом.

Свобода. Он обещал мне свободу. Стоит ли мне верить ему, учитывая, что выгода и правда были не на его стороне? Но я решила отбросить эту призрачную надежду и просто довольствоваться отвоеванной одеждой и возможностью перемещаться без оков.

В голову внезапно закралась мысль.

Бесшумно приблизившись к двери, я потянула ручку на себя и испытала торжество, когда она поддалась. Из недр дома донесся звон посуды и стук кухонного ножа, а следом в комнату ворвались приятные ароматы, отчего желудок требовательно заурчал. Наскоро одевшись и закинув в рот порцию мясного бульона с целебными травами, я тихо вышла из комнаты с пустой миской и двинулась в сторону звука.

Я прошла по небольшому коридору и сразу наткнулась на дверь, ведущую на улицу. Чтобы подавить внезапно вспыхнувший соблазн, я начала осматривать на удивление небольшой для семьи вождя дом. В стене у двери торчали массивные крючки, на которых висела верхняя одежда: теплые плащи с капюшонами, меховые накидки, жилеты, куртки. Рядом стоял закрытый сундук. Приглядевшись, я различила красивую гравировку на замке – два скрещенных топора – и подумала, что здесь хозяева, должно быть, хранили оружие первостепенной важности. Над сундуком висели два огромных лука с замысловатой резьбой. Каждая вещь была начищена до блеска и содержалась в строгом порядке.

Тут я увидела *его*. Большой круглый щит из темного дерева, наполовину скрытый снаряжением для стрельбы. С замиранием сердца я протянула руку, медленно подвинула лук Николаса и застыла, стоило могучему оружию предстать передо мной во всей красе.

Широкую пластину огибала металлическая кайма, а в самом центре, переливаясь в редких лучах солнца, сверкала искусно выплавленная голова волчицы. Почему-то я не сомневалась, что создатель этого оружия изобразил именно самку. Каждая деталь была исполнена в мельчайших подробностях: по всей поверхности щита серебрилась волчья шерсть, глаза сияли, точно живые, а из приоткрытой пасти выглядывали острые клыки.

Дыхание с шумом вырывалось из груди, а в уголках глаз застыли слезы, когда я кончиками трясущихся пальцев прошла по всему изображению. Я почувствовала странное грызущее чувство причастности к этому оружию, непонятную энергетическую связь с ним. В этом крылось нечто уникальное – тайна, не готовая пока явиться мне.

Я заставила себя оторвать пальцы от прохладной поверхности и продолжить следовать за ароматами, пока не приблизилась к проему, что вел на кухню. С низких потолочных балок свисали полоски мяса, тушка кролика, связка рыжих луковиц и пучки сухих душистых трав, от которых распространялись волны запахов, как на цветочном лугу. Половину помещения занимал стол у стены, с лавочками по обе стороны от него. Прямо за ним размещался большой очаг, где кипело какое-то варево, а к большому окну был приставлен длинный разделочный столик, над которым, мурлыкая какую-то песенку, оживленно порхала миниатюрная женщина.

Я тихо кашлянула.

Женщина резко развернулась. Ее доброе открытое лицо, тронутое кое-где морщинами, оказалось очень милостивым. Черные, лоснящиеся волосы с редкой сединой доходили ей до поясницы. В глазах цвета меда горело искреннее участие и мягкость.

– О, милая. Рада видеть тебя в сознании.

Сердце у меня замерло.

Голос. Этот нежный голос из сна, так сильно напомнивший мне маму. Словно ее душа скрылась в теле этой женщины и теперь призывала меня нырнуть в родные объятия.

Я отвернулась и незаметно зажмурилась.

Она не была моей мамой. Моей матери больше нет.

– Это вы, – едва слышно произнесла я, вновь посмотрев на женщину. – Вы помогли мне справиться с лихорадкой и промыли раны в тот день.

Она с улыбкой кивнула.

– Ты очень сильная, раз смогла вынести это. – В ее глазах промелькнула грусть, и я вдруг подумала, что она имела в виду не только лихорадку. – Садись, – она приглашающим жестом указала на скамью. – И, пожалуйста, зови меня Делией.

Я молча протянула ей миску и присела на край.

Делия осмотрела мою одежду. Ее брови поползли вверх, но на лице не было осуждения или недовольства, лишь веселое удивление.

– Хотелось бы мне быть рядом, когда Ник увидит тебя.

Я мгновенно ошетибилась и вздернула подбородок.

– Мы с ним договорились, что я могу ходить в том, что выберу сама.

– Да-да, знаю, – отозвалась женщина и вернулась к готовке. – Он рассказал мне о вашей сделке. Ходил по дому хмурый, словно леший, и ворчал, где ему достать для тебя брюки.

– Это вы нашли мне одежду?

– Нет. Я хотела помочь, но Николас сказал, что ты его головная боль, – по-доброму усмехнулась Делия. – Вечно он отказывается от помощи, не желая кого-либо обременять. Зато на себя взваливает проблемы каждого.

В ее напускном упреке таилось столько теплоты, что у меня сжалось сердце. Я догадалась о их родстве сразу, как только рассмотрела эту удивительную женщину получше. И хотя внешне Николас больше походил на отца, черты Делии тоже проскальзывали на его лице.

– Он уже видел меня в штанах. – Я повела здоровым плечом, наблюдая, как она ловко нарезает морковь.

– Пусть так, но для нашего клана это в диковинку, – усмехнулась Делия. Заметив, что я нахмурилась, она отложила нож. – Поверь, милая, здесь ты в безопасности. Наши мужчины уважают женщин и не позволяют себе лишнего, – серьезно проговорила она, удерживая мой взгляд.

В голове всплыли воспоминания вчерашнего дня. Ладонь Николаса, крепко сомкнутая на моем запястье, кровь, боль, удушающий страх неизвестности.

Я резко отвернулась, чтобы Делия не прочитала это в моих глазах, но от этой женщины трудно было что-то скрыть. Она присела рядом и взяла мои ладони в свои прохладные, нежные руки. Одним своим прикосновением ей удалось каким-то немислимым образом утихомирить боль от ссадин.

– Я знаю, о чем ты сейчас думаешь. – Она тяжело вздохнула, и тон ее стал суровым: – Он признался мне, что натворил. Поначалу я даже не поверила, потому что не ожидала такого от своего сына. Да и он сам, кажется, тоже. Я накричала на него. – Я ошеломленно уставилась на Делию. Эта хрупкая светлая женщина *накричала*? – О да. Сказала, что это было низко, что достойному мужчине не пристало так обходиться с девушками. Он и спорить-то не пытался. Я знаю своего сына, Фрейя. Если он причинил кому-то боль, ему от этого будет гораздо больнее. Вчера он поступил с тобой мерзко, и ему нет оправдания. Но все же... я хочу, чтобы ты знала. Он в самом деле сожалеет о содеянном и раскаивается, – сказала она. – Я видела, как он сидел на полу по ту сторону двери и смотрел в пустоту, слушая твои страдания. Думаю, он наказал себя сильнее, чем кто-либо мог это сделать.

Я не отрывала взгляда от наших переплетенных рук, чувствуя, что могу верить этой женщине. Ее словам, которые поразили меня до глубины души.

– Я простила его еще вчера. – Признание стало неожиданным даже для меня. Я заглянула в честные глаза Делии. – Он извинился, а я простила.

– Не все бы смогли, – заметила она и провела пальцами по пожелтевшим синякам на моем лице, оставшимся после стычки с Кезро. Ее мягкие прикосновения напоминали материнские. Она не спрашивала разрешения, а я не отстранялась, позволяя ей осматривать повреждения. Некоторым людям не нужно было ничего доказывать, чтобы завоевать доверие.

– Как твоя рука? Надеюсь, Николас сделал вчера перевязку? – Она кивнула на мое неподвижное плечо.

– Да.

Делия, видимо, почувствовала мое нежелание вдаваться в подробности и не стала давить. Просто ободряюще сжала мои ладони и встала, чтобы продолжить готовку.

Тут входная дверь дома распахнулась, и длинный луч света скользнул по порогу. Внутри влетела овчарка и спустя мгновение оказалась у наших с Делией ног, дружелюбно облизывая руки. Я положила ладонь ей на макушку и почесала шелковые ушки. Собака затихла, наклонив голову вбок.

Ласка. Это имя подходило ей.

Следом появился Николас с целым арсеналом оружия. Его одежда была мокрой от пота, из-за чего внушительные мышцы выделялись еще отчетливей. Волосы, по обыкновению собранные в пучок, растрепались и прилипли к вискам. Он зачесал назад пряди, после чего откинул крышку сундука и сложил туда мечи с кинжалами. Черный топор остался висеть на поясе.

Он выпрямился и вдруг замер. А вместе с ним застыла и я, практически не дыша. Некоторое время Николас, прищурившись, смотрел на щит, который я забыла прикрыть луком.

– Опять ты впустил в дом это чудовище, – проворчала Делия и, пока сын не обращал на нее внимания, быстро сунула собаке два кусочка мяса со стола.

Николас перевел взгляд на меня. Выражение его лица стремительно поменялось. Он осмотрел меня с ног до головы, после чего тяжело сглотнул и отвернулся.

– Может, все же переоденешься? – хрипло спросил он, неожиданно сильно заинтересовавшись зазубринами на стене и почти не моргая.

– Ты ведь ходишь в штанах, – с недоумением заметила я.

– Это... – Он заставил себя посмотреть мне прямо в глаза, изо всех сил стараясь не опускать взгляд ниже. – Это другое... Я... То есть ты... О Боги, не важно, – пробормотал он и потер ладонью лицо.

Позади нас раздался звонкий смех. Я обернулась и увидела хихикающую Делию, которая прижимала ко рту тонкую кисть, чтобы заглушить свое веселье.

– К такому тебя жизнь не готовила, правда, сынок?

Николас выглядел несчастным. Он скрестил руки на груди и свирепо уставился на мать.

– Перестань.

Но она захохотала еще громче.

Я вдруг поняла, что тоже улыбаюсь.

Это не укрылось от Николаса, и я поспешила принять бесстрастный вид. Он избавил меня от неловкости, вновь повернувшись к Делии. Какого демона в этой семье все были такими проникательными?

– Где Лети? – все еще пребывая в плохом настроении, не к месту поинтересовался он.

– Играет с остальными, как и всегда, – лукаво улыбнулась Делия. – А тебе бы сходить умыться. Размахиваешь своими железками с самого рассвета.

– Я закончил, – сухо бросил Николас. Он подошел к столу и, смочив тряпку в ведре, принялся тщательно протирать лицо и грудь. Тонкая струйка воды скрылась в вырезе рубахи, и я резко отвернулась, чтобы спрятать пылающие щеки. От его присутствия кухня будто бы уменьшилась в разы.

– Ты пообедала?

– Да, – с запинкой ответила я, не сразу поняв, что вопрос адресован мне.

– Тогда идем. – Он шагнул было к двери, но его остановил возмущенный голос Делии:

– Какие могут быть прогулки! Фрейя еще не оправилась. Только погляди, какая она бледная.

– Я в порядке, – быстро возразила я и коротко улыбнулась ей. – Мне не мешает пройти. – На самом деле я просто не хотела провести взаперти еще какое-то время. Все мое существо отчаянно рвалось на волю. Мне не было дела даже до заданий, которыми собирался нагрузить меня Николас. Главное, что я выйду на улицу.

Лицо Делии смягчилось.

– Ладно уж. Идите.

Вместе с собакой мы покинули дом. Когда я переступила порог, то успела расслышать тихий голос Делии:

– Пожалуйста, Ник, не делай больше глупостей.

Я зажмурилась от ярких лучей солнца, ударивших в глаза, и несколько раз моргнула. Полетному теплый ветерок поиграл с моими волосами и унесся прочь, к возвышающимся над долиной кронам деревьев.

Впервые за несколько дней я вдохнула полной грудью.

– Пошли, – бросил Ник. Он развернулся и быстро зашагал между домами, даже не проверив, иду ли я следом. Собака остановилась и выжидающе посмотрела на меня.

Вздохнув, я махнула ей рукой и сократила разделяющее нас с Ником расстояние, подстраиваясь под его широкий шаг.

– Куда ты меня ведешь?

– Хочу показать тебе деревню, чтобы ты могла здесь ориентироваться, – объяснил он. – К тому же тебе пора кое с кем познакомиться.

Наше появление на улицах не осталось без внимания. Женщины сбились в кучки и оживленно перешептывались друг с другом, беззастенчиво рассматривая меня. Только сейчас я заметила, что у всех в клане были прямые темные волосы и такие же темные глаза – исключением были лишь Николас и его отец. Должно быть, я выглядела очень странно со своими выщипанными русыми волосами, голубыми глазами, да еще и вырядившись в мужские штаны и рубаху.

Не укрылось от меня и то, с какой обидой и недоумением юные девушки поглядывали на Николаса. А на меня – с завистью, что быстро перерастала в ненависть. Но мне не было до них дела.

Что по-настоящему обеспокоило меня, так это изучающие взгляды мужчин, буквально прилипшие к моим ногам и бедрам. В моем клане женщины привыкли ходить так, как им было удобно, и мужская половина относилась к этому спокойно. Но от пристального внимания, которым меня окружили здесь, стало неудобно, хотя я успешно скрывала это за показным безразличием и холодностью.

А вот Николас явно не собирался мириться с невежественностью соплеменников. От взглядов, которые он бросал в сторону ошеломленных мужчин, даже мне хотелось отойти на пару шагов. На меня Ник старался не смотреть вообще.

Я со сдержанным интересом наблюдала за его неловкостью и раздражением.

– Тебе стыдно за мой внешний вид? – спокойно спросила я, глядя перед собой.

– Я предупреждал, что он привлечет ненужное внимание, – процедил Николас, уходя от прямого ответа, и продолжил борьбу взглядов.

– Мне все равно, – соврала я.

Он покосился на меня, но ничего не сказал.

– Я хочу знать... – заговорила я, когда вокруг стало меньше людей, но тут же замолчала и в нерешительности закусил губу. Мне не хотелось портить ему настроение своими расспросами, учитывая, что он мог быть до опасного непредсказуемым. Однако я имела право знать. По крайней мере, если все еще обладала им.

– Говори, – отозвался Николас.

– Почему ты купил меня?

– Вечно ты задаешь одни и те же вопросы, – ответил он, стараясь сдерживать недовольство.

– А ты никогда не отвечаешь на них, – парировала я, даже не пытаюсь скрыть свое. Терпение никогда не входило в число моих достоинств.

Он немного помолчал и сказал:

– Я не поддерживаю Кезро в том, что они сотворили с твоей деревней. Несправедливо заковывать тебя в цепи за одно только желание спастись. Ты не заслужила этого, как и не заслужили смерти твои соплеменники.

– Вряд ли они обошлись справедливо хоть с одним рабом, – буркнула я.

– Спасти всех невозможно. Я стал свидетелем именно твоего заключения.

– И решил взять восстановление справедливости на себя, – пренебрежительно фыркнула я. *«Вы поглядите, какое везение!»*

– Я не смог иначе. Хочешь верь, хочешь нет, меня это не волнует, – добавил он в ответ на мой скептический взгляд. – Я уже говорил, что поступаю так, как считаю нужным.

Мы приближались к каменному зданию, которое возвышалось в отдалении от жилых построек. Я без интереса скользнула по нему взглядом.

В голове внезапно пронеслось все то, что я испытала в день пленения. *Смерть Лидера. Горячий язык Истэка на моей шее. Унизительное скольжение за лошадьё по земле. Крики в шатре. Плевки. Снова крики. Боль. Темнота. Снова боль.* Затем фантазия добавила образы того, что могло ждать меня в будущем.

– Спасибо, – в конце концов прошептала я, только сейчас осознав, что Николас для меня сделал. И хотя я по-прежнему не доверяла его благим намерениям, он подарил мне время. Дал возможность проститься со стаей. Сделать все правильно. А с остальным я справлюсь сама.

Николас скупо кивнул. Однако я заметила, как сверкнули его глаза.

Когда до странного каменного сооружения с наполовину деревянной крышей оставалось всего несколько десятков шагов, я различила шум. Ритмичный звонкий стук разлетался по округе, а сквозь распахнутые настежь двери пробивался яркий алый свет.

Я резко остановилась. *Краснокожий мужчина. Свежевыкованный браслет. Щелчок, отбравший у меня свободу.*

Николас обернулся.

– Обещаю, тебе не о чем беспокоиться, – произнес он.

Немного помедлив, я кивнула.

У самого порога нас окатило волной жара, и сердце мое сжалось. Прошло уже немало времени, но страх перед огнем оно так и не смогло исцелить.

Я вдохнула горячий воздух и вместе с Николасом двинулась на оглушающе громкий звон, который эхом отдавался в моих костях.

Огромный лысый мужчина в льняной белой рубахе и толстом фартуке стоял у наковальни и бил молотом по раскаленной стали длинного клинка, от которого отскакивали яркие искры. Заслышав шаги, он прекратил работу и обернулся. Его правый глаз был полностью белым, а руки испещряли грубые рубцы. Он растянул губы в кривой усмешке, отчего его лицо приобрело устрашающий вид.

Я ответила на его злобный взгляд спокойно, показывая, что раскусила притворство.

– Кузнечное ремесло – дело непростое, но Фергус в нем мастер. Будь он хоть трижды слепым, никто не сравнится с ним, – наклонившись к моему уху, сказал Ник, а затем с едва заметной улыбкой повернулся к мужчине: – Фергус, дружище, прекращай. Она не та, кого можно запугать парочкой царапин.

Кузнец хмыкнул и вернулся к ковке оружия, не выказывая интереса к незнакомке.

– Он не очень-то общительный, – добавил Ник. Настроение у него явно стало лучше.

Я промолчала и повертела головой, с восторгом осматриваясь по сторонам. В моей деревушке кузница не отличалась большими размерами. В ней вечно царил ужасный беспорядок, но Сатон – наш кузнец – быстро, без малейшей суеты, находил все, что нужно. Я была там нечастой гостьей, лишь изредка навевывалась, чтобы поинтересоваться у Сатона не выковал ли он для нас с братом новые клинки. Он по-настоящему любил свою работу. Возможно, для него смерть от огня не была такой страшной и мучительной, как для остальных. Он верил, что ему удалось приручить неукротимого красного зверя.

Это место определенно не шло ни в какое сравнение с его кузницей. Идеальная чистота, непривычная для подобных построек, где беспрерывно велась грязная, тяжелая работа, навевала почти уютные ощущения. Стены были обвешаны оружием, кольчугами и доспехами, с балок на потолке свисали длинные веревки и массивные цепи, а в выступах в камне и дереве были расставлены толстые свечи с застывшим вокруг слоем воска. Глубокая, раскалившаяся печь была тщательно выскоблена, рядом с ней размещались различные инструменты, ведра с водой, метлы и громоздкие ящики, доверху наполненные подковами.

Словно замороженная, я неспешно подошла к ближайшей стене с невероятно красивыми мечами, украшенными резными узорами и рисунками на рукоятях. Уже приготовившись услышать строгий голос Ника или почувствовать на плече его тяжелую ладонь, я помедлила, но никто не стал останавливать меня. Я восхищенно переходила от одного клинка с прекрасной серебряной вязью к другому.

– Их выковал я, – раздался глубокий голос Николаса над самым ухом. От неожиданности я вздрогнула. Он стоял почти вплотную ко мне, и от его тела исходило тепла больше, чем от самой кузницы. Я подняла глаза, но он, сдвинув к переносице темные брови, критически рассматривал свои творения. – Если я тебе понадобится и ты не найдешь меня на тренировочном поле, приходи сюда. В последнее время я часто бываю здесь. Слишком много работы.

– Много? – вырвалось у меня. – Да тут оружия на целое войско хватит.

Он перевел взгляд на меня, и я вдруг заметила, как близко наши головы друг к другу.

– Недостаточно, – бросил он и отступил. На мгновение я будто бы даже ощутила прохладу. – Если мы хотим победить Кезро, его надо гораздо больше.

– Победить, – прищурившись, снова повторила я. – Значит, ты все-таки осознаешь тщетность союза с этими чудовищами.

– Я не стану обсуждать это с тобой, – отрезал Николас и быстро двинулся к выходу. Его плечи и спина были заметно напряжены.

Я бросилась за ним. Мне следовало бы остановиться, зная, на что он способен в таком состоянии. Но другого шанса все выяснить могло больше не представиться.

После удушающей жары кузницы воздух снаружи казался освежающим глотком воды. Ветер скользнул под волосы, овеивая вспотевшую шею блаженной прохладой.

Я прибавила шаг, чтобы поравняться с Ником.

– Ты определенно не одобряешь все, что делают Кезро. Тогда почему ваш клан решил объединиться с этим сборищем дикарей?

– Тебя это не касается.

– Ошибаешься, – сердито отозвалась я и остановилась, заставив его сделать то же самое. – Они спалили мою деревню. Убили мою мать. Лидера. Забрали коня. Лишили меня дома. Едва ли это не касается меня. Я должна знать правду. Что вас связывает и почему вы пошли на это?

Николас склонил голову и исподлобья поглядел на меня, видимо, размышляя, что можно мне рассказать.

Я яростно раздувала ноздри в ожидании его ответа. Ранее сказанные им слова, без сомнений, указывали на его отношение к Кезро. Но если бы сейчас он сказал обратное... если я что-то не так поняла... Стоило ли говорить, что тогда мое положение заметно бы ухудшилось?

– Ты слышала наш с Фабианом разговор по пути сюда. Другой причины нет, – наконец ответил он.

– Но как можно заключать союз с кланом, законы которого вам противны?

– Это ведь очевидно. Сколько еще мне надо повторить? – Он выжидающе посмотрел на меня, но, так и не дождавшись ответа, пояснил: – Ради безопасности.

– Да вы просто трусы! – в сердцах воскликнула я. – Должна же быть хоть капля гордости.

– Что ты сказала? – опасно низким голосом переспросил Ник, медленно наклонив голову.

Я взволнованно сглотнула, однако отступить не собиралась.

– Этим вы только продемонстрировали свою слабость. Они ведь не сдержат слово и нападут. Ты сам это подтверждал.

– Жизнь важнее гордости, Фрейя. Пора бы тебе это уяснить, – сказал он тоном, после которого наши разговоры обычно принимали неприятные обороты. – Сейчас наш клан и правда слабее. Поэтому, чтобы исправить это, нам нужно время, которое даст нам именно это соглашение. Никто не сомневается, что оно будет нарушено. Но к тому моменту мы будем готовы достойно ответить.

– Ты ведь понимаешь, что они догадываются об этом? Они обманывают, играют с вами, как с резными фигурками. Кезро могли перебить ваш маленький отряд, но не сделали этого. Им что-то нужно от вас, и я скажу тебе что. – Осмелев, я шагнула вперед и наставила на него палец. – Они забавляются. Не хотят прямого столкновения. Им нравится наблюдать за вашим падением и убеждать вас во взаимной верности, чтобы потом нанести сокрушительный удар и хохотать над вашими трупами. Им не нужны дары, которые вы принесли из своих земель. Они спокойно могут забрать их силой.

– Зато теперь мы знаем, что они из себя представляют. И сможем выработать стратегию, чтобы отразить нападение, – отчеканил Николас, с возмущением встретив мой неприличный жест. – Так мы имеем над ними хоть какой-то контроль. К тому же они не знают точно, сколько у нас воинов. Не думаешь, что мы способны вести *свою* игру?

– Хорошо бы эта игра не обернулась вашим поражением раньше времени, – прошептала я, невидяще уставившись куда-то в сторону.

– Спасибо за заботу, тебя забыли спросить, – ядовито ответил он и направился дальше.

Ниточка напряжения снова натянулась между нами, но я не жалела о вопросах и позволила себе немного расслабиться.

На обход деревни ушло полдня. Николас не отличался особой разговорчивостью, но я поймала себя на том, что с интересом внимала каждому слову. Он не без гордости показал мне широкие пастбища, на которых с умиротворенным видом пасся разношерстный скот; огороды с длинными вереницами зеленых грядок, вдоль которых каким-то образом протекали ручейки, спускавшиеся со склонов. У грядок сидели на коленях женщины и собирали в плетеные корзинки уже созревшие травы и плоды.

– Это Дом Совета, – указал Ник на высокие дубовые двери, что были возведены прямо внутри огромного заросшего холма и сливались с окружением. – Здесь проходят собрания старших воинов клана, обряды или торжества. Заходить внутрь не будем. Тебе туда нельзя.

– Мне так никто и не сказал, как называется ваш клан, – призналась я.

Он несколько озадаченно посмотрел на меня.

– Этна.

– Этна, – медленно, словно пробуя на вкус, произнесла я. – Мне кажется... я где-то слышала это. Только вот совсем не помню, где и от кого. – Я так сильно нахмурила брови, что на лбу проступили глубокие морщины.

Ник пожал плечами:

– Ты могла услышать это название где угодно.

– Нет. – Я упрямо помотала головой, отчаянно пытаюсь воскресить в памяти момент. Но от мучительных раздумий у меня только болезненно запульсировало в висках, и я сдалась. – Намного раньше. Когда... Ладно, не важно. – Я вздохнула и пошла дальше, совершенно сбита с толку этой странной и внезапной вспышкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.